

893
6506

ОТЪ ПЕТРОЗАВОДСКА ДО ИЕРУСАЛИМА
И
ОБРАТНО.

(Путевыя замѣтки и впечатлѣнія паломника).

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ.

Свящ. С. Мерцаловъ.

**Св. градъ Иерусалимъ
и
его окрестности.**

У І е р у с а л и м а .

Знаменитый путешественник А. С. Норовъ, посѣтившій Палестину въ 1861 году, по поводу Іерусалимо-Яффской желѣзной дороги, бывшей тогда только въ проэктѣ, сдѣлалъ такое замѣчаніе: „Предположеніе провести отъ Яффы до Іерусалима желѣзную дорогу меня пугаетъ. Паломники будутъ замѣнены туристами“. И это совершенная правда. Подѣзжая по желѣзной дорогѣ къ Іерусалиму, мы скорѣе походили на туристовъ, чѣмъ на паломниковъ: по крайней мѣрѣ, въ сердцахъ нашихъ не ощущался, да и не могъ ощущаться тотъ полный умиленія священный восторгъ, который переполнялъ души прежнихъ паломниковъ, приближавшихся къ священному городу, имѣя его предъ своими очами. „Мы достигли послѣднихъ высотъ, пишетъ, напр., тотъ же А. С. Норовъ о своемъ прибытіи въ Іерусалимъ, сердце мое сильно билось. Вотъ показалась вершина горы Елеонской, вотъ и Іерусалимъ!“... „Я кинулъ поводъ лошади и бросился на землю съ сладкими слезами. Спутники мои также поверглись на землю. Въ нѣмомъ восторгѣ и не сводя глазъ съ этого святѣйшаго мѣста земного шара, мы спустились уже пѣшіе по разметаннымъ камнямъ“. Последняго, разумѣется, не могло быть съ нами: мы подѣхали къ самому Іерусалиму, не видѣвъ этого священнаго города; не увидѣли его и по выходѣ изъ вагона. Какъ бы сознавая всю неумѣстность своего пребыванія въ этихъ освященныхъ жизнію Спасителя міра мѣстахъ, небольшой желѣзнодорожный вокзалъ скромно пріютился у Гинномской долины, прикрываясь не высокимъ холмомъ отъ взоровъ священнаго города. На платформѣ обычная суэта и движеніе; совсѣмъ забываешь, глядя на окружающее, что находишься у порога святѣйшаго библейскаго города.—Среди присутствовавшихъ на платформѣ особенное вниманіе всѣхъ обращалъ на себя господинъ средняго роста въ оригинальномъ восточномъ костюмѣ съ подвижнымъ умнымъ лицомъ. Оказалось, что это —управляющій учрежденіями Палестинскаго Общества въ Іерусалимѣ, пріѣхавшій съ Подворья встрѣтить паломниковъ. Познакомившись съ нами, онъ любезно сообщилъ, что экипажи для насъ уже готовы и мы можемъ отправляться на подворье, не беспокоясь о своемъ багажѣ, который въ цѣлости будетъ доставленъ туда же часа черезъ 3 или 4. Въ зиду крайней усталости мы поспѣшили воспользоваться его предложеніемъ, скоро размѣстились по экипажамъ и фургонамъ и минуты чрезъ 3, при спускѣ въ Гинномскую долину сердца наши невольно затрепетали отъ радости и счастья: предъ нами по ту сторону глубокой, но не широкой (Гинномской) долины высился священный городъ, предметъ нашихъ думъ и горячихъ желаній. Такъ вотъ онъ „вѣчный“ и многострадальный поистинѣ городъ, содержащій внутри себя драгоцѣнные для

всего христiанскаго мiра, да и челоуѣчества, святыни: Голгоуу, гдѣ Спаситель мiра, пострадавъ за грѣхи наши, примирилъ насъ съ Богомъ, и Живоносный Гробъ—источникъ нашего всеобщаго воскресенiя. И при взглядѣ на него одни за другими быстро пронесли въ моей памяти его историческiя судьбы.—Очень давно существуетъ этотъ священный городъ. Съ вѣроятностiю можно сказать, что онъ—тотъ самый древнiй Салимъ, гдѣ во время правед. Авраама жилъ Мелхиседекъ, царь и священникъ Бога Вышняго. Настоящее имя его (Ерушалаемъ—наслѣдiе мiра) существовало уже съ давняго времени, такъ какъ оно встрѣчается въ книгѣ Иисуса Навина (X, 1; XII, 10); но до временъ Давида городъ назывался также и Эвусъ, отъ жившихъ въ немъ эвусеевъ, происходившихъ отъ древнихъ хананеевъ. Во времена Иисуса Навина Иерусалимомъ владѣлъ Адониседекъ, котораго ереи предали смерти вмѣстѣ съ другими 4 ханаанскими царями близъ Гаваона (I. Нав. X, 22—27). Спустя нѣсколько времени, евреи овладѣли нижнею частiю города; но только при Давидъ въ 8-е лѣто его царствованiя (1049 г. до Р. Х.) эвусеяне были совсѣмъ изгнаны съ горы Сiона, на которой Давидъ основалъ верхнiй городъ, ставшiй его резиденциею. Въ царствованiе Соломона, Иерусалимъ достигъ апогея своего величiя. Постройка величественнаго храма, который по своей роскоши, великолѣпию и богатству причисленъ былъ къ 7 чудесамъ древняго мiра, устройство царскихъ палатъ и другихъ великолѣпныхъ зданiй, торговля сношенiя, простиравшiяся до Индiи и Африки и нѣкоторыя другiя причины сдѣлали Иерусалимъ центромъ цивилизации Западной Азiи. „И веѣ цари на землѣ искали видѣть Соломона, чтобы послушать его мудрости, которую вложилъ Богъ въ его сердце. И они подносили ему каждый отъ себя дары“, говорится въ 3 кн. Царствъ (X, 24 и 25). По раздѣленiи царствъ на iудейское и израильское Иерусалимъ остался столицею iудейскою. Въ 5-е лѣто царствованiя Ровоама, онъ былъ разграбленъ Сезакомъ, египетскимъ фараономъ. Въ царствованiе Иорама полчища филистимлянъ и арабовъ проникли въ городъ, разграбили палаты царя и увели въ плѣнъ его сыновей и женъ (2 Парал. XXI, 17). Въ царствованiе Амасiн городъ былъ снова разоренъ царемъ Иоасомъ. Въ царствованiе Езекии его осаждали ассирияне, хотя и безуспѣшно, но спустя 130 лѣтъ халдеяне подъ предводительствомъ Навуходоносора совершенно его разрушили. Возстановленный впослѣдствiи съ дозволенiя Кира, царя персовъ, онъ съ паденiемъ персидской монархiи, снова подвергался многимъ бѣдствiямъ. Александръ Македонскiй пошадилъ его, оказавшiе, сверхъ ожиданiя, даже его покровителемъ; въ 305 году Иерусалимъ подпалъ подъ власть Птолемея Сотира. Птолемеи и селевкиды также благоволили къ нему; но жестокосердный царь Сирии Антиохъ Епифанъ разорилъ его (за 170 л. до Р. Хр.) и поставилъ въ храмѣ статую Юпитера. Освобожденный затѣмъ Маккавеями, Иерусалимъ былъ взятъ Помпеемъ (за 63 года до Р. Хр.), а нѣсколько времени спустя храмъ былъ разграбленъ, Крассомъ. Иродъ Агриппа украсилъ его великолѣпными зданiями. По смерти этого царя, iудея была подчинена сирийской префектурѣ. Возстанiе евреевъ, въ царствованiе Нерона,

вызвало усмиреніе, при чемъ взятый Титомъ Іерусалимъ былъ окончательно разрушенъ и срытъ до основанія, въ 71 году по Р. Хр. Нѣсколько уцѣлѣвшихъ башенъ и небольшое количество зданій были уничтожены затѣмъ Адріаномъ послѣ новаго возмущенія евреевъ въ 136 г. (по Р. Хр.). Жестокій метитель хотѣлъ уничтожить самое имя Іерусалима и на мѣстѣ его построилъ новый городъ съ новою стѣною, включившей въ черту города и Голгоѳу,—подъ названіемъ Эліп-Капитолины въ честь Юпитера капитолійскаго, которому и воздвигнуть былъ храмъ на мѣстѣ бывшаго іудейскаго храма. Входъ евреямъ въ Іерусалимъ при этомъ императорѣ былъ совсѣмъ воспрещенъ. Въ царствованіе его преемника, еврей цѣною золота купили себѣ право приходить плакать только на развалинахъ Сіона. Въ 362 г. они тщетно пытались возстановить храмъ, а между тѣмъ благочестіемъ царя Константина и матери Елены, воздвигались уже христіанскіе храмы на мѣстахъ, освященныхъ воспоминаніями чудесныхъ событій изъ земной жизни Спасителя. Евреямъ теперь дозволено было только одинъ разъ въ годъ посѣщать ев. городъ и плакать на развалинахъ Соломонова святилища. Въ 615 году городъ снова подвергся нападению персидскаго царя Хозроя и былъ взятъ приступомъ. Императоръ Ираклій отнялъ его въ 627 г., но въ 636 онъ былъ осажденъ арабами подъ предводительствомъ Омара и послѣ 4-хъ мѣсячнаго сопротивленія долженъ былъ сдаться. Въ продолженіе 4 послѣдующихъ вѣковъ Іерусалимъ былъ подчиненъ дамасскимъ и багдадскимъ калифамъ, которые не тревожили ни жителей, ни многочисленныхъ поклонниковъ въ него стекавшихся, но ему суждено было вынести жестокости Фитимитовъ и въ особенности султана Хакима, по приказанію котораго храмъ Гроба Господня былъ сожженъ, въ 1010 году. Не милостивѣе къ Іерусалиму были и Сельджукиды, наслѣдовавшіе Фатимитамъ въ XI вѣкѣ. Наконецъ христіанская Европа увидѣла здѣсь такіа страшныя гоненія на христіанъ, что стала помышлять о защитѣ христіанскихъ исповѣданій. Извѣстный пустынникъ Петръ Амьенскій, дважды посѣтившій Палестину и видѣвшій тамъ во очію бѣдствія христіанъ и поруганіе святыни, подвигнулъ своєю вдохновенною проповѣдію европейскія государства на освобожденіе Св. Земли отъ нечестивыхъ мусульманъ. Многочисленныя христіанскія войска подъ предводительствомъ Готфрида Бульонскаго явились подъ стѣнами Іерусалима 7 іюня 1099 года и обложили его кругомъ. Цѣлый мѣсяцъ готовились они къ осадѣ, вынося подъ палящими лучами солнца всѣ ужасы жажды. 14 іюля произведена была первая атака; но крестоносцы были отбиты съ большимъ урономъ. На другой день въ пятницу, въ то время, когда духовенство шло въ процессіи кругомъ города, осаждающіе храбро устремились на его укрѣпленія. Послѣ часовой битвы, въ восточной стѣнѣ пробита была брешь и христіане заняли весь городъ. Они преслѣдовали мусульманъ до самой Омаровой мечети, которую буквально залили кровію; многія тысячи евреевъ погибли также въ это время подъ развалинами своихъ синагогъ. Завладѣвъ Іерусалимомъ, крестоносцы съ большими издержками возстановили храмъ Гроба Господня; но ихъ кратковременное владычество было низложено Саладиномъ, отнявшимъ Іерусалимъ въ 1187 году и возстановившимъ

въ немъ мусульманское богослуженіе. Въ 1226 году императоръ Фридрихъ II снова овладѣлъ было городомъ, но два года спустя онъ былъ уже опять во власти египетскихъ султановъ. Этотъ несчастный городъ былъ предметомъ новыхъ поруганій въ царствованіе послѣднихъ калифовъ Эйюбитовъ и анархіи Мамелюковъ до тѣхъ поръ, пока вмѣстѣ съ Сирією не поднялъ подъ владычество османскаго султана Селима II въ 1517 году. Съ того времени онъ раздѣлялъ и раздѣляетъ судьбы турецкой монархіи. Причисленный съ давнихъ поръ къ Дамасскому пашалыку, Іерусалимъ составляетъ теперь отдѣльный округъ, управляемый пашею, находящимся въ подчиненіи бейрутскому каймакуму ¹⁾.—Такъ сбываются слова Спасителя міра относительно Іерусалима, что онъ „будетъ попраемъ язычниками, доколь не окончатся времена язычниковъ“ (Лук. XXI, 24).

Іерусалимъ расположенъ на высотѣ іудейскихъ горъ подъ 31° 46' сѣверной широты и 32° 53' восточной долготы, на линіи раздѣла водъ, текущихъ къ западу въ Средиземное море, а къ востоку въ Мертвое. Въ виду центральности его положенія въ странѣ—у пророка Іезекіиля говорится (отъ лица Іеговы): „Это Іерусалимъ. Я поставилъ его среди народовъ, вокругъ него—земли (V, 5)». По той же причинѣ, по свидѣтельству Іосифа Флавія, въ древности Іерусалимъ называли пупомъ (центромъ) страны; а по свидѣтельству другихъ, и центромъ всей земли.—Будучи построенъ по холмистой поверхности горы, возвышающейся надъ уровнемъ Средиземнаго моря на 365 саж., Іерусалимъ только съ сѣвера примыкаетъ къ возвышенной плоскости, по которой идетъ дорога въ Дамаскъ, а съ другихъ сторонъ окруженъ глубокими оврагами, которые въ свою очередь обставлены другими холмами, возвышающимися надъ городомъ („горы окрестъ его и Господь окрестъ людей своихъ“, говоритъ Псалмопѣвецъ Давидъ), что и мѣшаетъ видѣть Іерусалимъ издалика: съ востока Іерусалимъ облегаютъ глубокая долина Кедронская или Іосафатова (уади Ситти-Маріамъ), а съ юга и запада—долина Гинномская (уади эр-Ребаби), которая при впаденіи въ Іосафатову долину называлась въ древности *Геенною* (долиною убіенія), такъ какъ здѣсь нѣкогда приносились въ жертву Молоху невинные младенцы (IV Царств. XXIII, 10). Въ виду того, что площадь, занимаемая Іерусалимомъ, имѣетъ значительный склонъ на юго-востокъ и обнесена высокими стѣнами, а холмы Гинномской долины съ юго-запада не особенно возвышаются надъ этою площадью,—самаго Іерусалима, или вѣрнѣе строеній внутри его стѣнъ, при спускѣ въ Гинномскую долину не видно: не видно ни храма Воскресенія, гдѣ Голгова и Гробъ Господень, ни другаго какого-либо христіанскаго храма, ни даже верхушки минарета—мусульманской мечети,—на насъ величаво неприступно смотрѣли однѣ маститыя, съ зубчатымъ забраломъ, стѣны Іерусалима, залитыя яркими лучами заходящаго солнца; правѣ ихъ, изъ-за невысокой каменной ограды Сіонскаго кладбища виднѣлась группа построекъ восточнаго типа съ невысокимъ минаретомъ мечети, это домъ Тайной вечери или Сіонская горница; налѣво, отъ самыхъ стѣнъ—сплошныя строенія болѣе европейской, чѣмъ азіатской архитектуры, составляющіе предмѣстія Іерусалима

¹⁾ Смышляевъ Д. Синай и Палестина. Изъ путевыхъ замѣтокъ. Пермь, 1877 г.

или новый Іерусалимъ, за которымъ привѣтливо высится колокольная—башня русской церкви на Елеонской горѣ; еще лѣвѣе—по сю сторону долины, у склона ея, симметрично расположились невысокіе длинные корпуса—жилище евреевъ—сіонистовъ.—Тихо спускаясь мы, противъ стѣнъ священнаго города, къ плотинѣ, что пересѣкаетъ Гинномскую долину внизу, и проѣхавъ по ней, поднимаемся въ гору, направляясь къ Давидовой башнѣ, что у Яффскихъ воротъ. Стѣны священнаго города высятся уже надъ нами справа, а лѣво въ глубинѣ долины (къ крайнему удивленію) сверкаютъ воды обширнаго полуссохшаго пруда, около котораго картинно размѣстилось группами нѣсколько смуглыхъ арабовъ со стадами козъ и караванами верблюдовъ. Вотъ и Давидова башня. Поровнявшись съ нею, экипажи наши поворачиваютъ лѣво и катятъ по широкой оживленной пыльной улицѣ предметъся. По обѣ стороны—неособенно привлекательные одноэтажные и двухъ-этажные дома съ кофейнями и еврейскими булочными; тутъ же мясныя и пивныя лавки, мастерскія вещей изъ маслячнаго дерева, кузницы и магазины съ четками и священными предметами. Кругомъ движеніе, шумъ и говоръ; встрѣчаются люди всѣхъ націй и всевозможныхъ костюмовъ, пѣшіе и ѣдущіе на ослахъ и мулахъ. Все это какъ-то мало отвѣчало тому настроенію, съ которымъ мы прибыли къ священному городу, свидѣтелю страданій и смерти Спасителя, и развлекая своей суетою, неблагоприятно отражалось на нашей религіозной настроенности. Экипажи, между тѣмъ, свернувъ въ узкій переулочекъ направо, вѣхали въ широкія ворота Русскаго Подворья.—Русское подворье или что тоже «Русскія Постройки» занимаютъ обширную площадь въ 16000 квадрат. саж. на сѣверо-западъ отъ города въ полумерстѣ отъ Яффскихъ воротъ. Прежде здѣсь было пустопорожнее мѣсто, называвшееся Мейданскою площадью, которая служила плацомъ для обученія солдатъ іерусалимскаго гарнизона. Въ 1859 году Св. Городъ посѣтилъ покойный Великій Князь Константинъ Николаевичъ, первый Августѣйшій паломникъ Святой Земли Русскаго Императорскаго Дома, отъ наблюдательнаго взгляда котораго не могли укрыться тѣ стѣненія и крайнія неудобства, которыя приходилось тогда испытывать въ Іерусалимѣ нашимъ паломникамъ, тѣснившимся по тѣснымъ греческимъ монастырямъ. Чтобы облегчить и улучшить положеніе во Св. Землѣ этихъ послѣднихъ, по почину Великаго Князя, и приобрѣтена была русскими пустовавшая Мейданская площадь, для возведенія на ней русскихъ построекъ. Половина площади, говорятъ, подарена была Великому Князю Султаномъ, а другая половина приобрѣтена на наличныя средства покойнаго Государя Императора Александра Николаевича. На помощь доброму дѣлу пришли затѣмъ казна и щедрыя жертвы частныхъ лицъ и начатія въ 1860 г. русскіе постройки окончены были въ 1864 г. Распорядокъ ихъ и въ настоящее время такой же, какой былъ и тогда, въ 1864 г. Посреди обширной площади красуется величественный пятиглавый соборъ византійской архитектуры во имя Пресв. Троицы; по правую сторону его на незначительномъ разстояніи стоитъ громадное двухъ-этажное зданіе, образующее большой четырехугольникъ, съ невы-

сокой башней и террасой, откуда открывается видъ на городъ, Елеонскую гору и соеѣдніе холмы Іудей. Въ этомъ зданіи помѣщаются наша духовная миссія и поклонники изъ духовенства; а въ западной части его—крестовая церковь въ честь св. мученицы царицы Александры. Рядомъ съ зданіемъ миссіи стоитъ другой небольшой 2-хъ-этажный довольно красивый корпусъ, въ которомъ помѣщается больница для заболѣвающихъ паломниковъ. По лѣвую сторону соборнаго храма, въ линію съ зданіемъ миссіи, помѣщается обширный одноэтажный домъ на поразительно низкомъ фундаментѣ, это—палата для мужчинъ паломниковъ, рассчитанная на 400 человѣкъ; противъ нея на значительномъ разстояніи въ восточной сторонѣ храма находится другой такой же домъ—палата для паломницъ. Напротивъ фасада главнаго корпуса (миссіи) разбитъ молодой паркъ, въ зелени котораго помѣщается одноэтажный домъ—квартира русскаго консула, съ высоко развѣвающимся національнымъ русскимъ флагомъ, а лѣвѣе вблизи алтарной стѣны, высится небольшой обвитый переплетшимися виноградными лозами навѣсъ, прикрывающій собою отверстіе объемистой цистерны (цистерна—подземный резервуаръ для скопленія и храненія дождевой воды, которую обыкновенно питаются жители Іерусалима). Вся мѣстность съ означенными постройками обнесена высокою стѣною; въ послѣдней—трое воротъ: съ южной стороны—около больницы, съ восточной—около зданія консульства и съ сѣверной—около мужеской палаты. Послѣднія (ворота) ведутъ къ новому, помѣщаемомуся почти рядомъ съ мужескою палатою, величественному двухъ-этажному, съ высокими башнями, русскому зданію, образуящему обширный четырехъугольникъ; зданіе это построено очень недавно (лѣтъ 6 или 7 тому назадъ) Императорскимъ Православнымъ Палестинскимъ Обществомъ въ дополненіе къ русскимъ постройкамъ 1864 года. Русскія постройки 1864 года рассчитаны были самое большое на 800—900 паломниковъ. Когда же съ теченіемъ времени число паломниковъ, постепенно увеличиваясь, достигло почтенной цифры 2000 и болѣе, то само собою разумѣется, заботъ и хлопотъ съ ними удвоилось явились новыя потребности, которыя требовали немедленнаго удовлетворенія. Все это усмотрѣлъ и надлежаше взвѣсилъ пропитательный умъ другого Царственнаго Паломника Русской земли, Великаго Князя Сергія Александровича, бывшаго во Св. Землѣ въ 1881 г. Возвратившись на родину, Его Высочество основалъ Императорское Православное Палестинское Общество, которому, кромѣ другихъ обязанностей, въ 1889 году и поручена была всецѣло забота о русскихъ паломникахъ во Св. Землѣ. Стараніями этого то Общества и устроено упомянутое выше величественное зданіе, въ которомъ, кромѣ квартиры г. управляющаго подворьемъ и конторы, имѣются платные номера 3-хъ разрядовъ для состоятельныхъ и интеллигентныхъ паломниковъ, общія столовыя, кухня, баня и прачешная.—Миновавъ зданіе миссіи, соборный храмъ и мужескую палату экипажи наши остановились у входа въ новое зданіе Палестинскаго Общества, гдѣ привѣтливо встрѣтили насъ подворскіе служащіе. Обыкновенно прибывающіе сюда съ пароходовъ паломники немедленно проходятъ въ общую трапезную, гдѣ выслушавъ благодарствен-

реулокъ глухими стѣнами, и страннопріимнаго дома «Casa nov.», принадлежащаго, кажется, латинянамъ; за послѣднимъ свернули снова влѣво въ короткую улицу греческой патриархіи, на половину закрытую сводами и на половину открытую, и вошли въ крытую христіанскую улицу. Эти поразительно узкіе переулки и улицы, нерѣдко связанные между собою арками и сплошными сводами, невольно напоминали намъ священный стихъ псалмиста Давида: „Іерусалимъ устроенъ какъ городъ, слитый въ одно зданіе“ (Псал. 121, 3), очень примѣнимый и къ современному Іерусалиму.—Христіанская улица, по которой мы шли теперь, повернувъ направо, оказывалась оживленнѣе всѣхъ предъидущихъ; она очень похожа на базарную улицу большого восточнаго города: такія же по обѣ стороны не особенно приглядныя сплошныя лавки, въ которыхъ производится торговля разными жизненными припасами, также въ нихъ и около нихъ готовится пища, пекутся хлѣбы и изготовляются предметы производимой торговли. Но вотъ лавки стали очень опрятными; въ нихъ уже видны исключительно церковные и священные предметы: восковыя свѣчи, перламутровыя крестики и иконки, четки и картины священо историческихъ, евангельскихъ событій, и повернувъ между двухъ такихъ лавокъ налѣво въ едва замѣтный узкій проходъ, мы скоро по нѣсколькимъ ступенямъ спустились внизъ и оказались на открытой небольшой (сажень 10 въ квадратѣ) площади, вымощенной гранитными плитами. Предъ нами налѣво—храмъ Гроба Господня, или вѣрнѣе—его южная открытая сторона, та давно желанная цѣль, къ которой въ продолженіи 19 столѣтій стремились и стремятся тысячи и миллионы людей, чтобы облобызать св. мѣста, освященные стопами Спасителя міра, окропленные Его пречистою Кровію и откуда возсіяла радостная вѣсть спасительнаго Воскресенія. —Храмъ Гроба Господня или Воскресенія въ первый разъ построенъ былъ на мѣстѣ гробницы Спасителя и Голгофы, по повелѣнію императора Константина Великаго и его равноапостольной матери св. Елены, въ 326—332 годахъ іерусалимскимъ епископомъ Макаріемъ. Онъ состоялъ изъ величественной базилики, нѣсколькихъ изящныхъ колонадъ и дворовъ, при чемъ Голгофская скала возвышалась среди сооружений на открытомъ воздухѣ¹⁾. Въ такомъ видѣ храмъ существовалъ около трехъ столѣтій и былъ совершенно разрушенъ персидскимъ царемъ Хозроемъ II при нашествіи въ 614 году. Благодаря, од-

¹⁾ Современникъ императора Константина историкъ Евсевій такъ описываетъ этотъ храмъ, который, по мысли основателей его, своимъ великолѣпіемъ долженъ былъ превзойти всѣ гдѣ-либо существовавшіе тогда храмы. «Напередъ пишетъ онъ, какъ главу всего, царь (Константинъ) украсилъ священную пещеру—божественную гробницу, у которой свѣтоносный ангелъ нѣкогда возвѣстилъ всѣмъ о возрожденіи, дарованномъ чрезъ Спасителя. Эту-то пещеру (отдѣливъ отъ скалы и выровнявъ вокругъ мѣстность) христіановѣда щедрота царя отдѣлала отличными колоннами и многочисленными украшеніями. Изъ пещеры есть выходъ на обширную площадь подъ открытымъ небомъ. Эта площадь выстлана блестящимъ камнемъ и съ трехъ сторонъ обведена длинными непрерывными портиками. Рядомъ съ пещерою, на восточной сторонѣ ея, стоитъ базилика; зданіе чрезвычайное высоты неизмѣримой, широты и длины необыкновенной. Внутренняя сторона его отдѣлана разно-

нако, ходатайству жены побѣдителя, дочери византійскаго императора Маврикія—христіанки, мѣстоблюститель іерусалимскаго патріаршаго престола, ставшій потомъ іерусалискимъ патріархомъ, Модестъ, съ помощію александрійскаго патріарха Іоанна Милостиваго, нашелъ возможность въ продолженіи 15 лѣтъ, если не возстановитъ всѣхъ прежнихъ сооруженій въ ихъ величественныхъ размѣрахъ, то по крайней мѣрѣ укрыть въ отдѣльныхъ зданіяхъ чтимыя святыя мѣста. Очевидецъ Арнульфъ описываетъ эти сооруженія Модеста подъ названіями: храма Воскресенія, храма Голговы, храма обрѣтенія Честнаго Древа и храма Богоматери. Въ 637 г., при взятіи Іерусалима мусульманами подъ предводительствомъ Омара, зданія эти были пощажены; но въ царствованіе египетскаго султана Хакима въ 1010 году подверглись совершенному разрушенію; намѣстникъ въ Рамле Ярухъ пытался даже уничтожить и самый Гробъ Господень и разбилъ большую часть его. Въ 1046 г. однако, по повелѣнію византійскаго императора Константина Мономаха, греческіе архитекторы возстановили изъ развалинъ прежнія зданія, придерживаясь плана патр. Модеста, т. е. въ видѣ ротонды надъ погребальнымъ ложемъ Спасителя и трехъ отдѣльныхъ храмовъ ¹⁾. Въ такомъ положеніи застали эти храмы крестоносцы, которые въ 1130 году предприняли трудъ соединить всѣ ихъ въ одномъ общемъ зданіи. Но храмъ крестоносцевъ ²⁾ также былъ непроченъ, какъ и владычество ихъ во св. Землѣ. При императорѣ Карлѣ V и сынѣ

цвѣтными мраморами, а наружный видъ стѣнъ, блистающій полированными и одинъ съ другимъ сплоченными камнями, представляется дѣломъ чрезвычайно красивымъ и нисколько не уступающимъ мрамору. Что же касается до крыши, то внѣшняя сторона ея подъ куполомъ для защиты отъ зимнихъ дождей покрыта свинцомъ, а внутри украшена глубокою рѣзьбою, распространяясь подобно великому морю надъ всею базиликою связанными дугами и вездѣ блистая золотомъ, озаряетъ весь храмъ будто лучами свѣта» (Евсев. Памф. т. 2, стр. 194).

¹⁾ Храмъ императора Константина Мономаха видѣлъ извѣстный нашъ паломникъ XII в., игум. Даниилъ и вотъ что, между прочимъ, пишетъ о немъ: «есть церковь та сяка образомъ—кругло создана, столповъ же имѣеть 12 облыхъ (изъ цѣльнаго камня) и 6 зданныхъ (сложенныхъ изъ отдѣльныхъ частей) и помощена есть досками муроморяными (мраморными) красно вельми, двери же имать шестеры, а на полатахъ (хоры, гдѣ присутствуютъ женщины во время богослуженія) столповъ 16, а подъ полатами подъ верхомъ исписаны суть святыя пророки вси мусією, аки живи стоятъ, а надъ олтаремъ написанъ Христосъ мусією, а въ олтари же великомъ написано адамово воздвиженіе, въ самомъ же верху написано есть Воздвиженіе Господне, обоимъ же алтаря написано Благовѣщеніе, а все то подписано есть мусією. Верхъ же церковный не до конца сведенъ каменіемъ, но токмо спертъ досками и дрѣвиемъ тесанымъ плотническимъ образомъ и тако есть безъ верха не покрыто ничимъ же. Подъ тѣмъ же самымъ верхомъ непокрытымъ есть Гробъ Господень, яко печерка мала избѣчена изъ камени, двери имуща малы, яко можетъ человекъ влести на колѣна поклонисся» (Путешествіе игумена Даниїла, изданіе археограф. комиссіи, стр. 20).

²⁾ Этотъ, безъ сомнѣнія, храмъ имѣлъ въ виду русскій паломникъ XV вѣка, когда писалъ: «у святаго Воскресенія два верха: одинъ есть съ маковицею и со крестомъ надъ купомъ земнымъ, а другій верхъ надъ гробомъ Божиимъ: сей верхъ не покрытъ» (Путеш. русскихъ людей по Св. Землѣ, стр. 52).

его Филиппъ (въ XVI в.) храмъ крестоносцевъ былъ снятъ и замѣненъ новымъ, который и существовалъ до начала XIX вѣка. Сильный пожаръ 12 октября 1808 года истребилъ въ храмѣ ротонду надъ часовнею Гроба Господня и отчасти Голгоескіе придѣлы; православная іерусалимская патріархія, правда, немедленно возстановила это, но верхъ ротонды скоро обвалился и оставался въ жалкомъ положеніи, пока на помощь патріархіи не пришли правительства русское, французское и турецкое, совмѣстными стараніями которыхъ въ 1868 году обвалившійся верхъ былъ исправленъ и ротонда увѣнчана куполомъ. — Такова въ общемъ исторія храма Гроба Господня, изъ которой видно, что храмъ этотъ въ его настоящемъ видѣ есть сооруженіе императора Константина Мономаха съ послѣдующими въ нихъ измѣненіями. То же подтверждаетъ отчасти и обращенный къ площади фасадъ храма, который носитъ видимые слѣды XII вѣка. Его очертанія непривильны и лишены симметріи. Двое входныхъ дверей имѣютъ широкія стрѣлчатыя арки, украшенныя въ древнемъ вкусѣ (двери справа почему то нахлухо задѣланы). Надъ ними находится два окна съ такими же арками; выше ихъ надъ своеобразнымъ карнизомъ стѣны возвышается небольшой куполъ, осѣненный крестомъ. На дверныхъ перемычкахъ изображены барельефно: на лѣвой — воскресеніе Лазаря и входъ Спасителя въ Іерусалимъ, а на правой — разныя вѣтви съ листьями и плоды, среди которыхъ помѣщены группы людей, птицъ и животныхъ. — Слева къ фасаду храма примыкаетъ высокая четырехугольная башня безъ верхушки, справа — другая въ томъ же вкусѣ, какъ и первая, построенная между 1160 и 1180 г.г., а около задѣланныхъ дверей ютится невысокое оригинальное крыльцо съ ходомъ, который нѣкогда велъ на Голгоескую скалу, а нынѣ ведетъ къ наружному придѣлу во имя Св. Елены. И этотъ внѣшній видъ храма Гроба Господня не только не производитъ на паломника сильнаго впечатлѣнія; наоборотъ, возбуждаетъ въ немъ разочарованіе, такъ какъ вмѣсто величественнаго, превосходящаго всѣ рукотворенные храмы, какимъ желалось бы видѣть хранилище величайшихъ святыхъ христіанскихъ, предъ нимъ — почти заурядное сооруженіе рукъ человѣческихъ, имѣющее за собою лишь относительную древность. Разочарованіе это увеличивается по мѣрѣ приближенія къ храму и скоро переходитъ въ скорбное чувство при видѣ явныхъ слѣдовъ небрежнаго отношенія къ нему со стороны завѣдующихъ имъ: старинный карнизъ по мѣстамъ обвалился, украшенія на аркахъ, особенно оконныхъ, частію облупились, частію потрескались, а на подоконныхъ выступахъ можно видѣть слои пыли и высохшую траву. Кого однако винить въ этой возмутительной небрежности? — Право ремонта, равно какъ и построекъ въ храмѣ, по исторіи и фирманамъ турецкаго султана, принадлежитъ православнымъ грекамъ; но по-

¹⁾ Этотъ, безъ сомнѣнія, храмъ имѣлъ въ виду русскій паломникъ XV вѣка, когда писалъ: «у святаго Воскресенія два верха: одинъ есть съ маковицею и со крестомъ надъ пупомъ земнымъ, а другій верхъ надъ гробомъ Божиимъ: сей верхъ не покрытъ» (Путеш. русскихъ людей по Св. Землѣ, стр. 52).

добнымъ же правомъ пользуются и христіане другихъ исповѣданій (латиняне, армяне, копты и др.) у которыхъ здѣсь (въ храмѣ) также имѣются свои собственныя дорогія для религіознаго чувства сооруженія и пріобрѣтенія. Отсюда храмъ Гроба Господня является достояніемъ всѣхъ этихъ исповѣданій и предпринять въ немъ что либо на общую пользу (ремонтировать его или поправить что) безъ взаимнаго согласія и участія представителей этихъ исповѣданій является дѣломъ крайне труднымъ и пожалуй невозможнымъ. А между тѣмъ этого-то согласія и мира между представителями христіанъ разныхъ исповѣданій при Гробѣ Господнемъ и нѣтъ къ прискорбію; отсюда и бываетъ, что благія начинанія на пользу храма однихъ почти постоянно замираютъ въ самомъ началѣ, сталкиваясь съ косностью или враждебными дѣйствіями другихъ, — особенно много препятствій въ этихъ случаяхъ идетъ со стороны притязательныхъ латинянъ. — На площади храма Гроба Господня, когда мы шли, было, къ удивленію, полнѣйшее отсутствіе жизни и движенія: ни одного продавца крестиковъ и четокъ, ни одного паломника или туриста. Двери храма, однако, полуотворены, и полные благоговѣйнаго трепета мы переступили священный порогъ. Предъ нами, прямо противъ входа, въ разстояніи нѣсколькихъ шаговъ, возвышаясь на $\frac{1}{4}$ аршина, на полу продолговатая плита изъ блѣднорозоваго мрамора, имѣющая кругомъ такую же мраморную раму съ 4 мѣдными шарами по угламъ. Это — *камень помазанія*, прикрывающій собою мѣсто, гдѣ нѣкогда тайные ученики Христа Іосифъ Аримаѣйскій и Никодимъ, снявъ тѣло Іисуса со креста, помазали его смѣшеніемъ смиренны и алая, приготавливая къ погребенію. Плита имѣетъ около 3 аршинъ въ длину и 14 вершковъ въ ширину; надъ нею устроенъ родъ балдахина и теплится нѣсколько лампадъ, а по бокамъ стоятъ 6 высокихъ подсвѣчниковъ (по два — отъ православныхъ, латинянъ и армянъ, такъ какъ камень помазанія составляетъ общую принадлежность этихъ христіанскихъ исповѣданій). За камнемъ помазанія высятся глухая стѣна греческаго храма Воскресенія, (храмъ этотъ представляетъ какъ бы второй, внутренній храмъ въ храмѣ Гроба Господня), на которой, среди священныхъ изображеній, особенно выдѣляется большой образъ Снятія со креста Господа нашего Іисуса Христа. Направо двѣ мраморныя лѣстницы ведутъ съ двухъ сторонъ на Голгоѳу и между ними проходъ въ придѣлъ св. Іоанна Предтечи и пріемную греческаго Святогробскаго Братства; налѣво виднѣ полусвѣтъ, колонны ротонды..., а у входныхъ дверей, въ глубокой нишѣ находится возвышеніе, на которомъ поджавши ноги сидѣли сторожа — турки въ своихъ традиціонныхъ фескахъ. Сидѣли они, правда, и вели себя весьма прилично; незамѣтилъ я, какъ пишутъ нѣкоторые, чтобы они курили табакъ или играли въ кости, но уже одно присутствіе ихъ — этихъ фанатическихъ поклонниковъ Магомета въ священномъ храмѣ христіанъ — не могло не смутить и не огорчить нашего благоговѣйно настроеннаго, религіознаго чувства. Отчего бы въ самомъ дѣлѣ въ храмѣ не имѣть сторожей изъ христіанъ? И если почему-либо нельзя всеѣмъ освободить храмъ отъ надзора мусульманъ, то почему бы не помѣстить мусульманъ

сторожей вѣ храма у дверей, какъ это и было въ XVI и XVII столѣтіяхъ? ¹⁾...— Камень помазанія—первый священный предметъ благоговѣйнаго поклоненія паломника въ храмъ Гроба Господня, ради котораго онъ предпринялъ нелегкій далекій путь; здѣсь изливаются первые порывы его сердца, исполненнаго въ это время самымъ теплымъ, святымъ религіознымъ чувствомъ.—Мы благоговѣнно преклонили колѣна и облобызавъ священный камень, направились влѣво къ ротондѣ, часовни погребальнаго ложа Христова. На пути, въ полутемномъ проходѣ, мы не могли не замѣтить съ лѣвой стороны на полу, подъ грубымъ желѣзнымъ колякомъ съ теплящеюся лампадою, мраморнаго круга, означающаго мѣсто, гдѣ, по преданію, стояла Богоматерь во время помазанія тѣла Спасителя и перенесенія его въ погребальную пещеру; мѣсто это принадлежность армянъ и отсюда идетъ лѣстница наверхъ, въ главную ихъ церковь.—Обширная и свѣтлая ротонда, въ которую мы вошли вслѣдъ затѣмъ, имѣетъ около десяти сажень въ діаметръ и окружена 18 массивными пилястрами, которые поддерживаютъ верхнюю галерею изъ 18 аркадъ. Надъ фризомъ галереи видѣнъ рядъ нишъ. Ротонда покрыта замѣчательнымъ, синимъ съ золотыми звѣздами, куполомъ, прорѣзаннымъ множествомъ оконъ въ основаніи (куполь сооруженъ почившимъ Государемъ Императоромъ Александромъ Николаевичемъ). Въ центрѣ этой ротонды и возвышается часовня Гроба Господня.

Часовня Гроба Господня или, какъ называютъ ее греки, Кувуклія покрываетъ собою самое дорогое, священное для христіанъ мѣсто—пещеру Живоноснаго Гроба Христова ²⁾. По наружному виду часовня эта очень изящна; имѣетъ фигуру продолговатаго четвероугольника, увѣнчаннаго (надъ пещерою Гроба Господня) небольшимъ куполомъ въ видѣ короны. Сооружена вся изъ красиваго желтоватаго мѣстнаго мрамора, называемаго царскимъ, и обильно украшена искусной работы колонками, пилястрами, баллюстрадами

¹⁾ См. у А. Норова, Путешествіе по Св. Землѣ въ 1835 году. СПб. 1841 г., ч. I, стр. 176.—Въ другомъ мѣстѣ (стр. 89—90) Норовъ говоритъ: «Христіане не должны смущаться, что великія святыни ихъ находятся въ уничиженіи отъ язычниковъ (мусульманъ).—Спаситель міра, подвергнувъ Себя на землѣ всѣмъ страданіямъ человѣческимъ, оставилъ и святыни Свои подъ тѣми же законами природы, которымъ подвергалось Его Божественное Тѣло».

²⁾ Пещера эта, какъ извѣстно, въ свое время высѣчена была въ природной скалѣ за городомъ и, какъ Гробница Спасителя міра, глубоко чтилась и посѣщалась христіанами съ первыхъ временъ христіанства. Последнее очень не нравилось императору Адріану—язычнику, а потому, какъ передаютъ церковные историки, онъ и приказалъ засыпать свящ. пещеру, и на выровненномъ мѣстѣ построилъ языческій храмъ въ честь Венеры. Благодаря этому обстоятельству, священная пещера сохранилась въ цѣлости и неповрежденности до времени торжества христіанства надъ язычествомъ. По повелѣнію императора Константина Великаго, храмъ Венеры былъ разобранъ, свящ. пещера открыта и отдѣлена отъ скалы въ видѣ четвероугольнаго каменнаго столба. Впослѣдствіи, претерпѣвъ нѣсколько разрушеній во время войнъ, часовня эта повреждена была пожаромъ въ 1808 г, послѣ котораго и восстановлена въ ея настоящемъ видѣ; отъ прежней, древней часовни осталась только нижняя часть стѣнъ не болѣе двухъ аршинъ вышины.

карнизами и другими архитектурными украшеніями. Съ западной стороны къ стѣнѣ часовни примыкаетъ деревянная капелла коптовъ, которая по грубости работы и отдѣлки и своей бѣдности представляетъ совершенный контрастъ съ изящной часовней. Съ восточной—у входа въ часовню, возвышающагося 3-мя ступенями изъ мрамора,—по обѣ стороны стоятъ по невысокой мраморной скамьѣ съ мраморными же перилами и по 3 великолѣпныхъ подсвѣчника съ очень высокими, доходящими до верхнихъ карнизовъ часовни, свѣчами. Надъ входною (узкою) дверью, которая не выше $2\frac{1}{2}$ аршинъ, помѣщаются три небольшихъ образа Воскресенія Христова, изъ которыхъ средній высѣченъ на камнѣ, а боковые—рисованные (первый принадлежитъ православнымъ, а изъ боковыхъ одинъ—латинянамъ, и другой—армянамъ, такъ какъ только три эти исповѣданія имѣютъ право совершать богослуженіе внутри часовни).—Мы благоговѣйно вошли въ часовню Гроба Господня или вѣрнѣе—въ ея первое отдѣленіе, называемое *придѣломъ ангела*¹⁾, (названіе это дано въ воспоминаніе того евангельскаго событія, что въ моментъ воскресенія Господа „Ангель, сошедшій съ небесъ, приступивъ отвалилъ камень отъ двери гроба и сидѣлъ на немъ“, а женамъ муриносицамъ, пришедшимъ видѣти гробъ, сказалъ: „вы ищите Іисуса распятаго. Его здѣсь нѣтъ: Онъ воскресъ, какъ сказалъ. Подойдите, посмотрите мѣсто, гдѣ лежалъ Господь“ (Мѡ. XVIII, 2, 5 и 6).—Придѣлъ ангела занимаетъ очень небольшое пространство—правильный четырехугольникъ около 5 арш. въ каждой сторонѣ. По срединѣ возвышается небольшой мраморный столпъ, въ который вдѣлана часть камня, отваленнаго нѣкогда ангеломъ отъ двери гроба; надъ столпомъ висятъ нѣсколько лампадъ, принадлежащихъ разнымъ исповѣданіямъ. Вся внутренность придѣла обложена бѣлымъ и сѣрымъ мраморомъ; по обѣимъ сторонамъ отъ входа въ стѣнахъ имѣются два небольшія овальныя отверстія, чрезъ которыя въ Страстную субботу патріархъ раздаетъ народу священный огонь. Противъ входа, за столпомъ, очень низкая дверь (въ 1 аршинъ 13 вершковъ вышины и 15 вершковъ ширины) ведетъ въ самую пещеру Гроба Господня; надъ дверью изваяны два ангела, держащіе вѣнокъ.—Въ придѣлѣ ангела, когда мы вошли, никого не было. Приложившись къ священному камню, мы немедленно одинъ за другимъ вошли, низко наклонившись, внутрь погребальной пещеры и полные умиленія, радости и благодатныхъ слезъ, преклонили колѣна предъ мѣстомъ, гдѣ нѣкогда лежало тридневное Пречистое Тѣло Христа, Спасителя міра... Трудно, да и едва ли возможно, передать на бумагѣ то благоговѣйно умиленное состояніе, тѣ священныя чувства благодаренія, прошеній и славословія, которыя переживаешь и испытываешь здѣсь, предъ погребальнымъ ложемъ Господнимъ, этимъ „яко рая краснѣйшимъ, воистину и чертога всякаго царскаго свѣтлѣйшимъ источ-

¹⁾ Часовня Гроба Господня внутри дѣлится на два неравные отдѣленія: первое, болѣе обширное,—придѣлъ ангела и второе, вмѣщающее не болѣе 3-хъ человѣкъ, собственно пещера Гроба Господня. Такое раздѣленіе сдѣлано по образцу устройства древнихъ погребальныхъ усыпальницъ во св. Землѣ, имѣющихъ въ большинствѣ случаевъ переднюю комнату и потомъ другую съ нишей для положенія мертвеца.

никомъ нашего воскресенія“.— „Въ тайникѣ души человѣческой,—очень вѣрно замѣчаетъ по этому поводу одинъ изъ путешественниковъ,—есть струны (состоянія), до которыхъ нельзя касаться. Онѣ звучать сами, когда предъ духовными очами встаютъ повседневныя картины будничной суеты, отраженіе житейскихъ тревоженій.. Озаренное свѣтомъ сердце начинаетъ биться радостнымъ трепетомъ и вы потрясены, вы возражаетесь. Въ васъ самихъ источникъ священнаго восторга, экстаза и вдохновенія... (И въ пещерѣ св. Гроба) гдѣ совершилось великое таинство обновленія міра, (одно только) высокое (святое), всесильное, незримое наполняетъ душу; люди плачутъ, кто можетъ, или же молчатъ подавленные, потрясенные ¹⁾».—Пещера Гроба Господня занимаетъ всего квадратную сажень пространства. По свидѣтельству св. Евангелиста Марка, жены мироносицы, „вошедши во гробъ, увидѣли юношу, сидящаго на правой сторонѣ“ (XVI гл. ст. 5); согласно этому и погребальное ложе Спасителя міра находится направо отъ входа, занимая всю правую сторону пещеры, (имѣетъ 2 арш. 10¹/₂ вершк. длины, 1 арш. 5 вершк. ширины и 14¹/₂ вершк. вышины). Сверху и съ лицевой стороны оно покрыто плитами изъ бѣлаго мрамора ²⁾. Верхняя плита по срединѣ перепилена, что сдѣлано, говорятъ, мусульманами, которые нѣкогда хотѣли похитить плиту въ виду ея драгоцѣнности. Надъ плитою по стѣнѣ вокругъ погребальнаго ложа идетъ небольшой карнизъ, по которому разставлены подсвѣчники со свѣчами и мраморныя вазочки съ живыми и искусственными цвѣтами. Выше карниза у сѣверной стѣны, какъ и надъ входомъ въ часовню, помѣщаются въ рядѣ три образа Воскресенія, изъ которыхъ средній, какъ и тамъ, высѣченъ на камнѣ и принадлежитъ православнымъ, а боковые — одинъ латинянамъ и другой — армянамъ. Противъ входа въ пещеру на стѣнѣ виситъ небольшой, но выразительный образъ Богородицы, около которой постоянно находится святогробскій монахъ, наблюдая за порядкомъ въ пещерѣ и окропляя богомольцевъ освященною ароматною водою. Вся гробница освѣщена 43 драгоцѣнными лампадами.—Непосредственно послѣ пещеры Гроба Господня намъ желалось посѣтить и другую величайшую святыню христіанъ—Голгоескую скалу или лобное мѣсто, гдѣ грѣшный родъ человѣческій примиренъ былъ съ Богомъ крестною смертію воплотившагося Сына Божія; а потому выйдя изъ часовни Гроба Господня, мы возвратились къ камню помазанія, откуда крутою каменною въ 18 высокихъ ступеней лѣстницею и поднялись въ Голгоескій храмъ ³⁾.—Голгоескій храмъ занимаетъ ровную площадку (около 24 квадр. саж.),

¹⁾ Б. Корженевскій. По востоку, стр. 119—120.

²⁾ Подлинное каменное ложе, на которомъ лежало Пречистое Тѣло Христово, издавна покрыто мраморными плитами въ виду того, что многіе паломники, въ порывѣ религіознаго чувства, позволяли себѣ откалывать отъ него частицы.

³⁾ Храмъ на Голгоѣ въ первый разъ сооруженъ былъ патриархомъ Іерусалимскимъ Модестомъ около 630 года. Раздѣляя затѣмъ одинаковую судьбу съ храмомъ Гроба Господня, онъ въ послѣдній разъ восстановленъ въ его настоящемъ видѣ греческою іерусалимскою патриархіей въ 1809—1810 г.г.

покрытую невысокими сводами; сквозная арка дѣлитъ его на двѣ равныя половины, изъ которыхъ лѣвая—мѣсто распятія Спасителя міра—принадлежитъ православнымъ, а правая—мѣсто пригвожденія ко кресту—латинянамъ. Въ восточной части первой, надъ мѣстомъ, гдѣ водруженъ былъ крестъ Христовъ, помѣщается православный престолъ, представляющій собою цѣльную мраморную доску, утвержденную на четырехъ мраморныхъ столбикахъ. Подъ престоломъ въ каменномъ помостѣ имѣется круглое, въ четверть аршина въ поперечникѣ и въ аршинъ глубины, отверстіе, обдѣланное вызолоченнымъ серебромъ съ изображеніемъ на немъ страстей Господнихъ,—въ это отверстіе водруженъ былъ нѣкогда крестъ съ распятымъ на немъ Господомъ. Престолъ не покрытъ свящ. одеждами и не отдѣленъ ни чѣмъ отъ середины храма, а потому къ мѣсту водруженія креста Господня имѣютъ свободный доступъ всѣ христіане, какъ мужчины, такъ и женщины. За престоломъ на помостѣ, касаясь почти свода, высится величественное Распятіе въ натуральную величину съ предстоящими—Богородицею и Возлюбленнымъ ученикомъ Христа—Іоанномъ, изображенными также во весь ростъ. За распятіемъ—цѣнный сплошной иконостасъ, въ которомъ между другими образами выдѣляется драгоценный образъ страждущаго Спасителя, пожертвованный Россійскимъ Царствующимъ Домомъ. Множество дорогихъ лампадъ и паникадилъ, развѣшанныхъ между иконостасомъ и престоломъ, разливаютъ яркій свѣтъ въ полутемномъ сводѣ, освѣщая мѣсто страданій и смерти І. Христа. Позади престола приблизительно на разстояніи одного аршина отъ мѣста водруженія креста Господня вправо и влѣво, на томъ же помостѣ, два черные круга обозначаютъ мѣста, гдѣ стояли кресты съ распятыми разбойниками. Направо около престола, на помостѣ же, отодвигающаяся серебряная доска прикрываетъ узенькую продолговатую рѣшетку, чрезъ которую видна подлинная скала съ разсѣлиной, образовавшейся въ минуту смерти Спасителя ¹⁾.—Вторая, принадлежащая латинянамъ, половина храма Голгофы, имѣетъ два престола, примыкающіе къ самой (восточной) стѣнѣ. Здѣсь обращаетъ вниманіе художественный образъ страждущей Богородицы, а въ окно южной стѣны можно отчасти видѣть латинскій же придѣлъ во имя Скорбящей Божіей Матери (чрезъ этотъ именно придѣлъ нѣкогда былъ ходъ на Голгофу съ наружной площади).—Надъ храмомъ Голгофы помѣщается святогробская ризница, куда входъ для стороннихъ лицъ безусловно воспрещенъ (даже іерусалимскій патріархъ не имѣетъ свободнаго доступа туда), а подъ храмомъ—правѣе пріемная святогробцевъ и комната, гдѣ хра-

¹⁾ Подлинность Голгофской скалы несомнѣнна, какъ и подлинность погребальнаго ложа Господня. Извѣстный старожилъ и знатокъ Іерусалима, архитекторъ К. Шикъ, прежде скептически относившійся къ достовѣрности святынь храма Воскресенія, послѣ произведенныхъ имъ въ 1895 г., по порученію Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества, изслѣдованій относительно существованія и простиженія Голгофской скалы, вотъ что писалъ по этому поводу: «При моихъ изслѣдованіяхъ храма Воскресенія, мнѣ пришлось убѣдиться, что подъ нынѣшнимъ Голгофскимъ придѣломъ дѣйствительно существуетъ скала. Я нашелъ въ ней трещину, о которой древніе паломники сообщаютъ, что въ ней могъ помѣститься человѣкъ». (См. Чтенія о Св. Землѣ, Изд. И. П. П. О. XXXIX. В. Н. Хитрово, «Іерусалимъ и его окрестности», стр. 26—27).

нятся части св. мощей, а лѣвѣе—придѣлъ св. Іоанна Предтечи, у восточной стѣны котораго, за престоломъ, сквозь желѣзную рѣшетку отчетливо видно продолженіе разсѣлины Голгоѣской скалы.—Помолившись на мѣстѣ крестныхъ страданій и смерти Спасителя, мы благоговѣйно облобызали св. престолъ и подъ нимъ отверстіе, гдѣ нѣкогда стоялъ крестъ Христовъ; внимательно осмотрѣли затѣмъ иконостасъ и латинскій придѣлъ и снова въ благоговѣйномъ размышленіи подошли къ Голгоѣ.—Голгоѣа отстоитъ отъ Гроба Господня на 16 сажень, это вполнѣ согласно съ повѣствованіемъ св. Евангелиста Іоанна Богослова, который говоритъ, что „на томъ мѣстѣ, гдѣ распять (былъ Іисусъ), былъ садъ и въ саду гробъ новый, въ которомъ еще никто не былъ положенъ. Тамъ положили Іисуса ради пятницы іудейской, потому что гробъ былъ близко“ (Гл. XIX, 41—42). Не должно также ни кого смущать и то повидимому противорѣчивое обстоятельство, что, по свидѣтельству того же Евангелиста, „мѣсто, гдѣ былъ распять Іисусъ, было недалеко отъ города“ (—20), стало быть было внѣ городскихъ стѣнъ, а между тѣмъ нынѣшній храмъ Гроба Господня съ Голгоѣою находится почти по срединѣ Іерусалима. Въ этомъ случаѣ нужно обратить вниманіе на то, что современные стѣны Іерусалима сооружены турками сравнительно недавно, всего 350 лѣтъ тому назадъ, при султанѣ Сулейманѣ II, и хотя во многихъ мѣстахъ онѣ совпадаютъ съ стѣнами временъ Ирода и Пилата, однако, по изслѣдованію ученыхъ археологовъ, въ нѣкоторыхъ —измѣняя направленіе, далеко отступаютъ отъ нихъ. Древнія стѣны Іерусалима, по свидѣтельству историка Тацита, представляли то входящія, то выходящія углы; въ одномъ изъ этихъ входящихъ угловъ, о чемъ упоминаетъ и Іосифъ Флавій, находился загородный садъ ¹⁾, принадлежавшій, по преданію, Іосифу Аримаѣйскому, въ которомъ въ скалѣ и высѣчена была пещера, ставшая потомъ погребальнымъ покоемъ для І. Христа. Неподалеку отъ сада ближе къ городскимъ стѣнамъ возвышался въ видѣ черепа каменистый выступъ (лобное мѣсто, гдѣ распять былъ Господь) не болѣе 2-хъ сажень вышины, мимо котораго проходила тогда дорога въ городъ... Когда въ 71 г. по Р. Хр. Іерусалимъ и его стѣны были разрушены до основанія, то при возстановленіи ихъ, при императорѣ Адріанѣ, засыпанныя и застроенныя языческимъ храмомъ Голгоѣа и погребальная пещера Господа вошли въ черту городской стѣны, при чемъ при послѣдующихъ разрушеніяхъ и возстановленіяхъ стѣна эта дальше и дальше отодвигалась отъ Голгоѣы на западъ. Это подтверждаютъ и раскопки, произведенныя въ 1883 году на русскомъ мѣстѣ близъ храма Гроба Господня, которыя обнаружили, что городскія іерусалимскія стѣны временъ Ирода и Пилата проходили на востокъ отъ нынѣшнихъ Голгоѣы и Гроба Господня и, стало быть, нынѣшніе Гробъ Господень и Голгоѣа находились тогда внѣ стѣнъ близъ города.

Спустившись съ Голгоѣы, мы разстались съ Н. К.; онъ отправился за гимназистами, а мы остались въ храмѣ, чтобы осмотрѣть и поклониться другимъ его святынямъ.

¹⁾ См. у А. С. Норова «Іерусалимъ и Синай». СПб. 1878 г. стр 18.

Храмъ Гроба Господня представляетъ лабиринтъ построекъ и помѣщеній и ориентироваться въ немъ, осмотрѣть его святыни и достопримѣчательности на первыхъ порахъ безъ проводника положительно невозможно; но намъ лѣтъ 9 или 10 тому назадъ пришлось быть въ Воскресенскомъ близъ Москвы монастырѣ или Новомъ Іерусалимѣ, величественный храмъ котораго представляетъ точную копію Гроба Господня второй половины XVII в. Это и дало намъ возможность однимъ безъ проводника обойти весь храмъ и поклониться святынямъ, которыя главнымъ образомъ расположены вокругъ внутренняго храма Воскресенія. Темной галлереей, образуемой алтарной полукруглой стѣной храма Воскресенія и наружной стѣной храма Гроба Господня подошли мы сначала къ темному небольшому придѣлу „поруганія“, гдѣ, по преданію, Христосъ, увѣнчанный терніемъ, истязуемъ былъ воинами. Въ придѣлѣ посреди — небольшой престолъ въ видѣ колонны; правѣ около придѣла видны слѣды лѣстницы, по которой прежде выходили на Голгоѳу; лѣвѣ нѣсколько дальше широкая лѣстница въ 28 ступеней ведетъ въ подземную церковь св. равноапостольной царицы Елены, принадлежащую армянамъ. Церковь эта сравнительно обширная; частію высѣчена въ скалѣ и покрыта куполомъ съ окнами въ видѣ амбразуръ. Куполь поддерживаютъ четыре массивные пилястра съ коринѳскими капителями (по всей вѣроятности, это — остатокъ первоначальнаго храма, основаннаго св. Еленою). Общій стиль церкви византійскій. У восточной стѣны — два престола: одинъ правѣ — во имя св. Елены, а другой — лѣвѣ посвященъ блгглаголѣзному разбойнику. Около престола св. Елены, справа, надъ высѣченнымъ въ скалѣ сѣдалищемъ имѣется отверстіе или окно, чрезъ которое, по преданію, св. Елена наблюдала за работами при обрѣтеніи Животворящаго Креста Христова. — Осмотрѣвши эту церковь, мы спустились по 13 ступенямъ еще ниже а въ пещеру, гдѣ, по преданію, былъ обрѣтъ Крестъ Христовъ. Пещера высѣчена въ скалѣ, имѣетъ 3½ саж. длины, около 3-хъ саж. ширины и 2¼ саж. высоты и въ древности по всей вѣроятности составляла цистерну. Въ нее-то пустовавшую тогда, какъ ближайшую къ Голгоѳѣ, и брошенъ / былъ по снятіи Господа со креста Его крестъ съ крестами распятыхъ съ Нимъ разбойниковъ, гдѣ и найденъ былъ чрезъ 3 столѣтія, по указанію одного еврея, св. царицею Еленою (изъ трехъ найденныхъ крестовъ крестъ Христовъ узнавъ былъ по совершившемуся отъ него чуду — оживленію мертвеца, на котораго, по повелѣнію св. Елены, онъ былъ возложенъ). Мѣсто „обрѣтенія креста“ находится въ общемъ владѣніи грековъ и латинянъ; часть ближе ко входу принадлежитъ грекамъ, а дальше — владѣнія латинянъ. Церковныхъ украшеній въ пещерѣ нѣтъ никакихъ; въ сырой мглѣ ея горитъ одна лампадка. — Помоглившись на мѣстѣ обрѣтенія Животворящаго Древа, мы поднялись обратно на верхъ въ темную галлерей и направляясь далѣе, остановились у придѣла „раздѣленія ризъ“, принадлежащаго армянамъ; здѣсь, по преданію, воины, распявшіе Господа, раздѣлили между собою снятыя съ Него ризы, а о хитонѣ, который былъ неспитый, бросали жребій (Іоан. XIX, 23 — 24). Придѣлъ небольшой и темный. Нѣсколько дальше — снова небольшой

придѣлъ „Лонгина сотника“, того именно сотника, который, стоя на стражѣ у креста Распятаго Господа и видя страшныя знаменія въ моментъ Его кончины (солнце померкло, земля потряслась, камни разсѣлись), весьма устранившись, сказалъ: «воистину Онъ былъ Сынъ Божій» (Мѡ. XXVII, 51, 54); сюда, въ природный тогда гротъ, по преданію, въ раскаяніи удалился св. Лонгинъ, увѣровавши во Христа. Придѣлъ этотъ, равно какъ и слѣдующій за нимъ — придѣлъ „узъ Христовыхъ“, въ которомъ, по преданію, находился Спаситель міра, пока на Голгоѣѣ приготавливали орудіе для Его казни, принадлежитъ православному. Въ этомъ послѣднемъ у стѣны — св. престолъ, подъ престоломъ въ каменномъ помостѣ высѣчены два малыя отверстія, въ которыхъ, по преданію, заключены были ноги Христовы. Около придѣла „узъ“ слѣва находится придѣлъ „темницы Господней“. Придѣлъ — небольшой и невысокій; высѣченъ въ скалѣ; по преданію, здѣсь Пресв. Богоматерь провела то время, когда І. Христосъ, стрегомый воинами, находился по сосѣдству, въ придѣлѣ „узъ“. — Помолвившись и поклонившись „каменнымъ узамъ“ Христа, мы направились далѣе къ принадлежащей латинянамъ церкви „явленія“ Христа Богоматери, пристроенной къ сѣверной части храма Гроба Господня. По преданію, здѣсь пребывала Богоматерь, пока Господь находился въ гробѣ, здѣсь же Онъ явился Ей по Своемъ воскресеніи. Церковь помѣстительная, свѣтлая; большая часть ея занята сѣдалищами, возвышающимися амфитеатромъ къ стѣнѣ, противоположной престолу; надъ сѣдалищами устроенъ органъ. У восточной стѣны 2 престола; на одномъ изъ нихъ (около входной двери) въ желѣзномъ цилиндрѣ находится часть колонны, къ которой, по преданію, въ преторіи Пилата привязанъ былъ Спаситель для бичеванія. Въ цилиндрѣ — небольшое отверстіе, очевидно, для лобызанія колонны; но самый цилиндръ такъ поставленъ у стѣны, что облобызать колонну нѣтъ положительно никакой возможности. И когда мы недоумѣвали, какъ паломники лобызаютъ колонну, подошедшій сторожъ взялъ стоявшую у стѣны деревянную трость, бронзовымъ оконечникомъ ея коснулся колонны и перекрестившись поцѣловалъ оконечникъ. Мы сдѣлали тоже и выйдя изъ церкви, мимо двухъ мраморныхъ круговъ, вдѣланныхъ въ помостъ въ воспоминаніе бесѣды съ Воскресшимъ Господомъ Маріи Магдалины, снова вступили въ свѣтлую ротонду. Теперь уже спокойно, внимательнымъ взоромъ, окинули мы это величественное сооруженіе. — По стѣнамъ ротонды въ два этажа идутъ хоры съ арками; хоры раздѣлены между тремя исповѣданіями: греками, армянами и коптами. Темныя ниши въ нижнемъ этажѣ занимаютъ бѣдныя копты ¹⁾; а лучшія галлерей во второмъ принадлежатъ армянамъ, богатство которыхъ даетъ имъ вѣсь и силу не только въ Іерусалимѣ, но и на всемъ восто-

¹⁾ Въ этихъ нишахъ позади часовни Гроба Господня находятся двѣ древнія высѣченныя въ скалѣ гробницы, приписываемыя Іосифу Аримаѣйскому и Никодиму, тайнымъ ученикамъ Христовымъ; гробницы эти важны въ томъ отношеніи, что наглядно знакомятъ насъ съ видомъ гробницъ, современныхъ Спасителю; и кромѣ того, подтверждаютъ нахожденіе гробницы Спасителя въ Іерусалимскихъ стѣнахъ, такъ какъ іудеи, какъ извѣстно, внутри города своихъ покойниковъ не хоронили.

кѣ.—Въ восточной части, противъ входа въ часовню Гроба Господня, непосредственно къ ротондѣ примыкаетъ величественный греческій храмъ Воскресенія. Двѣ легкія украшенныя образами перегородки отдѣляютъ этотъ храмъ отъ нея; перегородки соединены красивою, такъ называемою, Царскою аркою, около которой имѣются мѣста для почетныхъ гостей. Черезъ эту арку мы и вошли въ самый храмъ. Онъ весьма обширенъ, продолговатой формы, съ отдѣльнымъ куполомъ, въ которомъ 8 оконъ. Великолѣпный, въ 4 яруса, сплошной иконостасъ украшенъ св. иконами византійскаго письма; царскія врата, по восточному обычаю, низкія, надъ ними — двухглавый орелъ. По боковымъ стѣнамъ храма (южной и сѣверной) идутъ деревянныя сидѣнія (стасидіи), а въ началѣ ихъ около клиросовъ—по украшенной золотомъ и рѣзьбой каедрѣ (справа—каедре патриаршая, а слѣва епископская). На помостѣ по срединѣ храма возвышается небольшая мраморная ваза съ крестомъ на шаровидной выпуклости; около вазы—низенькій подевѣчникъ для восковыхъ свѣчей. Паломники наши по-хому-то называютъ эту вазу „пуномъ земли“, но поставлена она, безъ сомнѣнія, въ воспоминаніе словъ Псалмопѣвца: *«Богъ, Царь нашъ прежде вѣкъ, содѣла спасеніе посреди земли»* (Пс. 73, 12). Относительно же того, зачѣмъ предъ вазой стоитъ подевѣчникъ и на немъ ставятся свѣчи, узнать я ни отъ кого немогъ и это осталось для меня загадкой.—Алтарь храма очень просторный, возвышается нѣсколькими ступенями и кончается постепенно повышающимся полукругомъ; сквозь аркады его позади видна галлерей храма. Надъ обширнымъ престоломъ имѣется богато украшенная сѣнь, поддерживаемая позолоченными колоннами; изъ святынь въ алтарѣ въ ковчегѣ хранятся двѣ большія части Животворящаго Креста Христова и правая рука св. Василія Великаго.—Осмотрѣвъ храмъ Воскресенія, мы мимо «камня помазанія» прошли въ придѣлъ св. Іоанна Предтечи, гдѣ, по преданію, похоронены глава Адама и Мельхиседекъ, царь Салима, послѣ чего отправились на Подворье, чтобы хоть немного подкрѣпить ослабѣвшія силы. На пути встрѣтили гимназистовъ, которые съ кавасомъ Марко и Н. К. шли поклониться святынямъ Гроба Господня, а оттуда—въ Русскій домъ, находящійся вблизи этого храма.—Возвратившись съ Подворья мы храмъ Гроба Господня нашли уже запертымъ, а потому и направились въ Русскій домъ, распросивъ предварительно у греческаго монаха, какъ пройти туда.—Съ площадки храма Гроба Господня мы повернули налѣво и черезъ небольшую калитку вышли на сравнительно широкую небольшую улицу. Направо—чьи то сѣдья заброшенныя строенія, готовые дать мѣсто новымъ болѣе благовиднымъ и полезнымъ; далѣе высятся красивая лютеранская церковь, съ виду похожая на наши православныя; она построена на мѣстѣ, подаренномъ султаномъ Вильгельму I, очень недавно и освящена только въ прошломъ году въ присутствіи Вильгельма II. Налѣво сплошною линіей тянутся высокія глухія стѣны жилыхъ строеній, облегающихъ храмъ Гроба Господня. У наружной двери одной изъ этихъ стѣнъ, пройдя лютеранскую церковь, мы остановились и постучали. Рослый внушительнаго вида негръ почтительно отворилъ дверь и мы—въ Русскомъ домѣ.—Русскій домъ находится на востокъ отъ храма Гроба Господня, не далѣе 17 сажень (въ прямомъ на-

правленіи). Построенъ онъ очень недавно попеченіями Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества на небольшомъ участкѣ земли, купленномъ Русскимъ Правительствомъ въ 1859 году у коптскаго священника Георгія. Здѣсь предполагалось было устроить помѣщеніе для учрежденной тогда въ Іерусалимѣ русской духовной миссіи, но за пріобрѣтеніемъ тогда же болѣе удобнаго (просторнаго) мѣста за стѣнами города, того именно, гдѣ и въ настоящее время находятся зданія миссіи и подворья, купленный участокъ (этотъ) остался незастроеннымъ и продолжалъ пустовать въ теченіи 24 лѣтъ. Въ 1881 году на него обратилъ вниманіе Великій Князь Сергій Александровичъ и по мысли Августѣйшаго Паломника съ 1883 г. на пустовавшемъ мѣстѣ начали производиться тщательныя раскопки, которыя дали блестящіе результаты: подъ мусоромъ найдены были послѣдовательно: высокій вымощенный мраморными плитами помостъ съ слѣдами ведшей на него во всю его ширину лѣстницы, остатки древне-еврейской стѣны временъ Христа Спасителя и явные слѣды городскихъ воротъ (лоснящійся, сильно потертый ногами порогъ въ 3¹/₂ арш. 10 вершк. длины съ сохранившимися въ немъ 3-мя ямками для воротныхъ вереи и задвижекъ). Ворота эти, какъ самыя ближайшія къ Голгоѣ, внѣ всякаго сомнѣнія, были тѣ самыя, чрезъ которыя благоволить насъ ради человѣкъ и нашего ради спасенія идти на вольныя страданія Господь нашъ І. Христосъ. Въ виду этого Палестинское Общество озабочилось оградить и сохранить дорогія находки; воздвигло здѣсь прекрасное зданіе, въ которомъ, между прочимъ, устроило и церковь во имя св. Благочестиваго князя Александра Невскаго. — Узкимъ высокимъ корридормъ прошли мы мимо пріемной и квартиры смотрительницы дома, отыскивая гимназистовъ; за послѣдней, повернувъ направо, спустились къ древней, найденной при раскопкахъ, аркѣ съ калиткой (византійской эпохи); осмотрѣвъ ее, спустились къ мѣсту, гдѣ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, во времена І. Христа была площадка, прилегающая къ преторіи Пилата. Предъ нами, въ (сѣверной) аркѣ зданія — невысокій стеклянный колпакъ, прикрывающій древній порогъ, который велъ изъ города къ преторіи; за нимъ на невысокой искусственной скалѣ виситъ величественное Распятіе въ натуральную величину съ предстоящими Богоматерію и Іоанномъ Богословомъ; у порога слѣва около аналогіи монахиня, читающая псалтирь (псалтирь читается здѣсь по усвоившимъ благотворителямъ Палестинскаго Общества день и ночь). Налѣво широкая съ узкими ступеньками каменная лѣстница ведетъ къ перегородкѣ, служащей задней алтарной стѣною домовою церкви. Перегородка эта, равно какъ и алтарь, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, занимають тотъ каменный помостъ или плоскоостротонъ, на которомъ Пилатъ, указывая возбужденной еврейской толпѣ на Спасителя міра въ терновомъ вѣницѣ и багряницѣ, сказалъ: се человѣкъ, и вскорѣ затѣмъ по требованію этой же толпы осудилъ Его Неповиннаго на распятіе (Іоан. 19, 5, 16). На перегородкѣ во всю ея ширину и высоту художественно изображено несеніе Господомъ креста, при чемъ положеніе фигуръ указываетъ направленіе, въ которомъ происходило здѣсь крестное шествіе. Преклонивъ колѣна предъ порогомъ, называемымъ порогомъ „судныхъ“ воротъ, мы вмѣстѣ съ гимназистами, бывшими тутъ, прошли въ слѣдующее отдѣленіе, гдѣ небольшая дверь

направо ведетъ въ очень небольшое помѣщеніе—звонарню, въ которой повѣшены 3 или 4 небольшихъ колокола между двухъ вросшихъ въ землю колоннъ (остатокъ церковныхъ ооруженій Константина Великаго). Отсюда прежнимъ ходомъ мы возвратились въ корридоръ и въ предшествіи смотрительницы дома вошли въ церковь. Церковь небольшая, очень высокая, свѣтлая и богатоукрашенная. Иконостасъ одноярусный съ иконами художественной работы; чрезъ него и алтарь видна до половины восточная стѣна зданія (что около порога судныхъ воротъ); на боковыхъ и западной стѣнахъ вверху рядъ художественныхъ картинъ изображаетъ послѣдовательно (отъ преданія на смерть и до погребенія), страданія Спасителя міра за грѣшный родъ человѣческій; по среди храма на подобіе жертвенника стоитъ каменный столпъ, найденный здѣсь же при раскопкахъ.—Осмотрѣвъ живопись храма, я направился было въ алтарь, чтобы осмотрѣть и его и помолиться у престола; но пододя къ южнымъ дверямъ, былъ остановленъ смотрительницею, которая усердно попросила меня не входить въ алтарь. На вопросъ: почему?—почему мнѣ православному священнику нельзя войти въ алтарь ихъ церкви, тогда какъ на всемъ востокѣ (въ Константинополѣ, Смирнѣ и Триполи) во всѣхъ греческихъ и арабскихъ церквяхъ это мнѣ не только позволяли, но и любезно предлагали духовныя лица,—смотрительница отвѣтила приблизительно слѣдующее: алтарь—мѣсто святое, туда нужно входить съ благоговѣніемъ и натошакъ, а мы во всякомъ случаѣ успѣли уже покушать чаю,—это 1-е, и 2-е, если я войду въ алтарь, то за мной пойдутъ и всѣ присутствующіе, а послѣдніе пойдутъ скорѣе изъ любопытства, чѣмъ для молитвы.—Я не сталъ настаивать и вмѣстѣ съ прочими направился въ сосѣднее помѣщеніе, гдѣ находятся ризница и музей. Ризница небольшая и выдающагося въ ней чего либо не видно; музей обширнѣе, въ немъ собраны всѣ древнія вещи, найденныя при раскопкахъ на этомъ (русскомъ) мѣстѣ. Мое вниманіе здѣсь обращено было на небольшой художественнаго письма образъ Страждущаго Спасителя и древнюю надпись IMP... PART., на одномъ изъ камней стѣны, относящуюся ко временамъ римской Имперіи ¹⁾.—Были послѣ того на кровлѣ дома или вышкѣ, откуда прекрасно виденъ не только близъ лежащій храмъ Гроба Господня (вѣрнѣе его кровля съ 2 куполами и неприглядной башенкой—колокольной), но и мечеть Омара и Елеонская гора. Спустившись, заходили въ помѣщеніе смотрительницы и записавшись въ пріемномъ залѣ въ книгу для посѣтителей, возвратились на Подворье, предположивъ часу въ 4-мъ совершить путешествіе на Елеонскую гору.—За обѣдомъ отъ ѣхавшаго съ нами на пароходѣ Иркутскаго псаломщика узналъ, что онъ съ отцемъ своимъ—іереемъ остановился въ зданіи миссіи; помѣщенія тамъ хорошія, одно только неудобство,—это нельзя достать обѣда и вообще какого-бы то ни было кушанья, приходится ходить вотъ сюда. Въ банѣ онъ вмѣстѣ съ

¹⁾ По объясненію Клермонъ Ганно, эту надпись слѣдуетъ читать такъ: IMP(ERATOR) PART(NICVS), что значитъ «Императоръ Пароянскій», а титулъ этотъ могъ принадлежать только Траяну или одному изъ Антониновъ, преемниковъ Траяна.

другими паломниками быть, оказывается, только сегодня и только завтра пойдетъ съ ними на поклоненіе Гробу Господню.—Хотѣлъ было и я перейти въ зданіе миссіи, но раздумалъ. Плата за комнату на Подворьѣ небольшая, неудобства, какія есть тамъ, здѣсь нѣтъ, а между тѣмъ съ переходомъ туда легко можно было отстать отъ своей партіи, — и я остался.

III. Геоесиманія и Елеонская гора.

Передъ вечеромъ въ сообществѣ гимназистовъ и ихъ спутниковъ ходили на Елеонскую гору ¹⁾, этотъ въ свое время любимый Спасителемъ міра тѣнистый уголокъ Іудеи, куда Онъ, обыкновенно уклонялся съ учениками. Своими отъ шумнаго, празднаго торжища и уединялся для молитвы и откуда нерѣдко со скорбію звучалъ Его голосъ укоризною и предостереженіемъ надменному Іерусалиму.—Мы вышли съ Подворья, въ сопровожденіи каваса Марко, въ 3 часа дня. Около Подворья (въ юго-восточной части его) чрезъ улицу какимъ-то образомъ пріютились 2 или 3 лавки, содержимыя евреями; въ нихъ мѣняють русскія деньги на турецкія, продають дешевенькіе сувениры, кое-что изъ съѣстнаго и въ достаточномъ количествѣ — крѣпкія виноградныя вина, въ родѣ коньяку. Миновавъ эти лавки, мы повернули налѣво въ очень узкій глухой переулокъ, которымъ по отвратительной мостовой и вышли на широкую хорошо шоссированную улицу, приведшую насъ къ Дамасскимъ воротамъ. Вблизи этихъ послѣднихъ мы снова повернули налѣво и пошли вдоль городскихъ стѣнъ. Предмѣстье кончилось. Угрюмо, неприступно глядѣли справа сѣдыя зубчатыя стѣны священнаго города, отдѣляясь отъ шоссе, по которому мы шли, только широкимъ древнимъ рвомъ. Налѣво вдали среди строеній невольно привлекало вниманіе красивое зданіе доминиканцевъ, построенное на мѣстѣ древняго монастыря архидіакона Стефана. Его однако очень скоро закрываетъ не особенно высокій продолговатый холмъ, который англійскимъ ученымъ Гордономъ считается совершенно неосновательно за евангельскую Голгоу ²⁾, и мы задерживаемся на минуту у невысокой рѣшетки садика или огорода, раз-

¹⁾ Елеонскую, или что тоже — масличною (греческое слово *ελαιῶν* значитъ — масличный садъ) гора названа потому, что въ древности изобиловала масличными деревьями, которыя густо росли не только при ея подножьи, но и по бокамъ и на вершинѣ.

²⁾ Выходя изъ невѣрнаго положенія, что мѣсто нынѣшней Голговы и Гроба Господня находилось и во время земной жизни Христа внутри городскихъ стѣнъ, Гордонъ не хотѣлъ признать ихъ подлинности, а потому и искалъ Голгоу вѣ нынѣшнихъ городскихъ стѣнъ. Проживъ довольно долго въ Іерусалимѣ и изучивъ древнюю топографію его, онъ пришелъ къ мысли, что евангельскою Голговою былъ тотъ именно холмъ, вблизи Дамасскихъ воротъ, который заключаетъ въ себѣ такъ называемую, по преданію, пещеру пророка Іереміи. Но археологическія изысканія ученыхъ позднѣйшаго времени и особенно раскопки на русскомъ мѣстѣ вблизи храма Гроба Господня доказали съ непреложностію, что мѣсто нынѣшней Голговы и Гроба Господня находилось во времена земной жизни Спасителя за стѣнами тогдашняго Іерусалима, а не внутри его. Въ виду этого и сказанное предположеніе Гордона съ его научными изысканіями теряетъ всякое значеніе и самый вопросъ о подлинности нынѣшнихъ Голговы и Гроба Господня долженъ быть признанъ утратившимъ всякія основанія.

веденнаго кѣмъ-то по изрытой каменистой поверхности предъ входомъ въ пещеру, темное пятно котораго зяло прямо противъ насъ въ отвѣсѣ природной скалы. По преданію, въ пещерѣ этой обиталъ пророкъ Іеремія, когда горько скорбѣлъ о гибели Іерусалима, проливая тайныя слезы. Здѣсь же въ юдоли плача, по тому же преданію, въ темныхъ нѣдрахъ таинственной пещеры скалы сокрыты пророкомъ и драгоценныя святыни Соломонова храма: кивотъ завѣта съ скрижалями, жезлъ Аарона и небесная манна.—Осмотръ пещеры однако не входилъ въ наши планы и мы идемъ далѣе. Монотонно тянутся массивныя стѣны Іерусалима; дорога мало оживлена. Вотъ миновали ворота Иродовы, вотъ кто-то замѣтилъ бѣгающаго по стѣнѣ хамелеона и оживилъ наше вниманіе; но вотъ мы у угловой башни стѣны, которая повернула на югъ. Холмистая возвышенность слѣва кончилась и взору открылась перспектива предгорья и горы Елеонской. За глубокимъ Кедронскимъ потокомъ, на днѣ котораго видны маслины, пестрѣя тутъ и тамъ разбросанными одиноко деревьями, высилась продолговатая гора; на хребтѣ ея лѣвѣе видны строенія, принадлежащія англичанамъ, правѣе — греческій монастырь Малой Галилеи ¹⁾ съ іорданскимъ подворьемъ; а еще правѣе — по скату горы видны сооруженія, вызывающія въ душахъ христіанъ отрадные чувства и священные воспоминанія: внизу — Геосиманія, выше ея — красивая церковь св. равноапостольной Маріи Магдалины, еще выше — зданія монастыря кармелитокъ и надъ ними лѣвѣе расположилась небольшая арабская деревушка съ мечетью на мѣстѣ Вознесенія Господня, а надъ всѣмъ этимъ высятся царить колоссальная башня русской церкви Вознесенія. — Дорога теперь уклоняется отъ городскихъ стѣнъ, давая около нихъ просторъ сплошнымъ мусульманскимъ кладбищамъ, — и спустившись къ Кедронскому потоку, идетъ по его обрывистому берегу. Кругомъ полное безлюдье; только около развѣтвленія пути противъ Геосиманскихъ воротъ встрѣтили мы у дороги сидящихъ 2-хъ или 3-хъ прокаженныхъ, которые завидя насъ и показывая свои обезображенные болѣзнію руки или глаза, тоскливо жалобно просили милостыни. По вѣншему своему виду они ничѣмъ не отличались отъ нашихъ (русскихъ) нищихъ и калѣкъ, выставляющихъ обыкновенно на показъ свои искалѣченные члены, и мы узнали, что это прокаженные совершенно случайно и неожиданно, для меня по крайней мѣрѣ. Кто-то изъ шедшихъ позади, внявъ скорбнымъ воплямъ несчастныхъ, — а вопли эти таковы, что въ состояніи растрогать и самое жестокое сердце, — подаль одному изъ нихъ монету. Это произвело магическое дѣйствіе на прочихъ: они быстро поднялись съ мѣстъ своихъ и бросились стремительно къ намъ, продолжая еще жалобѣе и съ какимъ-то ожесточеніемъ звать о милостыни, выкрикивая: „хлѣба, братъ“, „эспесибе“, „этта слѣпой“.

— „Берегитесь, это прокаженные!“ крикнулъ предупредительно Н. К. и кавасъ. Мы оторопѣли; кавасъ набросился на прокаженныхъ и сталъ прогонять ихъ, ограждая насъ отъ возможности ихъ прикосновеній. Но крики, брань и даже приподнятый внушительнаго

¹⁾ Елеонская гора въ древности служила мѣстомъ, гдѣ останавливались бѣдные паломники изъ далекой Галилеи, приходившіе въ Іерусалимъ на праздникъ Пасху; это обстоятельство приурочило къ Елеону названіе «Малой Галилеи», которое сохранилось до нынѣ между прочимъ и въ названіи означеннаго греческаго монастыря.

вида хлысть его мало помогали дѣлу. Несчастные смѣло продолжали приставать къ намъ, слѣдуя за нами или забѣгая впередъ, и если спустя нѣкоторое время оставили насъ, то только потому, вѣроятно, что убѣдились въ бесплодности своихъ приставаній. — При крутомъ (почти подъ прямымъ угломъ) поворотѣ къ мосту чрезъ Кедронскій потокъ, мы остановились около небольшой каменистой площадки справа. Здѣсь, по преданію, св. первомученикъ архидіаконъ Стефанъ, выведенный изъ стѣнъ города, побить былъ камнями; его потухавшіе подъ ударами враговъ взоры видѣли въ отвергнутыхъ небесахъ Господа Иисуса, сѣдѣющаго одесную Отца, Котораго онъ молилъ за своихъ мучителей убійцъ. На вопросъ, почему на мѣстѣ, обогрѣнномъ кровію св. первомученика Христова, нѣтъ никакихъ сооружений, кавасъ соопчилъ намъ, что причиною того служитъ несогласіе христіанскихъ исповѣданій между собою: каждому исповѣданію желательно имѣть это священное мѣсто въ своемъ исключительномъ владѣніи, но этому мѣшаютъ другіе, а потому и остается оно въ такомъ даже неогороженномъ видѣ. Спустившись къ потоку, мы около моста встрѣтили снова прокаженныхъ взывавшихъ къ нашему милосердію, но наученные опытомъ, остались глухими ко всѣмъ ихъ раздражающимъ душу моленіямъ. — Руслѣ Кедронскаго потока совершенно сухое; ниже за небогатою растительностію видны сплошные намогильные плиты и памятники; это и есть Иосафатова долина, представляющее изъ себя вѣковое, быть можетъ самое обширное и древнее кладбище до христіанскаго и христіанскаго періода времени, гдѣ, по преданіямъ св. Земли, въ послѣдній день міра произведенъ будетъ Праведнымъ Судіей, Господомъ Вседержителемъ, послѣдній страшный судъ. — Перешедши чрезъ каменный мостъ потока къ подножію Елеона, мы уклонились влѣво и нѣсколькими ступенями сошли на довольно помѣстительную площадку, извѣченную предъ входомъ въ погребальную пещеру Богоматери. Входныя створчатыя двери въ готическихъ аркахъ украшены небольшими колонками; стѣны сложены изъ массивныхъ камней, въ расщелинахъ которыхъ виднѣтъ мохъ и пучки травы. Къ крайнему нашему прискорбію, пещера оказалась запертою и мы узкою тропою направились правѣе къ пещерѣ, принадлежащей латинянамъ и называемой ими «пещерою моленія о чашѣ». Въ этой будто бы пещерѣ, по сказаніямъ латинянъ, до кроваваго пота молился Спаситель міра предъ началомъ Своихъ страданій за грѣшный родъ человѣческій, колѣнопреклоненно и въ тяжелой скорби произнося многознаменательныя слова: „Отче Мой! если возможно, да минуетъ Меня чаша сія; впрочемъ не какъ Я хочу, но какъ Ты“. (Мѣ. XXVI, 39). Трудно однако согласиться съ этимъ сказаніямъ и допустить, чтобы въ торжественныя минуты моленія о грѣхахъ міра Спаситель уходилъ молиться въ душное подземелье. Всего естественнѣе въ этомъ случаѣ предполагать открытое южное небо, усыпанное міриадами звѣздъ, подъ которымъ молитвенно изливалась душа Богочеловѣка предъ Отцемъ Небеснымъ. И этому вполне благопріятствуютъ повѣствованіе евангелиста: „Душа моя скорбитъ смертельно, говорилъ Спаситель ученикамъ Своимъ предъ молитвой, побудьте здѣсь и бодрствуйте со Мною. И отошедъ немного, Онъ палъ на лице Свое, молился и говорилъ...“ (Мѣ. XXVI, 38—40). Такимъ образомъ несомнѣнно ученики Спасителя видѣли,

какъ Онъ въ молитвенномъ порывѣ палъ на лице Свое и слышали выраженія смертельной скорби Его („если возможно, да минуетъ Меня чаша сія“), въ которыхъ человечество Его просило объ освобожденіи отъ страданій и въ тоже время смирилось предъ Божественною волею Отца, — а этого не могло бы быть, если бы Господь молился о миновеніи чаши въ пещерѣ. Болѣе вѣроятно поэтому, что пещера латинянъ обозначаетъ то самое мѣсто, куда пришелъ Спаситель съ учениками Своими прямо съ тайной вечери и гдѣ велѣлъ оставаться имъ, пока Онъ пойдетъ молиться въ другое мѣсто, которое, по свидѣтельству евангелиста Луки, находилось отсюда на разстояніи „верженія камня“ (Лук. XXII, 41), и куда Онъ пошелъ затѣмъ, „взявъ съ Собою Петра и обоихъ сыновей Заведеевыхъ“ (Мѣ. XXVI, 37). Потому-то въ древнія времена пещеру эту латиняне называли паломникамъ не мѣстомъ моленія Спасителя о чашѣ, а мѣстомъ пребыванія апостоловъ во время этого моленія или мѣстомъ преданія Іудеою ¹⁾. — Пещера внутри небольшая и полутемная. Подъ престоломъ въ каменномъ помостѣ высѣченъ крестъ, къ которому и прикладываются паломники; надъ престоломъ виситъ картина моленія о чашѣ; правѣ другая картина изображаетъ трехъ спящихъ апостоловъ. — Выйдя изъ пещеры на дорогу, мы, повернули налѣво между чьимъ-то жилымъ строеніемъ и высокою каменною оградою и обогнувъ послѣднюю вошли низкою калиткою въ излюбленное мѣсто Спасителя, куда Онъ, по преданію, не однажды съ закатомъ солнца удалялся изъ города — *Геосиманскій* ²⁾ садъ. Въ настоящее время Геосиманскій садъ — это очень небольшой, принадлежащій латинянамъ, квадратный садикъ или вѣрнѣе — роскошный цвѣтникъ съ нѣсколькими объемистыми пнями древнихъ маслинъ, обнесенный высокою каменною стѣною. Содержится онъ необыкновенно опрятно; дорожки посыпаны пескомъ, между пнями маслинъ искусно разбиты и пышно цвѣтутъ куртины розъ, георгинъ, желтофіолей и жасмина, которыя предусмотрительно защищены отъ слишкомъ рьяныхъ поклонниковъ металлическими рѣшетками. Громадные пни съ молодыми побѣгами составляютъ предметъ особой попечительности латинянъ, какъ остатки самыхъ старыхъ деревьевъ, быть можетъ, современныхъ Спасителю и во всякомъ случаѣ происходящихъ отъ корней тѣхъ деревьевъ, которыя существовали въ Его время. Въ небольшомъ цвѣтущемъ садикѣ этомъ латиняне постарались подчеркнуть все то,

¹⁾ Вотъ что пишетъ по этому поводу игуменъ Даниль, полонникъ XII вѣка. «Отъ гроба Богородицына до пещеры есть десять сажень, идѣже преданъ бысть Христосъ отъ Іуды жидомъ на 30 сребрѣницѣхъ, и есть пещера та обонъ полъ потока Кедрскаго, при горѣ Елеонстѣй. И ту есть мѣсто близъ отъ пещеры тоя, яко довержетъ мужъ камнемъ, при горѣ Елеонстѣй, идѣже помолился Христосъ ко Отцу Своему въ ночь, въ нуже преданъ бысть отъ Іуды на распятіе и рече: Отче, аще возможно, да минетъ чаша сія отъ Мене. И есть на мѣстѣ томъ создана церковь мала» Такимъ образомъ, игуменъ Даниль указываетъ на такъ называемую латинянами пещеру моленія о чашѣ, какъ на мѣсто, гдѣ Спаситель былъ преданъ Іудеою, а отъ этой пещеры, по его словамъ, на разстояніи яко довержетъ мужъ камнемъ малымъ, находилось то мѣсто, гдѣ І. Христосъ молился Отцу Своему въ ночь, когда былъ преданъ іудеямъ.

²⁾ Геосиманія въ переводѣ съ еврейскаго языка, по толкованію блаж. Иеронима, значитъ «до

что должно восприниматься не глазами, а сердцемъ и душою. У восточной стѣны около дорожки возвышается большой желѣзный крестъ съ орудіями казни; за нимъ вдоль ограды въ маленькихъ шкапикахъ за стекломъ помѣщаются рельефныя изображенія страданій Христа, отъ Его преданія на смерть и до погребенія (преданіе, несеніе креста, паденіе, Вероника подаетъ платокъ, новое паденіе, пригвожденіе ко кресту и под.). — Выпросивъ у сторожа нѣсколько листьевъ маслины на память, мы вышли изъ Геосиманскаго сада прежней калиткой. Почти напротивъ этой калитки лѣвѣе груды камней обозначаетъ мѣсто, гдѣ, по преданію, уснули три Апостола, не имѣвшіе силъ и часу пободреть въ Тѣмъ, Кто страдая за міръ, готовился принести Себя, какъ искупительную жертву. Но мы предварительно пошли направо узкимъ проходомъ, между оградой сада и нагроможденными при подножій горы камнями, и очень скоро остановились около мѣста, гдѣ Спаситель міра, павъ на лице, колѣнопреклоненно молился Отцу Своему Небесному предъ началомъ крестныхъ страданій, говоря: «Отче! о если бы Ты благоволилъ пронести чашу сію мимо Меня! Впрочемъ не Моя воля, но Твоя да будетъ... И былъ потъ Его, какъ капли крови, падающія на землю» (Лук. XXII, 41, 42, 44). Мѣсто это обозначено небольшимъ углубленіемъ каменной ограды; въ стѣну вдѣланъ камень, къ которому и прикладываются паломники. Ни храма, ни какихъ-либо другихъ свящ. сооружений здѣсь, къ прискорбію, нѣтъ, и причина этого—опять таки несогласіе разныхъ христіанскихъ исповѣданій между собою. — Помолившись на мѣстѣ моленія о чашѣ Спасителя, мы возвратились къ калиткѣ Геосиманскаго сада и мимо мѣста, гдѣ пребывали трое Апостоловъ (оно ничѣмъ не огорожено), прошли къ калиткѣ ограды обширнаго русскаго мѣста, чрезъ которую мимо молодыхъ тутовыхъ деревьевъ и поднялись къ величественному русскому храму во имя св. равноапостольной Маріи Магдалины. Храмъ построенъ въ византійскомъ стилѣ въ два свѣта и увѣнчанъ надъ оригинальною сводчатою крышею пятью главами. Архитектура его напоминаетъ немногіе, мѣстами уцѣлѣвшіе на Руси, храмы древне-русскаго зодчества; сооруженъ онъ на средства Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великихъ Князей Сергія и Павла Александровичей въ память покойной Родительницы Ихъ, Императрицы Маріи Александровны. — Широкой каменной лѣстницей, которая двумя поворотами съ боковъ ведетъ ко входу, поднялись мы на паперть—галерею и вошли внутрь храма. Внутренность поражаетъ изяществомъ отдѣлки и превосходно исполненной живописью образовъ и картинъ (работы лучшихъ русскихъ художниковъ). Иконостасъ невысокій, изъ бѣлаго мрамора въ бронзовой дорогой оправѣ; надъ нимъ въ сводахъ большая картина изображаетъ св. Марію Магдалину съ пасхальнымъ краснымъ яйцомъ въ рукѣ предъ римскимъ императоромъ Тиверіемъ, сидящимъ на тронѣ. Въ самомъ алтарѣ обращаетъ вниманіе художественной работы св. икона женъ Мироносицъ предъ сидящимъ на камнѣ ангеломъ у входа въ гробъ Спасителя...

лина туковъ»; такъ названо подножіе Елеонской горы потому, что отличалось въ древности большою плодородностію. Производятъ это слово и отъ Геть-шимани, «гнетъ масляный», такъ какъ здѣсь въ большомъ количествѣ приготавлилось тогда оливковое масло изъ маслинъ.

Вся обстановка дышетъ замѣчательною простотою, строгостію формъ и правильностію линий.—Выйдя изъ храма, мы задержались на нѣсколько минутъ на паперти, съ которой открывается видъ на Іерусалимъ. Предъ нами внизу „на верженіе камня“—Геосиманскій садъ, за которымъ пролегла каменистая ширь Іосафатовой долины; она подступила вплотную къ зубчатой стѣнѣ, опоясывающей свящ. городъ. Изъ за ея каменной твердыни глядитъ причудливый, изящный абрисъ Омаровой мечети. Чуждый пришлецъ чуждаго владычества, турецкій полумѣсяцъ ея царитъ на обширномъ дворѣ Соломонова храма, къ которому вьется отсюда бѣлѣющая тропинка. Она упирается въ такъ называемыя «золотыя ворота», подъ двустрѣльчатою аркой которыхъ нѣкогда проѣзжалъ Христосъ, сидя на ослѣ, окруженный толпами народа, радостно привѣтствовавшего Его кликами «Осанна!» За обширнымъ дворомъ громоздятся возвышающіяся сплошныя городскія стѣненія, среди которыхъ видны и два купола храма Гроба Господня...—Отъ храма св. Маріи Магдалины, выйдя за ограду русскаго мѣста, мы довольно крутымъ каменистымъ подъемомъ, троюю между невысокихъ стѣнъ изгороди, направились къ мѣсту Вознесенія Господня и по пути остановились (слѣва) у разрушающагося зданія, принадлежащаго какому-то мусульманину. Около этого зданія (ниже) на уступѣ большого камня, который видѣнъ изъ-за невысокой ограды, по преданію, сидѣлъ Господь нашъ І. Христосъ, когда, смотря на разстилавшійся предъ Нимъ чудный Іерусалимъ (а онъ видѣнъ отсюда во всей своей красѣ и мощи) и провидя печальную будущность его, плакалъ о немъ и изрекъ грозное пророчество: „пріидутъ на тебя дни, говоритъ Онъ, когда враги обложатъ тебя окопами и окружаютъ тебя, и стѣняютъ тебя отовсюду, и разорятъ тебя и побьютъ дѣтей твоихъ въ тебѣ и не оставятъ въ тебѣ камня на камнѣ за то, что ты не узналъ времени посѣщенія твоего“ (Лук. XIX, 43—44). Латинская надпись на стѣнѣ противоположнаго зданія говоритъ о томъ же самомъ событіи.—Отсюда, повернувъ вскорѣ направо, мы заходили въ такъ называемую „Галерею молитвы Господней“ или „Отче нашъ“, которая примыкаетъ къ храму ордена кармелитокъ. Галерея и храмъ построены княгиней Латуръ-д'Овернь, графиней Бульонской на пріобрѣтенномъ ею въ 1868 году мѣстѣ, гдѣ, по преданію, Христосъ научилъ Своихъ учениковъ молитвѣ „Отче нашъ“. Внутри галереи, представляющей продолговатый четырехугольникъ, на боковыхъ (наружныхъ) стѣнахъ подъ высокими арками размѣщены 33 мраморныхъ доски (въ соотвѣтствіе 33-хъ лѣтъ земной жизни Спасителя), на которыхъ золотыми буквами написана молитва Господня на 33 различныхъ языкахъ. Къ крайнему удивленію и прискорбію, молитва эта на русскомъ и славянскомъ языкахъ написана съ грубыми орфографическими ошибками. Въ темной нишѣ южной стѣны галереи, предназначенной служить склепомъ для графини Бульонской, сквозь желѣзную сѣтчатую дверь видѣнъ прекрасный барельефъ. На бѣломраморной гробницѣ талантливый рѣзецъ художника смѣло и красиво источилъ во весь ростъ прелестное изваяніе дѣвы. Она полужелжитъ задержанная по поясъ мраморною тканью, а у ногъ ея гармонично сплелись Бурбонская лилія съ изящною герцогскою короною.—Изъ галереи прошли въ храмъ карме-

лятокъ (кармелитки это — латинскія монахини, посвятившія себя во имя Христа вѣчному молчанію и молитвѣ). Храмъ довольно обширный. Пять или шесть ступеней во всю его ширину ведутъ къ открытому алтарю; стѣны обрамлены бѣлыми мраморными изваяніями; вдоль панели идутъ рядами скамьи, а справа чернѣетъ высокій пролетъ полукруглаго свода, забраннаго непроницаемою желѣзною рѣшеткой, за которой кармелитки стоятъ незримо во время богослуженія. Предупрежденные кавасомъ, мы тихо вошли въ храмъ и хранили полное молчаніе во все время своего пребыванія въ немъ. Изъ храма возвратившись во внутренній дворъ, мы направились было къ подземелью, гдѣ, по латинскому преданію, пребывали нѣкоторое время ученики Христа по вознесеніи Его на небо и гдѣ будто бы ими составленъ Символъ вѣры; но входъ въ подземелье оказался запертымъ и мы, выйдя на прежнюю тропу, пошли снова въ гору — къ мѣсту Вознесенія. Каменистая Елеонская гора, покрытая по бокамъ скудною растительностію (тутъ и тамъ по ней разбросаны, только одинокія, невысокія маслины) передъ мѣстомъ Вознесенія имѣетъ площадь, густо поросшую деревьями. Пересѣкнувъ ее, мы напрямикъ поднялись къ небольшой арабской деревушкѣ Зейтунъ и вошли въ просторный дворъ, обнесенный высокою оградой. Среди этого двора, на мѣстѣ Вознесенія Господня возвышается небольшая, изъ бѣлаго мрамора восьмиугольная мечеть съ шарообразнымъ каменнымъ куполомъ, принадлежащая, повидимому, къ XIII вѣку. Она построена на мѣстѣ бывшаго христіанскаго храма. — Впервые, по свидѣтельству Евсевія, на мѣстѣ Вознесенія Спасителя на небо храмъ воздвигнутъ былъ св. равноапостольнымъ Константиномъ. Разрушенный персами онъ возобновленъ былъ въ VII вѣкѣ паріархомъ Іерусалимскимъ Модестомъ и снова разрушенный при нашествіи египетскаго султана Хакима, возстановленъ въ видѣ круглаго небольшого зданія крестоносцами ¹⁾; но въ 1187 году и это послѣднее было разрушено турками, которые вмѣсто него построили сказанную, существующую и до настоящаго времени, восьмиугольную мечеть. Христіанамъ, впрочемъ, за бакшишъ (небольшая плата) всегда дозволенъ входъ въ нее, а латинянамъ даже въ день Вознесенія и богослуженіе. — Мы вошли въ мечеть. Она безъ оконъ и украшеній, по срединѣ на полу видна не глубокая малая впадина — отпечатокъ пяты Спасителя; съ этого мѣста, по преданію, вознесся Онъ на небо съ пречистою Своею плотію, благословляя Своихъ учениковъ, чтобы снова затѣмъ такимъ же образомъ, во славу Отца Своего и со св. ангелами, придти на землю судить въ правдѣ всѣхъ людей при кончинѣ міра. — Во дворѣ около

¹⁾ Игуменъ Даниилъ, паломникъ XII в., такъ описываетъ видѣнное имъ мѣсто Вознесенія временъ крестоносцевъ: «на верховьи Елеонской горы прямо къ востоку, есть гора мала, на той горѣ былъ камень круглый выше колѣна; и съ того камне вознесся Христосъ Богъ на небеса. И есть мѣсто то создано около все комарами, а вверху на комарахъ тѣхъ созданъ яко дворъ кругомъ и помощенъ же есть весь дворъ той досками мраморными; посреди-жъ двора того созданъ яко теремецъ круглый безъ верха. Въ томъ же теремцѣ подъ верхомъ непокрытымъ лежитъ камень той святой и до сего дни, идѣже стояста позѣ Владычнии. И есть на камени томъ св. трапеза; на той трапезѣ и нынѣ литургисають».

мечети съ южной стороны видны нѣсколько убогихъ каменныхъ невысокихъ столбовъ изъ дикаго камня, которые въ день Вознесенія служатъ престолами для богослуженій разныхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій. Съ минарета мечети, какъ наивысшей точки горы, открывается, говорятъ, великолѣпная панорама окружающей мѣстности и минареть нѣкогда гордо озираетъ всю окрестность, но теперь онъ уже никнетъ головой предъ русской колокольной башней о. Антонина, къ которой мы и направились теперь, выйдя со двора мечети.

Русское мѣсто, гдѣ—колокольня, находится неподалеку отъ мѣста Вознесенія (позади арабской деревушки Зейтунъ) въ восточной части вершины горы Елеонской. Оно приобрѣтено покойнымъ начальникомъ русской духовной миссіи въ Иерусалимѣ, архимандритомъ Антониномъ, замѣчательнымъ и неутомимымъ въ свое время труженикомъ на пользу русскаго дѣла во св. Землѣ,—и представляетъ довольно значительный участокъ земли (три слишкомъ десятины). На этомъ участкѣ, сплошь почти покрытомъ соснами, кипарисами и маслячными деревьями, посрединѣ стоитъ красивая восьмиугольная церковь въ византійскомъ стилѣ, съ невысоко выдающимся наружу куполомъ (освящена 7 іюня 1886 года). Выше ея (на сѣверо-востокъ), на известковой скалѣ сооружена массивная колокольня въ четыре яруса, 18 сажень вышиною, съ которой открывается обширный и великолѣпный видъ, особенно на восточную сторону: тамъ видна вся гористая мѣстность, [склоняющаяся до Иорданской долины, самая долина съ Иорданомъ, окаймленнымъ желто-зеленою полосой растительности; южнѣе—Мертвое море и за нимъ подернутыя лиловымъ туманомъ моавитскія горы; еще южнѣе какъ бы у самаго подножія горы разстилается весь Иерусалимъ съ своими зубчатыми стѣнами и башнями и облегающимъ его съ сѣверо-запада предмѣстьемъ; особенно выдѣляется обширная площадь горы Морія съ Омаровой мечетью; за ней правѣе изъ груды нагроможденныхъ зданій высятся два купола храма Гроба Господня и лѣвѣе на Сіонѣ—небольшая мечеть, гдѣ былъ домъ Тайной вечери ¹⁾; а на западѣ нагромодилась волнообразная масса іудейскихъ горъ, къ сожалѣнію, скрывающая за собою отъ глазъ Средиземное море, въ противность ожиданіямъ о. Антонина, полагавшаго, что колокольня будетъ служить маякомъ для кораблей, и въ такомъ случаѣ думавшаго снабдить ее электрическимъ фонаремъ ²⁾). —Къ востоку отъ церкви на значительномъ разстояніи находится каменный домъ оригинальной восточной архитектуры, предназначенный для пріема паломниковъ и отчасти для музея. Онъ основанъ на фундаментѣ древнихъ стѣнъ какого-то принадлежавшаго армянамъ зданія и въ подпольныхъ подвалахъ заключаетъ обширныя древнія усыпальницы; средняя часть его имѣетъ верхній этажъ. Къ дому примыкаетъ терраса, искусственно возвышенная съ восточной стороны. На ней разведена кипарисная

¹⁾ Елеонская гора выше горъ Морія и Сіона на 175 футовъ.

²⁾ Колокольня однако принесла нѣкоторую пользу помимо своего прямого назначенія: ею руководились строители Иффо-Иерусалимской желѣзной дороги при своихъ окончательныхъ изысканіяхъ.

рошица, выращенная изъ сѣмянъ, привезенныхъ о. Антониномъ изъ Синая. Къ западу отъ церкви (по близости) пріютились два невысокихъ дома, построенные на собственные средства сотрудниками о. Антонина, іеромонахомъ Пароеніемъ (здравствующимъ и понинѣ) и вѣкимъ купеческимъ сыномъ, покинувшимъ Россію, чтобы служить при русской миссіи въ качествѣ ключаря и кандилловжигателя соборнаго храма.—Пройдя почти всю деревушку, мы едва замѣтнымъ узкимъ переулкомъ вышли къ „русскому мѣсту“ и тѣнистой аллеей прошли къ церкви. Предъ входомъ въ послѣднюю невольно обращаетъ на себя вниманіе небольшой камень, огороженный желѣзной рѣшеткой. Кто-то изъ присутствующихъ замѣтилъ, что, по мнѣнію покойнаго о. Антонина, камень этотъ будто бы тотъ самый, съ котораго нѣкогда вознесся Христосъ на небо. Но подобное объясненіе и ссылка на авторитетъ о. Антонина едва ли основательны, такъ какъ извѣстно достоверно, что покойный о. Антонинъ никогда не высказывалъ сомнѣній относительно подлинности всѣмъ и издавна признаваемого мѣста Вознесенія (гдѣ мусульманская мечеть).—Внутренность русской церкви довольно красивая и свѣтлая; куполь росписанъ изображеніями святыхъ, иконостасъ сіяетъ золотомъ; посрединѣ виситъ великолѣпное хрустальное паникадило, пожертвованное извѣстнымъ нашимъ заводчикомъ Нечаевымъ-Мальцевымъ. Часть пола правѣе мозаичная, древняя (остатокъ древняго армянскаго храма). Слѣва возвышается прекрасный надмогильный памятникъ съ теплящеюся лампадкою, подъ которымъ нашелъ себѣ упокоеніе трудникъ земли русской и строитель этого храма о. архимандритъ Антонинъ ¹⁾. Помолвившись предъ св. престоломъ въ алтарѣ и у могилы о. Антонина, мы вышли изъ храма и направляясь къ пріюту—музею, по пути задержались подъ сѣнью тѣнистыхъ деревьевъ, любясь разстилающеюся предъ глазами великолѣпною панорамой горъ и долинъ, Іордана и Мертваго моря. Въ домѣ осматривали только среднюю комнату нижняго этажа. Это—довольно большой залъ, часть котораго занимаетъ большой шкапъ, наполненный множествомъ разныхъ предметовъ, найденныхъ при очисткѣ мѣста для дома и во время постройки, въ числѣ которыхъ преобладаютъ стеклянные пузырьки, глиняныя лампы, карнизы и под.; тутъ-же сохраняется и угловая часть древняго мозаическаго пола ²

¹⁾ Архимандритъ Антонинъ въ мѣрѣ Андрей Ивановичъ Капустинъ, родился въ селѣ Батурино Шадринскаго уѣзда Пермской губерніи и былъ сыномъ бѣднаго священника. Постригшійся въ монашество по окончаніи курса въ Кіевской духовной Академіи, онъ вскорѣ же назначенъ былъ начальникомъ нашей духовной миссіи сначала въ Аѳинахъ, а затѣмъ въ Константинополь. Въ 1865 году онъ былъ назначенъ начальникомъ Русской духовной миссіи въ Іерусалимѣ, гдѣ и пробылъ послѣднія 30 лѣтъ своей жизни. Можно сказать, что онъ всю свою жизнь положилъ на русское дѣло во св. Землѣ. Одинъ безъ поддержки, почти безъ средствъ, цѣлые 30 лѣтъ, отбиваясь отъ враговъ и лжебратій, держалъ онъ высоко русское знамя и ему Россія обязана, что за эти 30 лѣтъ она не только не сдѣлала во св. Землѣ шага назадъ, но быть можетъ не одинъ, а нѣсколько впередъ. Съ именемъ о. Антонина во св. Землѣ связано не мало сооружений, гдѣ русскій паломникъ находитъ радушный пріютъ и привѣтъ, потому то справедливо говорятъ объ о. Антонинѣ, что его не забудетъ Палестина.

саж. въ длину и около сажени въ ширину. Рисунокъ изображаетъ широкую узорчатую раму, въ которой сохранились великолѣпно исполненныя изъ разноцвѣтныхъ мелкихъ кубиковъ: разрѣзанная граната, двѣ кисти винограда, три рыбы, двѣ птицы и палестинская овца съ большимъ курдюкомъ. Въ подвальное помѣщеніе или усыпальницу, гдѣ помѣщаются шесть саркофаговъ, высѣченныхъ въ скалѣ, мы не стали спускаться, а прошли прямо изъ дома къ колокольнѣ, вблизи которой и расположились для кратковременнаго отдыха. Въ виду усталости и сильнаго вѣтра только очень немногіе изъ насъ рѣшились подняться въ верхній ярусъ высокой колокольни, чтобы оттуда полюбоваться прелестнымъ далекимъ видомъ. — Отсюда, выйдя за деревушку, мы уже другимъ, болѣе отлогимъ путемъ, спотыкаясь часто на разбросанные камни, спустились къ погребальной пещерѣ Богоматери и пройдя мостъ Кедронскаго потока, направились къ Іерусалиму, имѣя въ виду совершить обратный путь чрезъ самый городъ и притомъ по такъ называемому „страстному“ или „крестному“ пути, — тому пути, которымъ нѣкогда благоволилъ нашего ради спасенія шествовать на мѣсто казни изъ дому Пилата осужденный на смерть Спаситель міра. — По раскопкамъ и изслѣдованіямъ большинства ученыхъ, нынѣшнія улицы Іерусалима съ именемъ „страстнаго пути“ очень близки къ тому пути древняго Іерусалима, который велъ отъ дома Пилата къ лобному мѣсту — Голгоѣ. Но этого нельзя сказать о началѣ „страстнаго“ пути до дома Пилата. Преданія согласно утверждаютъ въ данномъ случаѣ только то, что изъ Геосиманскаго сада преданный Іудею Господь І. Христосъ веденъ былъ стражею вдоль потока Кедронскаго по направленію къ такъ называемому столбу Авессалома ¹⁾, противъ котораго въ то время существовалъ мостъ, существующій и теперѣ; здѣсь, на мѣстѣ исцѣленія слѣпорожденнаго, было первое поруганіе Іисуса Христа отъ воиновъ и первое Его паденіе. Преданія далѣе расходятся. Одни говорятъ, что отсюда Спаситель былъ веденъ чрезъ „Золотыя ворота“, чрезъ которыя незадолго предъ тѣмъ торжественно вступилъ въ Іерусалимъ; другія же утверждаютъ, что перейдя мостъ, іудеи со связаннымъ Господомъ обогнули стѣны города въ юго-западномъ направленіи, вошли въ такъ называемыя Гнойныя ворота и чрезъ предмѣстье Офель провели Божественнаго Узника къ дому первосвященника Анны, существовавшему близъ нынѣшнихъ Сіонскихъ воротъ (нынѣ на этомъ мѣстѣ находится армянскій женскій монастырь, называемый Масличнымъ), а оттуда — къ Каіафѣ, жившему также на Сіонѣ (на мѣстѣ дома Каіафы нынѣ стоитъ небольшой армянскій же монастырь). Отъ Каіафы послѣ болѣзненной ночи Спасителя повели чрезъ весь городъ къ Пилату. — Потому ли, что преданія о началѣ „страстнаго“ пути Спасителя (до дома Пилата) различны, или же въ виду усталости, только мы направились въ Іерусалимъ, спустившись съ Елеонской горы, прежнею дорогою (мимо мѣста мученической кончины св. первомученика и архидіакона Стефана) и вошли въ него чрезъ Геосиманскія ворота или, что тоже, ворота св. Стефана. Въ воротахъ стоятъ турецкій часовой. Въ темной нишѣ массивнаго аркада

¹⁾ Столбъ этотъ отождествляютъ со столбомъ, поставленнымъ въ древности въ свою память непокорнымъ сыномъ Давида Авессаломомъ, неимѣвшимъ наслѣдниковъ.

ихъ есть уединенная комната, въ которой, по преданію, заключенъ былъ Иродомъ св. апостоль Петръ, скованный тремя цѣпями, и откуда наканунѣ смерти чудесно выведенъ былъ ангеломъ невредимымъ (Дѣян. XII, 3—11). Отъ воротъ прямая улица ведетъ къ мѣсту, гдѣ нѣкогда стоялъ дворецъ Пилата. Направо, на мѣстѣ дома святыхъ Іоакима и Анны высится большое двухъ-этажное зданіе, принадлежащее латинянамъ; нѣлво высокая ветшающая стѣна закрываетъ собою глубокую яму цистерну, ту Овчую купель, гдѣ мыли нѣкогда овецъ, обреченныхъ въ жертву Іеговъ, и гдѣ Спаситель исцѣлилъ разслабленнаго. Глубокій бассейнъ Евангельской Виноезды почти высохъ, чернѣетъ подъ массивной стѣной Омаровой мечети. Мусоръ, камни и сухой верескъ засыпали его темныя арки и каменное дно мѣстами поросло мелкимъ кустарникомъ и травой. Колоссальное сооруженіе древности (Виноезда) находится, очевидно, въ полномъ забросѣ и быть можетъ съ годами, сравнявшись съ поверхностью, земли совершенно исчезнетъ, какъ исчезъ его современникъ, храмъ Соломоновъ.—Мы подошли къ остаткамъ крѣпостцы или башни Антонія, гдѣ находилась нѣкогда римская Преторія, къ которой былъ приведенъ Спаситель отъ первосвященника Каіафы. Объ этой крѣпостцѣ или башнѣ упоминается въ книгѣ Нееміи (II, 8): греки переименовали ее изъ Бирагъ въ Барисъ. Иродъ великій назвалъ ее крѣпостцею Антонія по имени одного изъ своихъ друзей. По свидѣтельству Іосифа Флавія, къ крѣпостцѣ въ его время прилегали жилия строенія всякаго рода, дворы съ портиками, бани, такъ что она имѣла видъ города и въ тоже время великолѣпнѣмъ своимъ напоминала царскія палаты. Здѣсь, между прочимъ, была и резиденція Пилата. Слѣды входа въ его судилище замѣтны и понынѣ: объ этомъ ясно говорятъ симметрически перемѣшанные плиты краснаго и желтаго мрамора, карнизъ изъ бѣлаго мрамора и арка изъ простаго камня позднѣйшей работы, вошедшія въ составъ уличной стѣны; сохранилась также послѣдняя ступень отъ круглаго крыльца, выходившаго на улицу. Въ бывшихъ палатахъ римской преторіи нынѣ помѣщаются турецкія казармы. Латиняне, однако, владѣютъ здѣсь такъ называемою Святою лѣстницею (*Scala santa*) въ 28 ступеней, по которой, по преданію, восходилъ Спаситель къ нечестивому судилищу и затѣмъ спускался окровавленный и поруганный, чтобы идти на казнь подъ бременемъ тяжелаго креста. На противоположной сторонѣ улицы, на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ отъ казармъ, находится латинскій монастырь *бичеванія Спасителя*, на которомъ начерченъ по-латыни 1 стихъ XIX гл. Евангелія отъ Іоанна: «*Пилатъ взялъ Іисуса и велѣлъ бить Его*». Мѣсто это было подарено патерамъ св. Земли Ибрагимомъ пашею и на немъ въ 1839 году герцогъ Максимиліанъ Баварскій построилъ существующій теперь монастырь съ церковію.—Съ благоговѣніемъ шествуемъ мы медленно по „страстному“ пути Спасителя, осматривая зданія и читая на стѣнахъ соотвѣтствующія воспоминаемымъ событіямъ латинскія надписи изъ Евангелія. На разстояніи 140 шаговъ отъ дома Пилата въ направленіи „страстнаго“ пути перекинутая чрезъ улицу арка, нижняя часть которой принадлежитъ римской эпохѣ (сооруженіе ея усвояютъ св. равноапостольной Еленѣ), съ древнихъ поръ носитъ названіе: *се человекъ* (у латинянъ—

Ессе Номо). Во времена крѣстоносцевъ она называлась *Вратами скорби*. Это та самая арка, съ высоты которой Пилатъ показывалъ іудейскому народу измученнаго и избитаго Иисуса Христа въ терновомъ вѣнцѣ и багряницѣ, произноси памятные слова (Іоан. XIX, 5), отъ которыхъ арка и получила свое названіе ¹⁾.—Миновавъ велѣдъ затѣмъ великолѣпное зданіе «Сіонскихъ сестеръ милосердія», мы вступили въ Дамасскую улицу. Лежащая на перекресткѣ у принадлежащаго армянамъ строенія мраморная колонна означаетъ мѣсто, гдѣ Спаситель палъ подъ тяжестію креста. Далѣе, вблизи поворота „страстнаго пути“ въ западномъ направленіи находится военный госпиталь, построенный изъ бѣлаго, краснаго и чернаго камня: здѣсь, по преданію, былъ домъ евангельскаго богача, у воротъ котораго лежалъ нищій Лазарь, желавшій насытиться крохами, падающими со стола его. Повернувшись Дамасской улицы направо, мы вошли въ мусульманскую часть города, густо заселенную бѣдными строеніями, и поразительно узкою, со сводами, улицу начали подниматься въ гору. Въ этой части пути камень въ одной стѣнѣ обозначаетъ мѣсто встрѣчи Господа съ Симономъ Киринейскимъ, шедшимъ съ поля, которому воины Пилата приказали понести крестъ Христовъ до Голгофы (Мѣ. XXV. 21).—Скорбныя, благоговѣйныя, одна за другой мысли переполняли душу за все время шествія по этому „страстному“ пути, гдѣ каждый шагъ отмѣченъ, каждая пѣть освящена и запечатлѣна на вѣки, гдѣ все напоминало и говорило о нѣкогда совершившейся здѣсь величайшей міровой драмѣ; но пройти до конца этотъ путь, какъ обыкновенно дѣлаютъ всѣ паломники, намъ, однако, не пришлось. Велѣдствіе ли большаго утомленія или еще почему, только теперь гимназисты съ кавасомъ уклонились направо отъ „страстнаго“ пути и направились кратчайшей дорогою къ воротамъ Абдуль-Гамида. Пришлось по необходимости и намъ идти слѣдомъ за ними.—На Подворьѣ за ужиномъ узналъ я, что на завтра предполагено идти къ патріарху.

IV. У Патріарха и ночь въ храмѣ Гроба Господня.

17 іюня. Около 7 часовъ утра я былъ уже на ногахъ. Какъ и вчера, въ обычное время (ровно въ 7 часовъ) звуки соборнаго колокола начали приглашать православныхъ къ литургіи. Но не въ соборный храмъ миссіи направились мы съ товарищемъ по номеру, а къ Русскому дому, что въ стѣнахъ Іерусалима вблизи храма Гроба Господня, въ домовоі церкви котораго около порога «судныхъ» вратъ, однажды въ недѣлю, по четвергамъ (а сегодня и былъ четвергъ) совершается божественная литургія, и куда должны были позднѣе придти гимназисты, чтобы, отстоявъ литургію, идти къ патріарху на благословеніе. Литургія въ церкви Русскаго дома начинается не ранѣе 8 часовъ, а потому мы и не особенно торопились, когда шли по знакомымъ уже улицамъ и переулкамъ Іерусалима.

¹⁾ Предположеніе, что преторія Пилата находилась у порога «судныхъ» вратъ, принимается, за отсутствіемъ солидныхъ основаній, только нѣкоторыми, очень немногими изслѣдователями.

ма; по пути заходили въ храмъ Гроба Господня, гдѣ молились предъ Гробомъ Господнимъ и на Голгоѣѣ, и пришли въ Русскій домъ къ началу литургіи. Въ небольшомъ благо-
лѣпномъ, свѣтломъ храмѣ молящихся было еще очень немного; слышалось медленное
осмысленное чтеніе богослужебныхъ часовъ; въ алтарь, куда я прошелъ, совершалась про-
скомидія. Алтарь внутри небольшой, но помѣстительный, а потому помянувъ своихъ род-
ныхъ и знакомыхъ, я и остался въ немъ на все время службы. Пѣли пѣвчіе (человѣка
3 или 4) миссіи и пѣли стройно и одушевленно. Литургія совершалась соборно: служили
молодой іеромонахъ миссіи и убѣленный сѣдинами іерей паломникъ изъ полтавской губерніи,
причемъ первенствовалъ іеромонахъ (послѣднее, сознаюсь откровенно, мнѣ очень не попра-
вилось: отъ чего бы, думалось мнѣ, молодому іеромонаху не предоставить первенство свя-
щенно-служенія почтенному старцу паломнику, если ужъ почему либо нельзя было предо-
ставить служеніе литургіи ему одному? Этимъ, безъ сомнѣнія, онъ доставилъ еще большую
бы радость іерею паломнику и во всякомъ случаѣ выразилъ бы подобающее почтеніе его
сѣдинамъ). Послѣ литургіи священнослужашіе съ присутствующими направились къ порогу
„судныхъ“ вратъ, чтобы совершить тамъ обычную паннихиду по почившимъ: Благочестивѣй-
шемъ Государѣ Императорѣ Александрѣ III, въ воспоминаніе о которомъ устроена домовая
церковь,—и благотворителямъ Палестинскаго Общества; мы же, не видя гимназистовъ, въ
недоуѣніи пошли было къ патріархіи, но встрѣтивъ ихъ на пути, возвратились обратно. От-
стоявъ паннихиду и еще разъ осмотрѣвъ тщательно, подъ руководствомъ управляющаго Рус-
скимъ Подворьемъ Н. Г. Михайлова, порогъ „судныхъ“ вратъ, колонны и арку, прошли въ
пріемный залъ, куда вскорѣ прибылъ и русскій генеральный консулъ въ Іерусалимѣ А. Г.
Яковлевъ, человѣкъ очень предупредительный и любезный, пожелавшій лично представить пат-
ріарху гимназистовъ и ихъ спутниковъ. Познакомившись съ каждымъ изъ насъ, онъ просилъ
не терять дорогого времени и мы торжественной процессіей направились къ Іерусалимскому
патріарху Даміану. Впереди осанисто выступалъ кавасъ консула въ своемъ оригинальномъ
красивомъ костюмѣ съ внушительнымъ хлыстомъ въ рукахъ, за нимъ шли группируясь гимнази-
сты, а за гимназистами—консулъ съ Н. К., окруженный немногими изъ спутниковъ гимнази-
стовъ. Составляя почетную охрану, кавасъ консула, оказывается, очень важенъ и нуженъ
бываетъ во время шествій по тѣснымъ оживленнымъ улицамъ города, переполненнымъ без-
толково суетящимся людомъ и нерѣдко бредущимъ, никѣмъ не управляемымъ, व्यючнымъ
скотомъ. Это наглядно сказалось, когда мы вошли въ торговую „христіанскую“ улицу:
здѣсь все и все разступалось предъ грознымъ осанистымъ кавасомъ, давая намъ свобод-
ный путь. Но вотъ мы и у резиденціи патріарха, которая выходитъ на улицу, по обы-
чаю востока, глухою стѣной. Массивныя входныя двери ея снаружи мало отличаются отъ
сосѣднихъ. Но за порогомъ стѣны предъ нами открылась прекрасная широкая лѣстница,
по которой мы и поднялись во 2-й этажъ. Площадка верхней свѣтлой комнаты устлана
мраморными плитами, дверь, ведущая изъ нея въ пріемную патріарха, задернута тяжелой

драпировкой. Здѣсь насъ привѣтливо встрѣтили два монаха, и положивъ на большой круглый столъ свое верхнее платье, фуражки и шляпы, мы вошли въ пріемный залъ. Это—довольно большая четырехугольная, высокая и свѣтлая комната, неособенно роскошно, но со вкусомъ и богато убранная; прямо противъ входа, у стѣны по срединѣ, висится большое оригинальное кресло съ короной и балдахиномъ наверху. Это — патриаршій тронъ, съ котораго Его Блаженство принимаетъ посѣтителей въ торжественныхъ аудіенціяхъ и въ дни двенадесятихъ праздниковъ; по обѣ стороны трона по стѣнамъ идутъ, чередуясь со столиками, мягкіе диваны и кресла; посрединѣ комнаты — также мягкіе диваны, сомкнутые спинками. Въ простѣнкахъ между окнами и по стѣнамъ въ гармонической симметріи развѣшаны большіе портреты Всероссійскихъ Государя Императора и Государыни Императрицы, Короля и Королевы Еллиновъ, овальный портретъ султана и портреты Ихъ Императорскихъ Высочествъ Сергія и Павла Александровичей и Великой Княгини Елизаветы Ѳеодоровны. — Его Блаженство, патриархъ іерусалимскій и всей Палестины Даміанъ, когда мы пришли, находился въ школѣ на экзаменѣ; но узнавъ о нашемъ приходѣ, не замедлить пожаловать въ пріемный залъ. Онъ выше средняго роста, очень представительный, съ выразительнымъ лицомъ и сравнительно молодой (не болѣе 40 лѣтъ). Преподавъ каждому благословеніе и облобызавъ большинство изъ бывшихъ, Его Блаженство сѣлъ въ сторонѣ отъ своего трона и, любезно попросивъ садиться, довольно правильно русскою рѣчью началъ бесѣду, обращаясь большею частію къ сидѣвшему рядомъ съ нимъ Н. К. и изрѣдка къ консулу и остальнымъ присутствующимъ. Говорили въ началѣ о путешествіи гимназистовъ, которое являлось первою заграничною поѣздкою и паломничествомъ учащейся молодежи не въ Россіи только, но и въ Западной Европѣ, причемъ Н. К. не приминувъ замѣтить, что прибытіе ихъ въ Іерусалимъ совпадаетъ съ приближающеюся 800 лѣтней годовщиною перваго крестоваго похода, на что Его Блаженство изволилъ любезно сказать, что общаго между бывшимъ крестовымъ походомъ и ихъ паломничествомъ очень мало: тутъ и тамъ были совершенно иныя дѣли. Вслѣдъ за тѣмъ онъ сталъ освѣдомляться о томъ, долго ли пробудутъ въ Іерусалимѣ гимназисты, когда будутъ они въ Виѳлеемѣ (послѣднее, чтобы заблаговременно сдѣлать распоряженіе о встрѣчѣ ихъ), будутъ ли говѣть и приобщаться при Гробѣ Господнемъ, при этомъ патриархъ отечески совѣтовалъ исполнить христіанскій долгъ исповѣди и приобщенія Св. Тайнъ всѣмъ безъ исключенія гимназистамъ и присутствующимъ. Во время разговора насъ, по восточному обычаю, угощали *глико-не-ро*, т. е. вареньемъ съ холодною водою, за тѣмъ ликеромъ и ароматическимъ кофе. Консулъ говорилъ очень мало, предоставляя вести бесѣду Н. К. и его спутникамъ и время отъ времени курилъ предложенныя ему патриархомъ папирсы. Это куреніе табаку въ присутствіи патриарха святителя, хотя и по его предложенію и соизволенію, столь обычное будто-бы на востокѣ, меня однако крайне смущало. Моя мысль никакъ не могла помириться съ этимъ явленіемъ, которое во всякомъ случаѣ свидѣтельствуетъ о недостаточномъ почтеніи къ іерарху со стороны лицъ, позволяющихъ куреніе. — Улучивъ удобный моментъ, я почтительно обратился къ Его

Блаженству съ просьбою благословить (т. е. дозволить) мнѣ безпрепятственное совершеніе священнослуженій въ греческихъ и русскихъ церквахъ за все время моего пребыванія въ Палестинѣ, при чемъ передалъ ему бывшее со мною свидѣтельство нашего Владыки. Патріархъ очень благосклонно отнесся къ просьбѣ, позволилъ и чрезъ вошедшаго іеромонаха сдѣлать распоряженіе, чтобы просимое мною дозволеніе было заготовлено немедленно. И минутъ черезъ 5, дѣйствительно, дозволеніе было принесено и вручено мнѣ самимъ патріархомъ ¹⁾. Вѣсѣда между тѣмъ начала, замѣтно, истощаться и всѣ поднялись, чтобы проститься съ Его Блаженствомъ. Благословляя и лобызая каждого, Его Блаженство выразилъ надежду, что еще разъ увидитъ насъ у себя передъ нашимъ отъѣздомъ изъ Палестины.— Съ самымъ добрымъ расположеніемъ сердца оставили мы патріархію и торжественною процессіей направились къ Подворью.— Въ 4 часа дня—мы осматривали русскую больницу, что около зданія миссіи. Красивая снаружи, она и внутри производитъ прекрасное впечатлѣніе: всюду чистота и образцовый порядокъ. Внизу помѣщаются амбулаторія, ванная и квартиры для служащихъ; вверху — палаты для больныхъ, направо — мужскія, а налѣво женскія. По сравненію съ константинопольскою русскою больницею палаты эти низковаты и менѣе свѣтлы, но не уступаютъ имъ помѣстительностію и удобствами. Больныхъ при нашемъ посѣщеніи было совсѣмъ мало.— Побывавъ затѣмъ нѣсколько времени въ небольшомъ садикѣ, разбитомъ при больницѣ, мы чрезъ предмѣстье направились къ Яффскимъ воротамъ, гдѣ, по указанію каваса, заходили въ три или четыре великолѣпныхъ магазина, осматривая и покупая сувениры. На возвратномъ пути совершенно случайно пришлось мнѣ встрѣтиться и говорить съ нѣкоторыми изъ паломниковъ, ѣхавшихъ въ Палестину на одномъ съ нами пароходѣ. Они съ радостію сообщили мнѣ, что сегодня были (въ первый разъ) у Гроба Господня и на Голгофѣ; что ихъ сначала ввели на хоры храма, откуда показывали всѣ Святини, а затѣмъ уже водили по самымъ Святинямъ; послѣ того были они въ пріемной святогробцевъ, гдѣ патріархъ (?) умывалъ имъ ноги, а монахи предлагали угощеніе. Огъ нихъ же я узналъ, что всѣ паломники (русскіе, а стало-быть и они) сегодня проведутъ ночь въ храмѣ Гроба Господня, гдѣ для нихъ архіерейскимъ служеніемъ будетъ отслужена такъ называемая „разрѣшительная“ литургія. Это послѣднее сообщеніе въ связи съ тѣмъ, что на завтра у насъ назначена была не ранняя поѣздка въ Бейтъ-Джалу, расположили и меня вмѣстѣ съ паломниками провести ночь при Гробѣ

¹⁾ Дозволеніе это представляетъ небольшой (5×4½ вершк.) печатный бланкъ, на которомъ подъ гербомъ патріарха съ надписью вокругъ „ΠΑΤΡΙΑΡΧΕΙΟΝ ΙΕΡΟΣΟΛΥΜΩΝ“ значится: „Ο ἐπιφέρων το παρόν, ἱερεύς Εὐγένιος Μερζσαλοβ, παρουσιάσας τὰ ἐνδεικτικὰ τῆς χειροτονίας αὐτοῦ, ἔλαβε τὴν ἄδειαν τοῦ ἱερουργεῖν ἐν τοῖς Ἱεροῖς Προσκυνήμασιν. Ἐν τῇ ἀγίᾳ πόλει Ἱερουσαλὴμ, τῇ 17 Ἰουνίου 1899“, т. е. „предъявитель сего, священникъ Евг. Мер., представившій доказательство своего рукоположенія, получилъ право священнодѣйствія въ священныхъ мѣстахъ поклоненія. Св. городъ Іерусалимъ, 17 іюня 1899 г.». Внизу приложена восьмигранная печать съ изображеніемъ часовни Гроба Господня.

Господнемъ и, если Господь благословить, участвовать въ служеніи Божественной литургіи. Солнце было близко къ закату, а съ заходомъ его запираются, обыкновенно, двери храма Гроба Господня; медлить поэтому не приходилось. Торопливо прошелъ я, простившись съ паломниками, въ свою комнату; надѣлъ въ предотвращеніе простуды фуфайку (въ храмъ Гроба Господня, какъ я слышалъ, ночью бываетъ холодно; къ тому же тамъ постоянные сквозняки) и, захвативъ нужныя богослужебныя книги, быстро направился къ храму, куда обѣщался придти и мой товарищъ по номеру. Еще не было 7 часовъ вечера, а я былъ уже у храма Гроба Господня и радостный входилъ въ его не запертыя еще двери. Приложившись къ камню помазанія, я немедленно прошелъ въ приемную святогробцевъ, гдѣ и заявилъ важно возсѣдавшему за столомъ (безъ креста и клобука) настоятелю святогробцевъ, архимандриту Евфимію о своемъ желаніи сегодня ночью участвовать въ служеніи литургіи (литургія въ храмъ Гроба Господня совершается въ 1 часть ночи). Тотъ сказалъ, что можно, и сказалъ это прежде, чѣмъ было мною подано ему патріаршее дозволеніе; при этомъ онъ оговорился, что за справками и указаніями, какія понадобятся, мнѣ должно обращаться къ ихъ іеродіакону Серафиму. Изъ приемной я направился къ часовнѣ Гроба Господня, гдѣ, разговорившись съ монахомъ, узналъ, что литургія сегодня ночью будетъ совершаться при Гробѣ Господнемъ, а не на Голгоѣ, хотя обычно по пятницамъ она совершается тамъ, т. е. на Голгоѣ, и исключеніе сдѣлано потому, что будетъ совершаться для вновь прибывшихъ русскихъ паломниковъ такъ называемая „литургія разрѣшительная“; а на Голгоѣ совершенно будетъ одно повечеріе, послѣ котораго до начала утрени тамъ же русскіе паломники будутъ пѣть по обычаю каноны съ акаѳистами. Я поднялся на Голгоу. Теплившіяся лампы и нѣсколько свѣчей разливали мягкій свѣтъ, озаряя изможденный Божественный ликъ Страждущаго на крестѣ Спасителя; людей около совѣмъ было не видно, если не считать двухъ монаховъ—греческаго, стоявшаго около жертвенника, и латинскаго, оправлявшаго свѣчу на своемъ престолѣ. Все располагало здѣсь къ молитвѣ и я склонился по лѣвую сторону престола, начавъ совершать про себя вечернее правило. Но молитва моя была прервана въ самомъ началѣ. Послышался шумъ, стукъ и лязгъ запираемыхъ дверей храма; ко мнѣ подошелъ греческій монахъ и рѣзко ломанымъ русскимъ языкомъ сказалъ, чтобы я уходилъ отсюда, такъ какъ начнется скоро служба. Я поднялся и попросилъ монаха дать мнѣ свѣчу въ 10 коп., предполагая удалиться для молитвы въ одинъ изъ темныхъ уголковъ храма. Эта случайная покупка десятикопѣчной свѣчи произвела однако замѣчательную перемену въ обращеніи со мною греческаго монаха. Онъ сталъ много любезнѣе, самъ предложилъ остаться пока у престола до начала повечерія, а когда раздались звуки колокола къ началу, предупредительно указалъ мѣсто, гдѣ удобнѣе стать, сказавши, что послѣ богослуженія я снова могу молиться у престола. Быстро стали собираться на Голгоу паломники; латинскій монахъ торопливо погасилъ свѣчу на своемъ престолѣ и удалился; вошли святогробскіе иноки, за которыми незамедлилъ придти и митрополитъ Мелетій. Владыка былъ безъ панагіи и сталъ около пат-

ріаршаго мѣста. Тотчасъ же началось богослуженіе на греческомъ языкѣ; іеромонахъ въ мантіи безъ епитрахили сдѣлалъ возгласъ; владыка прочиталъ обычное начало, послѣ чего все повечеріе читалъ уже чтецъ; онъ же читалъ за повечеріемъ и акаѳистъ Кресту, при чемъ припѣвъ „*Χαῖρε, ὁ ξύλον μακάριστον*„ (радуйся, блаженнѣйшее древо) послѣ чтеца произносилъ речитативомъ одинъ изъ стоявшихъ монаховъ. Ектенію и отпустъ повечерія іеромонахъ говорилъ, надѣвъ епитрахиль. Послѣ повечерія всѣ монашествующіе благословлялись у митрополита, а затѣмъ онъ и они удалились. Остался только одинъ іеромонахъ, который и предложилъ мнѣ любезно начать чтеніе акаѳистовъ. Я заговорилъ было о все-нощной, но тотъ промолчалъ, а на просьбу одолжить епитрахиль, отвѣтилъ: „развѣ вы не іерей?“ — Сдѣлавши возгласъ, самъ же я началъ чтеніе каноновъ Іисусу Сладчайшему и Богоматери, имѣя въ виду начать пѣніе акаѳистовъ по 6-й пѣсни. Но едва я прочиталъ первую пѣнь, какъ слышу около себя женскій голосъ: «батюшка, вы читаете вечернее правило, вѣроятно, вы служите; но мы пришли пѣть акаѳистъ „страстямъ Христовымъ“». — Смотрю: предо мною женщина среднихъ лѣтъ въ одеждѣ монашки или вѣрнѣе чернички; за ней такихъ же черничекъ 6 или 7; очевидно, это пѣвчіе ¹⁾). Я сказалъ говорившей, что акаѳистъ будемъ пѣть по 6-й пѣсни канона. — Нѣтъ, батюшка, сказала она съ отѣтникомъ самоувѣренной настойчивости, вы какъ хотите, а мы пришли пѣть акаѳистъ „страстямъ“.

— Что было дѣлать? Уйти съ Голгоѳы я находилъ неудобнымъ, хотѣлось къ тому же самому прочитать акаѳистъ страстямъ Христовымъ на мѣстѣ страданій Его, но и продолжать чтеніе вечерняго правила послѣ сдѣланнаго заявленія представлялось не совсѣмъ благоразумнымъ, и я уступилъ. Іеромонаха на Голгоѳѣ уже не было, пришлось обратиться къ стоявшему рядомъ пожилому паломнику, замѣтно не разъ бывавшему здѣсь, съ вопросомъ: какъ поются здѣсь акаѳисты? — «Какъ напечатано въ книгѣ», отвѣтилъ тотъ добродушно и подалъ акаѳистъ „страстямъ“. По возгласъ пѣвчія стройно запѣли „Богъ Господь“ и тропарь „Егда славнѣи ученицы“, затѣмъ почему то снова «Богъ Господь» и тропарь „Благообразный Іосифъ“. Я громко и внятно сталъ читать сначала канонъ, а затѣмъ и акаѳистъ „страстямъ“. Голгоѳа была полна; паломники благоговѣйно молились, только пѣвчія вели себя не совсѣмъ благопристойно, позволяя разговаривать и пересмѣливаться, пришлось даже сдѣлать имъ замѣчаніе. Окончивъ чтеніе, я удалился съ Голгоѳы и во избѣжаніе сквозняковъ, уединился для молитвы въ придѣлъ Іоанна Предтечи. На Голгоѳѣ пѣніе не прекращалось: тамъ одинъ акаѳистъ смѣнялся другимъ и когда снова вошелъ я туда, пѣли акаѳистъ Покрову Богоматери. Народу было теперь значительно меньше; нѣкоторые, удалившись въ сумракъ латинскаго придѣла, сидѣли или лежали тамъ около стѣны, о чемъ-то тихо переговариваясь между собою. Внизу, въ храмѣ наблюдалось нѣчто подобное: одни сидѣли, другіе полусежали. Внутренность часовни Гроба Господня была освѣщена.

¹⁾ Послѣ я узналъ, что женщины эти и дѣвицы—дѣйствительно пѣвчія изъ русскихъ паломницъ, которыя живутъ по греческимъ монастырямъ и получаютъ содержаніе отъ святогробскихъ монаховъ.

Кто-то горячо, горячо молился, стоя на колѣнахъ предъ Гробомъ Господнимъ; въ придѣлѣ ангела тоже кто-то молился съ книгою въ рукахъ; около придѣла „узъ“ трое молящихся внимали чтенію какой-то женщины... Время однако близилось къ полуночи, усталость начинала сказываться больше и больше, и я прошелъ въ сумракъ храма Воскресенія, гдѣ занялъ одну изъ стасидій, и сталъ внимательно прислушиваться къ доносившемуся съ Голгофы пѣнію акаѳиста Іоанну Богослову. Около 12 часовъ начали зажигать лампы у иконостаса. Ко мнѣ подошла паломница, ѣхавшая на одномъ съ нами пароходѣ и не разъ прежде бывавшая въ Іерусалимѣ. Раздались гдѣ-то поблизости оглушительные удары въ било: „это будятъ монаховъ“, пояснила мнѣ паломница, узнавъ, что я въ первый разъ провожу ночь въ храмѣ Гроба Господня. Немного спустя, послышались новые удары въ било, но уже менѣе оглушительные: „это звонятъ латиняне“, сказала она и отдаваясь воспоминаніямъ, вдругъ оживилась и заговорила скороговоркою: „смотри, смотри! сейчасъ къ Гробу Господню побѣгутъ діаконы: сначала нашъ (т. е. греческій, православный), затѣмъ латинскій и армянскій; потѣха просто!“ и она засмѣялась.—Грустно было слышать послѣднія слова и смѣхъ паломницы, которые свидѣтельствовали о томъ, что неоднократное посѣщеніе св. Земли, притупило въ ней религіозное чувство и ей стало казаться потѣхой то, что въ дѣйствительности далеко такимъ не было. — Въ одной и той же часовнѣ Гроба Господня ежедневно совершается литургія тремя исповѣданіями: православными, латинянами и армянами, причемъ первыми совершаютъ православные, за ними—латиняне и потомъ уже армяне; но утреннее богослуженіе всѣми исповѣданіями совершается одновременно, каждымъ въ своей церкви, которыя находятся здѣсь же въ храмѣ Гроба Господня, и начало этого богослуженія каждое исповѣданіе предваряетъ кажденіемъ, которое обыкновенно начинается съ часовни Гроба Господня. Послѣднее и пришлось наблюдать тотчасъ же послѣ словъ паломницы, но смѣшного въ томъ ничего не было.— Изъ алтаря храма Воскресенія (ровно въ 12 часовъ) въ полномъ облаченіи и съ кадиломъ въ рукахъ къ часовни Гроба Господня скорой походкой прошелъ іеродіаконъ грекъ и совершивъ тамъ каденіе, возвратился въ храмъ, гдѣ и началъ кадить иконостасъ. Чрезъ минуту послѣ него въ часовню Гроба Господня быстро прошелъ латинскій діаконъ и совершивъ каденіе, пошелъ обратно; а за этимъ послѣднимъ почти слѣдомъ въ ту же часовню Гроба Господня въ облаченіи и митрѣ торопливо прошелъ для каденія армянскій діаконъ.... Послышались удары колокола и въ храмъ Воскресенія стали собираться паломники и святогробскіе монахи. Я оставилъ стасидію и съ знакомымъ іеромонахомъ вошелъ въ тускло освѣщенный алтарь, куда боковымъ ходомъ не замедлилъ придти и Владыка митрополитъ. Началась полунощница, которая какъ и слѣдовавшая за ней утренняя, совершались на греческомъ языкѣ. За полунощницей въ алтарь сидѣли положительно всѣ, даже прислуживавшіе іеродіаконы. Въ началѣ утрени, совершая обычное каденіе, іеромонахъ кадилъ Владыку столько же, сколько и прочихъ, и Владыка не благословлялъ его. Послѣ шестопсалмія іеродіаконъ безцеремонно задвинулъ церковную завѣсу, которая за-

крывала собою шкапикъ, и взявъ оттуда митру и жезлъ, отодвинулъ снова; жезлъ и митру онъ положилъ на престолъ и отойдя немного сталъ заправлять трикирій и дикирій (послѣдніе нѣсколько разнились отъ нашихъ по своему устройству и расположенію свѣчей: под-свѣчники и для трикирія и для дикирія одинаковые, а свѣчи, укрѣпленныя въ одномъ общемъ основаніи имѣли наклонъ въ противоположныя стороны). Въ началѣ канона въ храмъ Воскресенія начали врываться громкіе выкрики армянъ, пѣвшихъ въ своей церкви; это не могло не произвести нѣкотораго замѣшательства и шума среди нашихъ паломниковъ, не знавшихъ въ большинствѣ случаевъ ихъ настоящей причины (т. е. одновременнаго служенія утренняго богослуженія у грековъ, латинянъ и армянъ). Заслыша въ храмъ шумъ, Владыка подошелъ къ царскимъ вратамъ и опершись на нихъ, простоялъ такъ минуты 3 или 4, наблюдая происходившее среди паломниковъ. По 6-й пѣсни канона іеромонахъ, я и іеродіаконъ, выйдя изъ алтаря, совершили обычныя „входныя молитвы“, ставъ противъ царскихъ вратъ ниже амвона; затѣмъ помолились, обратившись лицомъ къ часовнѣ Гроба Господня, поклонились патріаршему трѣну и приложившись къ св. иконамъ, вошли въ алтарь южными дверями; здѣсь приняли благословеніе у митрополита и стали облачаться. Священническія облаченія у грековъ такія же, какія и у насъ, только у фелони передняя сторона спущена много ниже нашей, и есть опояска для того, чтобы легкая фелонь не сдвигалась во время движеній. По 9-й пѣсни Владыка взялъ самъ съ престола жезлъ, чрезъ царскія врата вышелъ изъ алтаря и совершивъ входныя молитвы, снова вошелъ сюда и сталъ облачаться при помощи іеродіаконовъ. (У Владыки не было ни книгодержца, ни жезлодержца, ни иподіаконовъ). Іеромонахъ, служишій утрени, послѣ того удалился съ сосудами въ часовню Гроба Господня совершать проскомидію, а утрени оканчивалъ уже другой іеромонахъ, неучаствовавшій затѣмъ въ служеніи литургіи. Во время отпуста утрени Владыкѣ подали жезлъ, іеродіаконъ взялъ Евангеліе, а мнѣ дали владычній служебникъ съ малымъ омофоромъ и шествіе чрезъ царскія врата направилось къ часовнѣ Гроба Господня. Войдя въ предѣлъ ангела, гдѣ уже на мраморномъ столбѣ устроены былъ св. престолъ, а ко входу привѣшена завѣса,—мы св. Евангеліе и служебникъ положили на престолъ и наклонившись велѣдъ за Владыкой вошли въ пещеру Гроба Господня, гдѣ на покрытой пеленой мраморной плитѣ Св. Гроба совершалась проскомидія. Ставъ на колѣна, Владыка на одной и той же просфорѣ помянулъ сначала живыхъ, а затѣмъ умершихъ. Послѣ него, стоя на колѣнахъ, поминалъ живыхъ и умершихъ іеромонахъ грекъ, а я читалъ за здравныя и за упокойныя записочки паломниковъ, которыя подавалъ мнѣ прислуживавшій монахъ. Послѣ іеромонаха позволено было и мнѣ помянуть своихъ родныхъ, причемъ сдѣлана была оговорка, чтобы я поминалъ какъ можно меньше и скорѣе,—и мы вышли въ предѣлъ ангела. Здѣсь предъ престоломъ (стоя на „горнемъ“ мѣстѣ) Владыка совершилъ обычныя молитвы предъ началомъ литургіи, благословилъ затѣмъ не однихъ іеродіаконовъ, но и іеромонаха и меня, и выйдя въ сопровожденіи всѣхъ священнослужащихъ изъ предѣла ангела, сталъ на приготовленномъ мѣстѣ предъ часовнею Гроба Господня. Чтеніе

богослужебныхъ часовъ (по гречески) къ тому времени окончилось и литургія началась. Во время великой ектеніи мнѣ пришлось держать служебникъ Владыки и исполнять обязанности его книгодержца. Войдя затѣмъ въ придѣлъ ангела, я говорилъ по славянски возгласъ послѣ мадой ектеніи. 3-й возгласъ сказанъ былъ также по славянски, хотя говорилъ его грекъ іеромонахъ и тотчасъ (же по возгласѣ) начался „малый входъ“, который, какъ и осѣненіе Владыкою, совершались, какъ и у насъ. Литургію (больше по-славянски, чѣмъ по гречески) пѣли пѣвчіе изъ русскихъ паломницъ и пѣли очень стройно, хотя съ отбѣнкомъ сельскаго женскаго хора. Предъ „Святый Боже“ въ обычное время поминали патріарха Даміана, митрополита Мелетія и всѣхъ православныхъ епископовъ; что же касается свѣтскихъ властей и султана, то ихъ совсѣмъ не поминали ни теперь, ни во время великаго входа. „Святый Боже“ пѣли: первое—въ алтарѣ, второе—на клиросѣ, третье снова въ алтарѣ, причемъ Владыка осѣнялъ дикиріемъ и трикиріемъ сначала молящихся внѣ часовни на три стороны, затѣмъ присутствующихъ въ алтарѣ. Апостолъ и Евангеліе читали на греческомъ и на славянскомъ языкахъ. Непосредственно послѣ сугубой ектеніи стали пѣть „Херувимскую пѣснь“, опустивъ такимъ образомъ три ектеніи. Пропускъ этотъ для меня былъ неожиданностію, такъ какъ я хорошо зналъ, что во всѣхъ греческихъ служебникахъ (опущенныя) ектеніи эти имѣются. Рукъ въ началѣ „Херувимской“ Владыка не умывалъ и самъ совершалъ кажденіе престола и предстоящихъ. Великій входъ имѣлъ ту особенность, что выйдя изъ придѣла ангела, священнослужашіе съ св. дарами въ предшествіи пѣвчихъ и народа обошли вокругъ часовни Гроба Господня. При входѣ въ придѣлъ ангела св. дары по обычаю встрѣтилъ Владыка, при чемъ поминалъ сначала здравствующихъ: патріарха Даміана и всѣхъ поименно присутствовавшихъ за литургіей паломниковъ (не потому ли и литургія называется „разрѣшительной“?), а затѣмъ—въ вѣрѣ и надеждѣ скончавшихся патріарховъ и всѣхъ православныхъ христіанъ. По окончаніи „Херувимской“, прося молитвъ у предстоящихъ, Владыка преподавалъ благословеніе не однимъ іеродіаконамъ, но и мнѣ съ іеромонахомъ. „Вѣрую“, по обычаю, читали, а не пѣли. Возгласъ „Побѣдную пѣснь поюще“... говорилъ іеромонахъ, а „Твоя отъ твоихъ“ произнесъ я. Троекратнаго призванія Св. Духа предъ освященіемъ даровъ не было, да его и нѣтъ совсѣмъ въ греческихъ служебникахъ. По освященіи даровъ возгласъ „И даждь намъ едиными усты“ произносилъ іеромонахъ, а я возглашалъ затѣмъ послѣ „Отче нашъ“: „Яко Твое есть царство“. Молитву „Вѣрую, Господи, и исповѣдую“ читалъ іеродіаконъ вслухъ во время раздробленія св. Агнца, и Св. Тѣла священнослужашіе приобщались немедленно, по принятіи Его изъ рукъ Владыки. Мірянъ (паломниковъ) іеромонахъ приобщалъ не по возгласѣ „Со страхомъ Божиимъ“, а по окончаніи литургіи, когда Владыка съ прочими священнослужашими совершалъ панихиду предъ часовнею Гроба Господня. Панихида эта совершалась значительно короче нашей такъ называемой „великой“. Еще не окончилась она, а уже мнѣ сказали, чтобы шелъ въ алтарь разоблачаться. Въ это время отперли двери храма и возблагословили.

даривъ Господа, что сподобилъ священнодѣйствовать при Его Живоносномъ Гробѣ, и вмѣстѣ съ паломниками въ полумракѣ начинавшагося разсвѣта направилъ къ Подворью. По пути не отъ одного, а отъ многихъ изъ нихъ, пришлось слышать сожалѣніе о томъ, что при Гробѣ Господнемъ архіерейское служеніе совершается не съ такимъ благолѣпіемъ и торжественностію, какъ у насъ на Руси. „Эхъ, если бы нашего архіерея сюда, совѣмъ не то было-бы!“ слышалось отовсюду.

V. Поѣздка въ Бейтъ-Джалу и у еѣны плача.

18 іюня. Спать пришлось, сравнительно, немного. Въ 3 часа утра легъ въ постель, а въ 7^{1/2} меня уже будили, сообщая, что гимназисты собираются ѣхать въ Бейтъ-Джалу. Бейтъ-Джала—небольшое арабское селеніе, въ которомъ имѣется русская школа, содержимая на средства Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества; находится въ 9 или 10 верстахъ отъ Іерусалима и расположена вблизи вилеемскаго или хевронскаго шоссе; сообщеніе поэтому съ этимъ селеніемъ очень удобное, экипажное.—Ровно въ 8 часовъ выѣхали мы съ Подворья, въ сопровожденіи каваса Марко, въ 6 рессорныхъ экипажахъ. Миновавъ предмѣстье, мимо яффскихъ воротъ и Давидовой башни спустились мы въ Гинномскую долину, которую и пересѣкли по плотинѣ полуссохшаго пруда Биркетъ эсъ-Султанъ.—Биркетъ эсъ-Султанъ—это *Нижній прудъ*, упоминаемый прор. Ісаіею (XXII, 9), и во время оно представлявшій самое большое водохранилище Іерусалима, еѣны котораго имѣютъ въ длину 180 и въ ширину 78 метровъ. Арабская надпись надъ фонтаномъ въ нижней его части гласитъ, что „водопроводъ былъ устроенъ (возстановленъ?) султаномъ Мамелюкъ аль-Меликъ эн-Назеръ Могаммедомъ въ 693—741 годахъ гиждры (1294—1340)“. —Поднявшись на противоположную сторону, экипажи на минуту остановились противъ того мѣста, гдѣ, по преданію, удавился Іуда, предавшій Господа. Незначительныя руины съ чахлою растительностію на обнаженной каменистой покатости, вотъ что видно въ настоящее время на этомъ мѣстѣ безславной кончины неблагодарнаго и корыстолюбиваго ученика, за 30 сребренниковъ продавшаго своего Божественнаго Учителя Его злѣйшимъ врагамъ. Экипажи движутся дальше, и мы вступаемъ въ долину *рефаимовъ* или *гиантовъ* (Нав. XV, 8), гдѣ нѣкогда Давидъ сражался съ филистимлянами и побѣдилъ Голиаѳа (2 Цар. V, 18; 1 Парал. XI, 15; XIV, 9). Долина обширная; справа вдали окаймлена іудейскими горами, слѣва—горою Злаго Совѣщанія, а впереди—высотами св. Іліи. Въ древности она славилась плодородіемъ; слѣды обработки около дороги видны и въ настоящее время.—Бойко бѣгутъ лошади по ровному, прекрасно содержимому шоссе, за которое мѣстное населеніе и поныпѣ гытаетъ глубокое уваженіе къ его устройтелю Реуфу пашѣ; мягкій щербень мягко хруститъ подъ колесами экипажа, напоминая ѣзду далекой родины. Погода прохладная и пасмурная. Съ-

верный вѣтеръ быстро гналъ, разрывая, большія сѣрыя облака по небосклону; казалось, вотъ, вотъ они разразятся обильнымъ дождемъ. Но постыднее было бы чудомъ для здѣшнихъ мѣстъ, такъ какъ кто палестинское не знаетъ ни дождей, ни тучами задернутого неба.—Мы ѣдемъ уже среди виноградныхъ и затѣмъ масличныхъ садовъ, принадлежащихъ Идынекому греческому монастырю и скоро останавливаемся у такъ называемаго *колодезя трехъ царей или волхвовъ*. Здѣсь, по преданію, волхвы или восточные мудрецы, послѣ свиданія съ Иродомъ, увидѣли чудесную звѣзду, приведшую ихъ къ яслямъ родившагося Спасителя, и увидѣвши ее, «они возрадовались радостію весьма великою» (Мо. II, 9 и 10). Колодезь небольшой, съ круглымъ отверстіемъ; сооруженъ надъ нимъ нѣтъ. Мы продолжаемъ путь. Высоты св. Иліи скоро разступились, давая мѣсто шоссейной дорогѣ. Слева неподалеку привѣтливо выступилъ и самый монастырь св. Иліи (Маръ-Эліасъ), въ видѣ небольшой крѣпостцы съ высокими стѣнами. Монастырь построенъ на мѣстѣ, гдѣ, по преданію, св. пророкъ Ілія отдыхалъ во время бѣгства своего отъ мнѣнія нечестивой Іезавели на Синай и, по словамъ его обитателей, находится подъ особымъ покровительствомъ пророка, имени котораго посвященъ, пользуясь его благодѣяніями: сколько бы ни уродилось маслинъ и пшеницы на земляхъ, принадлежащихъ монастырю, послѣдній никогда будто-бы не ощущаетъ недостатка въ этихъ продуктахъ.—Монастырь основанъ очень давно; по крайней мѣрѣ, извѣстно, что церковь во имя прор. Іліи построена здѣсь византійскимъ императоромъ Иракліемъ въ VII вѣкѣ. Въ 1519 году монастыремъ овладѣли было мусульмане и церковь его обратили въ мечеть; но спустя нѣкоторое время, онъ былъ возвращенъ христіанъ и съ тѣхъ поръ постоянно принадлежалъ грекамъ. Монастырь очень благоустроенъ: въ его садахъ растутъ свыше 2000 масличныхъ деревьевъ и масло монастырское, какъ лучшее въ окрестности, цѣнится дороже всякаго другаго; а съ полей, принадлежащихъ монастырю, получается, смотря по урожаю, отъ 600 до 1000 пудовъ пшеницы.—Экипажи останавливаются теперь противъ самаго монастыря около большого камня подъ развѣистой маслиной, на которомъ «осенніе дожди и время впадиной источили нѣкогда гладкую поверхность; но преданіе до нынѣ видитъ въ этой впадинѣ ложе пророка Іліи, на которомъ онъ будто бы спалъ одинокій и безпріютный, скрываясь отъ нечестивыхъ царей іудей. Камень безстрастной природы оказался мягче сердецъ человѣческихъ. Онъ обратился въ упругое ложе и на немъ на вѣки остался отпечатокъ, какъ бы вдавленный силуэтъ отдыхавшаго святого». Посѣщеніе самаго монастыря не входило въ наши планы и мы продолжаемъ путь.—Дорога отъ монастыря идетъ подъ уклонъ и взору открылся обширный, своеобразно прелестный видъ. Къ югу, на близъ лежащемъ возвышеніи, среди зелени садовъ ютились бѣленькіе домики Виолсема; за ними на горизонтѣ въ видѣ усѣченнаго конуса вырисовывалась такъ называемая гора Франковъ; лѣвѣе—за глубокой лощиной—разбросался рельефъ холмовъ и горъ, которые, какъ волна за волной, перекатами спускались къ Мертвому морю; правѣе—сливаясь съ виолсеомскою возвышенностію, въ причудливыхъ очертаніяхъ, высидили іудейскіе горы.—Обогнувъ возвышен-

ность Тантуръ, гдѣ, по преданію, останавливался Іаковъ, возвращаясь изъ Месопотаміи и гдѣ скончалась Рахиль, давъ жизнь Веніамину, экипажи снова останавливаются около *гробницы Рахили*. Мѣсто гробницы какъ нельзя болѣе отвѣчаетъ указаніямъ Библіи. Въ книгѣ Бытія говорится, что Рахиль „погребена на дорогѣ въ Еффраѳу, т. е., Виолеемъ“. Іаковъ поставилъ надъ гробомъ ея памятникъ. Этотъ надгробный памятникъ Рахили до сего дня“ т. е. существовалъ еще во времена Моисея (XXXV, 19 и 20). Спусти 700 лѣтъ послѣ того, Самуиль, помазавъ Саула на царство, говоритъ ему, что онъ увидитъ двухъ человѣкъ близъ гробницы Рахили, на границѣ Веніаминова колѣна (1 Цар. X, 2). Блаж. Іеронимъ много разъ упоминаетъ о мѣстонахожденіи гробницы близъ Виолесема. Арнульфъ, жившій въ VIII вѣкѣ, описываетъ монументъ надъ могилою Рахили, имѣвшій видъ пирамиды и находившійся въ полумилѣ на сѣверо-западъ отъ Виолесема. Арабскій географъ Эдризѣ (въ XII вѣкѣ) говоритъ, что на могилѣ Рахили находятся 12 камней, поставленныхъ стоймя, въ память 12 колѣнъ израилевыхъ. Теперь возвышается надъ могилою зданіе, которое имѣетъ видъ четвероугольной мусульманской часовни съ низкимъ куполомъ, ничѣмъ не отличающейся отъ часовень, какія обыкновенно сооружаютъ мусульмане надъ своими святыми. Полагаютъ, что зданіе воздвигнуто въ 1679 году. Ключъ отъ него откупленъ однимъ свреємъ изъ Іерусалима, и ежегодно мѣстные раввины приходятъ сюда съ торжественною процессією, чтобы плакать надъ дорогимъ прахомъ о горькой судьбѣ своего народа. И своевольный набѣдникъ, полудикій бедуинъ—мусульманинъ суевѣрно до нынѣ глядитъ на низкій куполь гробницы и у ея подножія хоронитъ своихъ мертвецовъ. Такимъ образомъ гробница Рахили является священнѣйшимъ памятникомъ Палестины не для іудеевъ только, но и для магометанъ ¹⁾. Внутренность ея для осмотра, однако, недоступна, и бросивъ быглый взглядъ на усѣянную надмогильными плитами, облегающую ее каменистую мѣстность, мы трогаемся дальше.—Отъ гробницы Рахили дорога развѣтвляется: прямо идетъ въ Хевронъ, лѣвѣе—въ Виолеемъ, который не далѣе 2-хъ верстъ отсюда, и направо—въ селеніе Бейтъ-Джалу, которое своими сѣрыми скученными строениями красиво пріютилось на полугорѣ противолезкашаго высокаго хребта, сплошь покрытаго масличными деревьями; надъ строениями виднѣются нѣсколько христіанскихъ храмовъ, а выше (вблизи селенія)—красивыя постройки русской школы.—Экипажи наши сворачиваютъ теперь вправо и при скрипѣ тормазовъ начинаютъ спускаться въ глубокую долину, а у меня невольно возникаютъ вопросъ за вопросомъ: почему это мы, паломники, въ данную минуту ѣдемъ не въ Виолеемъ къ мѣсту Рождества

¹⁾ Почему память о Рахили переживаетъ вѣка и сохраняется до нашихъ дней?—у Пресвященнаго Порфірія находимъ на этотъ счетъ такое разсужденіе: «Людямъ свойственно хранить что-либо рѣдкое, неповторяемое, чрезвычайное, а не обычное, ежедневное. И гробъ Рахили, женщины необыкновенно любимой, за право владѣнія которой любовь работала 14 лѣтъ и къ которой она не охладѣла до самой смерти, есть мѣсто вѣчнаго покоя красоты и любви; вотъ почему онъ уцѣлѣлъ доселѣ (См. его Книгу Бытія моего, часть 2-я, стр. 4)».

Христова, гдѣ еще не были, а въ Бейтъ-Джалу осматривать русскую женскую школу? И если почему-либо гимназистамъ необходимо сегодня быть въ Бейтъ-Джалѣ, то отъ чего бы сначала не побывать въ Виолеемѣ, который совсѣмъ близко отсюда? Почему, наконецъ, мы вовсе сегодня не будемъ въ Виолеемѣ?—Отвѣтить однако не кому: Н. К. ѣдетъ впереди, а спутники мои на этотъ счетъ были освѣдомлены, кажется, не болѣе моего,—и я прогоняю неотвязчивые вопросы. Между тѣмъ экипажи спустились въ долину; быстро движутся среди густолиственныхъ развѣсистыхъ маслинъ и скоро достигаютъ селенія Бейтъ-Джалы.—Бейтъ-Джала—древній Гило, упоминаемый въ книгѣ Иисуса Навина (XV, 51); при завоеваніи евреями земли обѣтованной онъ въ числѣ 11 городовъ съ ихъ селами предоставленъ былъ въ удѣлъ колену Іуды. Гило—родина Ахитофела, ближайшаго совѣтника Давида, который измѣнилъ своему владыкѣ, чтобы перейти на сторону возмущившагося Авессалома, и затѣмъ удавился въ своемъ родномъ городѣ (2 Цар. XV, 12; XVI, 23). Паломники писатели XVII и XVIII вѣковъ (православные и латинскіе) называютъ Бейтъ-Джалу—Рамой, что согласуется и съ словами пророка Іереміи: „Голосъ слышанъ въ Рамѣ, вопль и горькое рыданіе. Рахиль плачетъ о дѣтяхъ своихъ и не хочетъ утѣшиться, ибо ихъ нѣтъ“ (XXI, 15)¹⁾. Въ настоящее время Бейтъ-Джала—исключительно арабскій поселекъ, жители котораго всѣ христіане; изъ нихъ православныхъ свыше 1500 человекъ. Ни одинъ мусульманинъ не рискуетъ долго оставаться въ этомъ селеніи въ силу повѣрья, что кто изъ послѣдователей Магомета пробудетъ тамъ три дня и не обратится въ христіанство, тотъ непременно умретъ внезапно. Въ селеніи имѣются двѣ православныя церкви и одна латинская.—Круто поднявшись по кривымъ и грязнымъ улицамъ въ гору, экипажи остановились у воротъ зданій русской школы, обвитыхъ ползучею зеленью. И пока кавасъ Марко идетъ предупредить о нашемъ пріѣздѣ неожиданное насъ школьное начальство, мы, столпившись у воротъ, съ любопытствомъ смотримъ на красивыя русскія зданія, мысленно пробѣгая исторію ихъ возникновенія.—Палестинскіе арабы, какъ извѣстно, издавна были предметомъ особаго вниманія и даже соревнованія представителей разныхъ христіанскихъ исповѣданій (собственно—православныхъ грековъ, латинянъ и протестантовъ); на нихъ сосредоточенъ, главнымъ образомъ, интересъ ихъ религіозной пропаганды. И когда латинскій патріархъ Іосифъ Валерга, поселившись, въ 60-хъ годахъ нынѣшняго (XIX) столѣтія, въ Бейтъ-Джалѣ, съ энергію фанатика, буквально не щадя живота, принялся здѣсь за дѣло миссіонерства, начавъ устроить школы и пріесты, жестоко преслѣдуемый греками, но не встрѣчая въ нихъ противодѣйствующаго миссіонерскаго соревнованія,—начальникъ русской ду-

¹⁾ Правда, францисканецъ Фарнадъ (около 1520 г.) относительно названія Рама говоритъ, что въ священномъ евангеліи Рама не есть собственное имя какого либо мѣста, но простое слово, значущее, согласно блаж. Іерониму, «высота», и такое толкованіе, добавимъ, вполне, согласно съ еврейскимъ словопроизводствомъ; но 70 толковниковъ и Евсевій всегда принимали это имя за имя собственное.

ховной миссіи въ Іерусалимѣ, архимандритъ Антонинъ въ томъ же селеніи открылъ тогда (въ 1866 году) православную женскую школу. Покойная Императрица Марія Александровна приняла въ этомъ начинаніи о. Антонина самое живое участіе, дала средства на устройство двухъ-этажнаго прекраснаго зданія, въ которомъ помѣстилась открытая школа, и затѣмъ ежегодно жертвовала на ея содержаніе необходимую сумму. Съ кончиною Августѣйшей Благотворительницы отпускъ суммъ на этотъ предметъ прекратился и школа стала содержаться на 600 руб., которые ежегодно высылалъ русскій благотворитель г. Безпаловъ. Въ 1889 г. школу эту взяло въ свое непосредственное вѣдѣніе Императорское Православное Палестинское Общество, которое рядомъ съ существовавшимъ домомъ, параллельно ему, выстроило новый двухъ-этажный же домъ, соединивъ верхніе этажи обоихъ зданій крытымъ проходомъ, а самую школу, состоявшую изъ учительницы и ея помощницы, преобразовало въ 4-хъ классную учительскую женскую семинарію съ образцовой при ней школой и дѣтскимъ садомъ, такъ что учащій персоналъ школы съ того времени стали составлять, какъ и въ настоящее время составляютъ: начальница, 10 учительницъ и 3 учителя; изъ нихъ начальница и 5 учительницъ—русскія, а остальные—арабы. При семинаріи тогда-же попечительное Общество устроило и лечебницу для приходящихъ больныхъ. — Кавасъ одяко возвратился и предводимые имъ, мы прошли къ фасаду нижняго дома, окруженнаго кипарисами и другими южными растеніями. Надъ входною дверью рельефная надпись гласитъ: „домъ Ефрафовъ“, потому ли, что селеніе Бейтъ-Джала называется иногда „Ефравой“, или же—чтобы надписью напомнить входящимъ и учащимъ о томъ „плодотворномъ“ значеніи, которое должно имѣть (и имѣть) для православныхъ арабовъ Палестины помѣщающаяся въ этомъ домѣ семинарія. Въ вестибюль насъ любезно встрѣтила старшая учительница семинаріи—наша соотечественница, которая и попросила насъ пройти въ пріемную; сюда же незамедлила придти и начальница заведенія Е. М. Тараканова, которая 9 лѣтъ подвизается здѣсь, просвѣщаямъ арабское населеніе въ духъ и завѣтахъ русской православной церкви. Познакомившись съ нами и узнавъ о цѣли посѣщенія, она предложила намъ начать осмотръ заведенія съ такъ называемаго „дѣтскаго сада“. — Дѣтскій садъ занимаетъ особое помѣщеніе, находящееся неподалеку отъ жилыхъ строеній и представляетъ собою продолговатое, легкое, четырехъугольное зданіе съ покатою желѣзною крышею; внутри зданіе очень свѣтлое, помѣстительное, потолка нѣтъ; послѣднее обстоятельство и служитъ причиною того не особенно желательнаго въ школѣ явленія, что въ ясный полдень, когда крыша въ особенности накаляется лучами солнца, внутри помѣщенія бываетъ очень душно. Рѣшетчатая перегородка дѣлитъ внутренность на двѣ почти равныя части или отдѣленія. Въ каждомъ изъ нихъ, когда мы вошли, сидѣло по 30 или 40 малютокъ дѣвочекъ съ ихъ учительницами—арабками, бывшими питомцами той же семинаріи. При нашемъ входѣ малютки молча встали и стоя „звѣрьками“ смотрѣли на насъ; безъ сомнѣнія, такое большое количе-

ство посѣтителей (насъ было 25 человекъ) имъ приходилось видѣть въ первый разъ. Занятія въ обоихъ отдѣленіяхъ ведутся здѣсь на мѣстномъ только арабскомъ языкѣ и съ русскою рѣчью дѣтей не знакомятъ. Мы попросили учительницъ заняться чѣмъ-нибудь съ дѣвочками и тѣ, конфузясь, предложили имъ игры: старшая—что-то, въ родѣ „коршуна“, а младшая въ „рѣшку“. Дѣти, посматривая на насъ, какъ-то неохотно, вило начинали свои игры;—но скоро, при умѣломъ руководствѣ и участіи своихъ учительницъ, такъ оживились и увлеклись, что, казалось, совсѣмъ забыли о нашемъ присутствіи. Подъ шумокъ ихъ игръ мы вышли изъ зданія и направились къ образцовой школѣ, которая помѣщается въ нижемъ этажѣ верхняго дома. Здѣсь занятія ведутся также на арабскомъ языкѣ и учительницами арабками—питомицами той-же Бейтъ-джальской семинаріи; во время ихъ занятій присутствуютъ и воспитанницы выпускнаго (4-го) класса семинаріи. Русскій языкъ изучается здѣсь съ перваго же года и къ концу курса дѣвочки настолько овладѣваютъ русскою рѣчью, что свободно и выразительно (съ пониманіемъ) читаютъ всякую русскую грамоту и даже говорятъ немного. Классныя помѣщенія здѣсь свѣтлыя и помѣстительныя; меблировка очень хорошая. При нашемъ входѣ школьницы каждаго класса, вставая, приветствовали русскимъ „здравствуйте“. Одѣты онѣ почти всѣ въ свои мѣстные костюмы съ очень широкими (почти до пола) рукавами: ногти и ладони рукъ ихъ, по мѣстному обычаю, татуированы, т. е. раскрашены цвѣтною краской. На вопросы своихъ учительницъ и наши школьницы давали отвѣты очень хорошіе. — Изъ образцовой школы мы прошли въ классы, семинаріи, изъ которыхъ посѣтили только первые три, а относительно послѣдняго намъ сказали, что ученицъ его, въ качествѣ практикантокъ, мы уже видѣли, когда были въ „дѣтскомъ садѣ“ и въ школѣ. Воспитанницы семинаріи всѣ хорошо знаютъ и прекрасно говорятъ по русски; отвѣты ихъ изъ всѣхъ предметовъ пройденнаго курса были самые хорошіе, а неудовлетворительныхъ или вялыхъ совсѣмъ не было. Въ каждомъ классѣ, по нашей просьбѣ, воспитанницы пѣли ту или другую молитву (по славянски), и тотъ или другой гимнъ (по русски), а въ 3-мъ—пропѣли что то заунывное по арабски. Слушая прекрасные отвѣты и пѣніе воспитанницъ, приходилось жалѣть объ одномъ только, что всѣ онѣ болѣютъ трахомой (прилипчивая глазная болѣзнь), которая придастъ ихъ юнымъ лицамъ несовсѣмъ благовидный, болѣзненно-сонливый видъ. Выйдя изъ 3 класса, мы поднялись наверхъ; осмотрѣли тамъ дортуары, гдѣ всюду наблюдалась образцовая чистота и порядокъ, и крытымъ ходомъ прошли въ столовую, въ которой, какъ оказалось, наши гостепріимныя соотечественницы приготовили для насъ чай и закуску. Радшіе и предупредительность, съ которыми здѣсь встрѣтили и угощали насъ всѣ учительницы—соотечественницы, были такъ неподдѣльно искренни и душевны, что мы сразу же почувствовали себя какъ бы въ родной семьѣ и въ непринужденной дружеской бесѣдѣ провели около часа. Внизу, когда мы спускались, насъ поджидали уже воспитанницы семинаріи, которыя, по собственной инициативѣ или же по наученію учительницъ, об-

ратились къ гимназистамъ съ просьбой пропѣть для нихъ что нибудь по-русски: онѣ-де никогда не слыхали, какъ поютъ русскію, и очень будутъ рады послушать ихъ пѣніе. Гимназисты стали было отказываться, но просьбу воспитанницъ поддержали ихъ учительницы, и тѣ согласились. Немедленно перешли въ одну изъ просторныхъ комнатъ и стройныя русскія пѣсни то веселыя и игривыя, то грустныя и унылыя стали чередоваться одна за другой. Воспитанницы были, замѣтно, въ восторгѣ и отъ своей удачи, и отъ пѣнія гимназистовъ и шумными аплодисментами покрывали каждую исполненную пѣсню. Веселье молодежи мало однако гармонивало съ моею внутреннею настроенностію, и я незамѣтно удалился изъ комнаты на наружную террасу подъ тѣнь виноградныхъ вѣтвей, откуда открывается превосходный видъ на окружающую мѣстность. Волнообразные холмы спускались въ глубокую долину параллельными рядами уступовъ, представляющихъ видъ колоссальныхъ ступеней, засаженныхъ масличными деревьями, которыя вдаль сливались въ густую зеленую чашу; а за долиной, правѣе, съ покрытой садами возвышенности привѣтливо смотрѣли одинокія окраинныя строенія благословеннаго Богомъ Виллесема. «Какъ близко Виллесемъ, подумалъ я грустно, и однако тамъ мы не будемъ сегодня!»... Скоро ко мнѣ подошла одна изъ учительницъ—соотечественницъ, предлагая свѣжихъ только что сорванныхъ съ дерева миндальныхъ орѣховъ, и мы разговорились. На просьбу рассказать, какъ живется здѣсь, въ Бейтъ-Джалѣ, русскимъ учительницамъ, она сообщила слѣдующее. Всѣ русскія учительницы Бейтъ-джальской семинаріи, изъ которыхъ большая часть съ высшимъ образованіемъ, т. е. съ педагогическихъ высшихъ курсовъ, получаютъ жалованье при готовомъ помѣщеніи отъ 60 до 70 рублей въ мѣсяцъ каждая. Не смотря на такую почтенную цифру, скопить однако многого про черный день здѣсь не приходится: во 1-хъ, въ Палестинѣ, какъ и всюду за-границей, наши деньги очень дешевы и во 2-хъ все что ни приходится покупать въ Іерусалимѣ, при своей дороговизнѣ, крайне непрочно: пищевые продукты скоро портятся, а одежда и обувь быстро изнашиваются, такъ какъ турецкіе торговцы о прочности вещей и матеріала совѣтъ не заботятся,—и приходится по большей части одежду и обувь выписывать изъ Россіи. Есть и случайные расходы: въ теченіи мѣсяца одинъ или два раза приходится скуки ради съѣздить въ Іерусалимъ на русское Подворье къ русскимъ людямъ, а это опять таки стоитъ денегъ, такъ какъ извозчики здѣсь очень дороги. Трудовъ же по семинаріи и школѣ для каждой учительницы достаточно: не говоря уже о томъ, что приходится знакомиться съ незнакомымъ арабскимъ языкомъ, имѣ почти постоянно приходится бороться съ перяшливостію и косностію мѣстнаго населенія. Арабы по большей части люди бѣдные, да и богатые, чтобы не платить туркамъ лишней подати, показываютъ себя бѣдняками и живутъ очень грязно. Отсюда и дѣти ихъ первоначально являются въ школу крайне неприглядными—нечесаными, немытыми и полураздѣтыми. Приходится пріучить ихъ и къ чистоплотности и опрятности, а это стоитъ не малыхъ усилій и огорченій. Обмоешь, вычешешь, облагообразишь ихъ, скорѣла учительница, а они отъ родителей снова являются въ школу въ первоначальномъ неприглядномъ видѣ. Снова облагообразишь ихъ

и снабдишь приличной одеждой, а онъ снова приходятъ въ прежнемъ видѣ. Что прикажете дѣлать? И уговариваешь-то ихъ, и просишь честию, но онъ глухи ко всему,—не онъ вѣрнѣе, а родители или родственники ихъ, а строгостей (наказаній, напримѣръ, какихъ-нибудь) допустить никакъ нельзя—обидаются и тотчасъ же начинаютъ грозить переходомъ въ латинство или протестанство. Точно также и при школьныхъ занятіяхъ всеячески стараешься избѣгать строгости по отношенію къ дѣтямъ, иначе они и въ самомъ дѣлѣ могутъ уйти къ латинянамъ или протестантамъ... А тутъ лихорадки... много приходится страдать и отъ этой болѣзни особенно когда поспѣваютъ фрукты,—чуть не остережешься и уже заболѣваешь“...—„Дѣйствительно, трудно здѣсь нашимъ соотечественницамъ, думалъ я, слушая отвѣдъ говорившей,—ихъ работа здѣсь несравненно труднѣе, чѣмъ въ Россіи. Оѣдлые палестинскіе арабы, какъ я зналъ, на самомъ дѣлѣ, народъ, въ большинствѣ случаевъ, неблагодарный и коварный, корыстолюбивый и скупой, который никогда не упускаетъ случая чѣмъ-нибудь поживиться или выпросить что-нибудь, вѣчно жалуясь на свои недостатки; а соревнованіе представителей разныхъ христіанскихъ исповѣданій, направленное къ тому, чтобы расположить къ себѣ или удержать то или другое населеніе, выражающееся обыкновенно въ разныхъ филантропическихъ и религіозныхъ учрежденіяхъ, которыя поражаютъ путешественника своими грандіозными размѣрами, внушительною внѣшностію и замѣчательною внутреннею организаціею (разумѣемъ устраиваемые латинянами и протестантами для арабовъ храмы, школы начальнаго, средняго и высшаго образованія, великолѣпныя госпитали, сиротскіе пріюты, амбулаторіи, типографіи, дома для бесплатнаго помѣщенія бѣдныхъ и под.), сдѣлало изъ араба избалованнаго ребенка, до того капризнаго, что чуть попечители его сдѣлаютъ что-либо ему не по нраву, и онъ начинаетъ уже жаловаться на свою горькую участь и на притѣсненія, начинаетъ угрожать переходомъ въ то или другое христіанское исповѣданіе и случается, что дѣйствительно приводитъ угрозу въ исполненіе, такъ какъ перемѣна исповѣданія для него не дѣло убѣжденія и не исканіе духовнаго идеала, а матеріальная выгода. ¹⁾“.—„Да, трудно вамъ здѣсь, сказалъ я вслухъ; но за то какое великое и по истинѣ святое дѣло совершаете вы! Какъ благодарна вамъ Россія, и какъ безъ сомнѣнія будутъ благодарны питомцы ваши! — Это-то, по преимуществу и миритъ насъ съ здѣшней жизнію сказала учительница, и удерживаетъ и нѣкоторыя изъ насъ, знаете-ли? служатъ въ Бейтъ-Джалъской школѣ лѣтъ по 9 и по 10“. Разговоръ нашъ, однако, долженъ былъ прекратиться. Появившійся кавасъ Марко сообщилъ, что извозчики наши высказываютъ крайнее неудовольствіе на то, что мы очень долго задерживаемся здѣсь и требуютъ или увеличить плату (экипажи наняты были за 16 франковъ или 6 руб. каждый), или же ѣхать немедленно въ Іерусалимъ. Мы избрали послѣднее, и распростившись съ соотечественницами, направились къ экипа-

¹⁾ Случаи ренегатства среди арабовъ Палестины не рѣдкость: въ 1884 году, напр., обиженные греками православные жители селенія Бейтъ-Джалы, въ числѣ около 1000 человѣкъ, обратились было въ унию, и только когда греки, спохватившись, удовлетворили ихъ просьбѣ, они отвергли главенство папы и снова перешли въ православіе.

жамъ. Воспитанницы горячо благодарили гимназистовъ за доставленное удовольствіе и устроили имъ самые сердечные проводы; ихъ бѣлые платки долго—долго медькали въ окнахъ и на террасѣ русскаго дома—школы, медькали, пока видны были наши быстро удалявшіеся экипажи.—Въ 3 часа дня мы были уже на Подворьѣ, и отдохнувъ немного, съ тѣмъ же кавасомъ Марко (въ $4\frac{1}{2}$ ч.) отправились къ Яффскимъ воротамъ, гдѣ заходили въ 2 или 3 магазина, и затѣмъ по Давидовой улицѣ направились къ такъ называемой „*стѣнѣ плача евреевъ*“. Стѣна эта находится въ концѣ еврейскаго квартала внутри Священнаго города и составляетъ наружную часть западной ограды двора мечети Омара. Какъ остатокъ стѣны, принадлежавшей нѣкогда къ Соломонову храму, стѣна эта представляетъ для евреевъ величайшую святыню и служитъ для нихъ предметомъ глубочайшаго почитанія.—Послѣ разрушенія Іерусалима и въ немъ храма Іеговы при римскихъ императорахъ Неронѣ (въ 71 г. по Р. X.) и Адрианѣ (въ 362 г.) евреи, какъ извѣстно, до построенія Омаровой мечети приходили плакать объ утратѣ своего свящ. города и храма на самое мѣсто ветхозавѣтнаго храма, но со времени построенія мечети имъ дозволено было плакать только у стѣны ограды двора этой мечети, съ внѣшней ея стороны. Нижняя часть этой стѣны несомнѣнно существуетъ со времени Соломона, такъ какъ камни ея по размѣрамъ и работѣ рѣзко отличаются отъ остальныхъ частей ограды (Камни эти превосходной обтески, длиною отъ 3 до $4\frac{1}{2}$ аршинъ, съ выпусками). Предъ стѣною имѣется небольшая узкая площадка 14 саж. въ длину и отъ $2\frac{1}{2}$ до 3—въ ширину. Сюда-то каждую пятницу и собираются евреи, чтобы плакать объ утратѣ Сіона и молиться о возвращеніи Іерусалима народу израильскому. Собравшись у стѣны, они общимъ хоромъ поютъ 78-й псаломъ, который такъ дорогъ ихъ сердцу: „Боже, язычники пришли въ наслѣдіе Твое, осквернили святой храмъ Твой, Іерусалимъ превратили въ развалины.... Пролей гнѣвъ Твой на народы, которые не знаютъ Тебя, и на царства, которые имени Твоего не призываютъ“ (ст. 1—6). Читаютъ также на распѣвъ и трогательныя священныя пѣсни, изъ которыхъ одні, напримѣръ, начинаются (раввиномъ) слѣдующими словами:

О чертогахъ, которые разорены,
О храмъ, который разрушенъ,
О стѣнахъ, которыя срыты,
О нашемъ величій, которое миновалось,
О нашихъ великихъ людяхъ, которые погибли,
О драгоценныхъ предметахъ, которые сгорѣли,
О нашихъ священникахъ, которые умерли,
О нашихъ царяхъ, которые ихъ презирали,

а народъ на каждый стихъ отвѣчаетъ: „мы сидимъ здѣсь и плачемъ“. Или:

Раввинъ. Умоляемъ Тебя, возымѣй жалость къ Сіону!

Народъ. Собери дѣтей Іерусалима!

Равв. Спѣши, спѣши Спаситель Сіона!

Нар. Изреки слово въ пользу Іерусалима!

Равв. Красота и величіе да окружають Сіонъ!

Нар. Обрати милосердіе око на Іерусалимъ!

Равв. Да возстановится скоро царское владычество въ Сіонъ!

Нар. Утѣшь плачущихъ о Іерусалимъ!

Равв. Миръ и благоденствіе да водворятся въ Сіонъ!

Нар. И жезлъ могущества да воздвигнется въ Іерусалимъ!

— Свернувъ съ шумной базарной улицы въ еврейскій кварталъ, мы сразу же очутились среди убогихъ строеній въ очень узкомъ переулкѣ. Особого оживленія здѣсь не наблюдалось: встрѣчались изрѣдка еврейскія женщины, шедшія, вѣроятно, отъ стѣны плача, да нѣсколько нищихъ и убогихъ сидѣло тутъ и тамъ, прося милостыни у проходящихъ. Но вотъ мы и у цѣли нашего путешествія. Предъ нами—очень высокая, солидная стѣна, нижнюю часть которой составляютъ громадныя обтесанныя камни, поставленные другъ надъ другомъ рядами. Женщины (по преимуществу) и мужчины въ праздничныхъ одеждахъ, въ разнообразныхъ молитвенныхъ позахъ, сплошною живою каймой прильнули къ стѣнѣ, что-то громко читая по книгамъ и плача (плачъ нѣкоторыхъ казался мнѣ искусственнымъ); въ 2 или 3 мѣстахъ горѣли свѣтильники; ближе къ намъ, позади молящихся, раввинъ въ полосатой одеждѣ что-то читалъ изъ книги закона, а среди присутствовавшихъ (не молившихся у стѣны) ходили, собирая деньги два еврея; они, сверхъ ожиданія, подходили и къ намъ. Въ воздухѣ слышался какой-то гулъ и завываніе.—Нѣсколько минутъ простояли мы, молча наблюдая сцену плача у стѣны и молча же направились обратно, скорбя въ душѣ объ ослѣпленіи сыновъ Израиля, которые и доселѣ не могутъ примириться съ мыслию, что ожидаемый ими обѣтованный Богомъ Мессія давно пришелъ и что тщетна поэтому вѣра ихъ въ наступленіи дня, когда возстанетъ Сіонъ и достигнетъ своего полного величія.

На завтра назначена поѣздка къ Іордану.—Прежде и сравнительно очень недавно, не далѣе даже 1½ года тому назадъ, путешествіе къ Іордану сопряжено было съ немалыми трудностями и опасностями. Пролегающая среди дикихъ горъ и ущелій іорданская дорога или вѣрнѣе—караванная тропа совсѣмъ была недоступна для экипажной ѣзды и приходилось совершать путь къ Іордану если не пѣшкомъ, то верхомъ на лошади или ослѣ, при чемъ 35 верстное разстояніе (отъ Іерусалима до Іерихона) совершалось въ теченіи нѣсколькихъ дней. Но со времени пребыванія, въ прошломъ году, въ Палестинѣ Германской Императорской Четы, все это измѣнилось до неузнаваемости. Въ ожиданіи именитыхъ путешественниковъ услужливое турецкое правительство въ предположеніи, что христіанскіе Императоръ и Императрица посѣтятъ священную рѣку Іорданъ, позаботилось объ устройствѣ туда удобной дороги, и прежній крайне неудобный и трудный караванный путь оно превратило въ покойное шоссе. Правда, христіанская Императорская чета не оправдала предположеній мусульманскаго правительства— на Іорданъ она не поѣхала, а

ограничилась лишь тѣмъ, что осматрѣла іорданскую долину съ высокихъ предгорій горы Елеонской, откуда долина эта видна, какъ на ладони; но устроенное для нея шоссе, разумеется, осталось въ неприкосновенности, и путь къ Іордану съ того времени стало возможнымъ совершать даже въ рессорныхъ покойныхъ экипажахъ. Мы избрали послѣднее. Кавасъ пошелъ нанимать извозчиковъ, а мы начали подготавливаться къ дорогѣ: приобрѣли по бѣлому зонту, чтобы во время ѣзды лучше защищать себя отъ палящихъ лучей солнца въ іорданской долинѣ, гдѣ температура всегда несравненно выше, чѣмъ въ Іерусалимѣ, — купили консервовъ и хлѣба, а нѣкоторые и немного вина, чтобы утолять жажду во время пути. Послѣ того я лично ходилъ въ зданіе миссіи, гдѣ посѣтилъ одного старца — паломника іерея, который незадолго предъ тѣмъ, какъ я узналъ, былъ на Іорданѣ; побывалъ затѣмъ и у знакомаго іеромонаха миссіи, у котораго взялъ требникъ для совершенія водосвятія на Іорданѣ. Сообщая о своей поѣздкѣ къ священ. рѣкѣ, старецъ іерей немало говорилъ мнѣ о цѣлебныхъ свойствахъ водъ Мертваго моря, испытанныхъ имъ на себѣ: послѣ 30 минутъ пребыванія въ водахъ этого моря онъ, по его словамъ, совершенно освободился отъ ревматизма, которымъ до того времени сильно страдалъ. — Возвратившись на Подворье, я узналъ, что экипажи кавасомъ уже наняты, только не особенно дешево — за 15 руб. каждый, а не за 10 р., какъ нанимаютъ другіе — и дороговизну эту онъ объяснилъ тѣмъ, что экипажи наняты рессорные и прочные, которые въ дорогѣ не потребуютъ починокъ или поправокъ, какъ экипажи дешевые, и лошади выговорены рысистыя и выносливыя, а не истощенныя, какія бывають у евреевъ — дешевыхъ извозчиковъ. Это объясненіе его однако неудовлетворило нѣкоторыхъ изъ сотоварищей (спутниковъ гимназистовъ) и они сами сходили и наняли извозчиковъ — одного, у котораго лошади и экипажъ оказывались не хуже нанятыхъ кавасомъ, за 12 р., а другого (еврея) за 10 р. (у послѣдняго экипажъ былъ не рессорный и лошади заморенныя). — Послѣ ужина, который бывасть здѣсь въ 7 часовъ вечера, завязавъ въ узелокъ фуфайку (на случай путешествія ночью), епитрахиль, требникъ и пузырекъ для іорданской воды, я немедленно легъ въ постель, такъ какъ завтра предполагалось выѣхать до разсвѣта.

VI. Мертвое море, Іорданъ, Іерихонъ и обитель св. Георгія.

19 іюня. Разбудили въ 3^{1/2} часа утра, а въ 4 мы уже трогались въ путь, предполагая до полудня побывать и на Мертвомъ морѣ, и на Іорданѣ. Впередѣ поѣхалъ Н. К. съ кавасомъ на козлахъ и двумя гимназистами, за нимъ — мы и еще 5 экипажей съ гимназистами же и ихъ спутниками, всего 7 экипажей. — Среди мертвой тишины во мракѣ ночи проѣхали мы мимо сѣверныхъ стѣнъ Іерусалима къ потоку Кедронскому, обогнули Елеонскую гору и ея пригорье и миновавъ Виданію, скоро при скрипѣ тормазовъ стали спускаться по изогнутой змѣевидно дорогѣ въ глубокое ущелье. Свѣтало и на столько быстро, что, когда спустились въ ущелье, можно было видѣть ясно не только

каменный, замѣтно, пустовавшій ханъ (гостинницу), вблизи котораго остановились наши экипажи, но и поодаль—остроконечную небольшую каменную арку надъ источникомъ воды, у которой два бедуина сонливо поили караваны осликовъ. Кавасъ торжественно объявилъ, что источникъ этотъ—«сколодезь св. апостоловъ». Однако, несомѣнно, не одни св. апостолы, но и Самъ Спаситель міра съ ними неоднократно отдыхалъ у этого источника и прохладялся его струями. Въ виду послѣдняго многіе изъ гимназистовъ направились было къ св. источнику; но услыхавъ отъ каваса, что тамъ ничего особеннаго нѣтъ, а въ водоемѣ есть пьявки и потому опасно пить воду, вернулись обратно.—Дорога отсюда идетъ вдоль дикой безлюдной долины. Быстро движутся наши экипажи по прекрасному шоссе, перебѣгая по мостамъ то на ту, то на другую сторону. Кругомъ виды однообразно скучные и безотрадныя. Отлогости горъ лишены всякой зелени,—рука земледѣльца, замѣтно, совсѣмъ не касалась дикой неблагодарной почвы; не видно совсѣмъ ни жилья, ни одинокаго деревца, ни пасущагося скота. Вотъ повстрѣчался смѣшанный караванъ осликовъ и верблюдовъ, навьюченныхъ какою-то тяжестью, и миновавъ его, мы скоро настигаемъ новый такой же, возвращающійся безъ сомнѣнія изъ Іерусалима. Вотъ неподалеку отъ одного изъ отвершіхъ горъ на небольшой доброй лошади, въ чалмѣ и балахонѣ, съ винтовкой за плечами быстро пронесся мимо насъ шейхъ какого-то бедуинскаго племени. У отвершія онъ остановился, пропустилъ всѣ наши экипажи и тихимъ шагомъ поѣхалъ позади; но вотъ онъ снова пронесся мимо и скрылся впереди. Это—попечительная заботливость о нашей безопасности іерусалимскаго консула, давшаго намъ охрану въ лицѣ этого шейха ¹⁾.—Дорога, однако, начинаетъ подниматься въ гору, и мы скоро останавливаемся у новаго обширнаго хана—„гостинницы добраго Самарянина“, который представляетъ собою продолговатое невысокое каменное зданіе, съ обширнымъ дворомъ. Во входной комнатѣ (въ родѣ нашихъ сѣней) временный ли или постоянный обитатель его хлопотливо суетился около разведеннаго очага, приготовляя для желающихъ кофе и чай; во второй сосѣдней комнатѣ (направо) нѣсколько столовъ и скамеекъ съ плетеными низенькими табуретами готовы были служить всякому, пожелавшему здѣсь потрапезовать или попить кофе; только дворъ, обнесенный высокою стѣной безъ навѣсовъ, не проявлялъ подобной привѣтливости.—Выпивъ по чашкѣ кофе, мы оставили гостепріимный ханъ съ негостепріимною глухою мѣстностью,

¹⁾ Паломники и туристы, посѣщающіе приордапскую страну, почти тотчасъ же за стѣнами Іерусалима лишаются охраны турецкихъ властей и законовъ; они становятся «собственностью» дерзко отважныхъ арабскихъ племенъ бедуиновъ, фиктивно замиренныхъ и миролюбивыхъ. Эти вольныя дѣти пустыни безцеремонно останавливаютъ одинокихъ странниковъ и даже отставшихъ отъ каравана паломниковъ и хотя рѣдко убиваютъ, но всегда грабятъ. И вотъ, сознавая всю трудность борьбы съ кочевыми наѣздниками, быстро скрывающимися въ неприступныя горы, турецкое правительство, чтобы гарантировать безопасность паломниковъ, вошло съ ними въ компромиссъ чрезъ замиренныхъ шейховъ ближайшихъ арабскихъ деревень. За извѣстную плату, эти послѣдніе (шейхи) даютъ паломникамъ въ проводники одного изъ своихъ сыновей, одного присутствія которыхъ бываетъ вполне достаточно для ихъ вполне безопаснаго путешествія.

извѣстною подѣ именемъ Адомимъ, т. е. „кровавою“, по причинѣ часто происходившихъ здѣсь разбоевъ, что и дало поводъ Спасителю міра къ притчѣ о впадшемъ въ разбойники. Теперь дорога идетъ по верхнимъ скатамъ горъ, причудливо извиваясь среди ущелій и стремнинъ. Однако нашъ запоздавшій случайно возница—арабъ или „Черный“, какъ онъ самъ себя величаетъ, полнымъ карьеромъ несется по этой дорогѣ, во что бы то ни стало стараясь догнать уѣхавшихъ впередъ сотоварищей; но это ему не скоро удастся. То встрѣчающійся караванъ верблюдовъ, робѣя предъ быстро несущейся тройкою, глупо сучивается посреди дороги и экипажъ останавливается, пока оробѣвшіе великаны не успокоятся и не пройдутъ мимо. То выступившая надъ глубокой стремниной при крутомъ поворотѣ фигура бедуина съ распростертыми руками умоляюще проситъ остановить лошадей, и мы снова стоимъ, пока новый караванъ великановъ не продефилируетъ мимо насъ. Наконецъ-то между вершинами горъ то появляясь, то исчезая показались покинувшіе насъ сотоварищи. Мѣстность здѣсь положительно дикая и не безопасная; однако, разнообразныя сочетанія и очертанія вершинъ, ущелій, обрывовъ и стремнинъ сообщаютъ и этой дикой мѣстности своеобразную прелесть и красоту. Вотъhalb неподалеку отъ дороги открылась бездонная отвѣсная пропасть, куда, кажется, по пословицѣ, „и воронъ костей не заноситъ“, а между тѣмъ, посреди 20 или 30 сажennaго отвѣса ея, вы замѣчаете что-то похожее на тропу и затѣмъ, ниже тропы, видите даже дверь и окно... Что это за жилище? что за тропа? живетъ ли и кто живетъ тамъ? вопросъ за вопросомъ возникали у насъ, оставаясь совсѣмъ безъ отвѣта: кавасъ ѣдетъ попрежнему впереди, а „Черный“ только улыбается на всѣ наши разспросы, оскаливъ свои бѣлые зубы. Направо, однако, между горъ блеснула синева Мертваго моря; вершины начали разступаться совсѣмъ и взору открылась неприглядная сѣровая ширь Иорданской долины, замкнутая цѣлью высокихъ Моавитскихъ горъ. По восточной сторонѣ ея прихотливо извивается узкая желто-зеленая полоса береговъ священной рѣки, которая къ сѣверу теряется въ безпредѣльной туманной дымкѣ; ближе лѣвѣе привѣтливо смотритъ зеленѣющій оазисъ древняго Іерихона; а направо сдавленная горами залегла неподвижная гладь какъ бы застывшаго Мертваго моря. Заскрипѣли тормазы экипажей и минутъ черезъ 10—15 мы уже были въ глубокой іорданской долинѣ.—Иорданская долина—самая значительная въ Палестинѣ. Въ Библии она преимущественно называется га-Араби (т. е. равнина), а нынѣ ее называютъ Эль-Хоръ. Она простирается между двумя кряжами горъ съ Тиверіадскаго озера до Мертваго моря, гдѣ имѣетъ до 2 миль ширины. Эта часть ея называется въ Библии Іерихонскою долиною; послѣдняя мало воздѣлана и служитъ пастбищемъ для стадъ бедуиновъ. „Долина эта, говоритъ Шатобріанъ, представляетъ почву подобную дну моря, давно оставившаго свое ложе: пласты соли, изсохшія котловины, движущіеся, какъ бы изрытые волнами пески. Тамъ и сямъ топче кустарники жалко прозябаютъ на этой землѣ, лишенной жизни: листья покрыты солю; ихъ питавшая, а кора имѣетъ вкусъ и запахъ дыма“. И дѣйствительно, не совсѣмъ ровная съ слѣдами обработки кочковатая поверхность равнины, по ко-

торой слѣдовали теперь наши экипажи, направляясь къ Мертвому морю, глядѣла какую-то унылою безжизненною, наводящею грусть. Десятиверстное разстояніе до моря (отъ поворота съ іерихонскаго шоссе), благодаря примитивней едва замѣтной песчаной дорогѣ, сокращается убійственно медленно. Направо по откосу хребта видны какія то развалины, а лѣвѣе все яснѣе и яснѣе начинаетъ выступать монастырь св. Герасима, гдѣ обыкновенно паломники оставляютъ своихъ лошадей и откуда затѣмъ пѣшкомъ идутъ къ непривѣтливому Мертвому морю. Но мы рѣшили ѣхать въ экипажахъ до самаго моря, а потому и оставили этотъ монастырь въ сторонѣ, хотя „Черный“ и дѣлалъ было попытку заѣхать туда. — Непослѣдку отъ Мертваго моря безжизненная, пропитанная солью равнина, значительно понижается двумя холмистыми уступами бѣлесоватаго оттѣнка. Дорога здѣсь совсѣмъ невозможная; мы выходимъ изъ экипажей, которые и безъ сѣдоковъ неестественно изгибаясь едва пробираются по крутымъ песчанымъ уступамъ и рытвинамъ. Теперь кое-гдѣ направо по влажнымъ мѣстамъ видны мхи и даже какая-то невысокая зеленая растительность на подобіе нашей болотной осоки, а прямо вплоть до моря лежатъ безжизненные пески. — Было около 8 часовъ утра; на небѣ ни облачка; легкій вѣтерокъ со стороны моря мало доставлялъ прохлады при начинавшихъ жечь лучахъ южнаго солнца. — По рассказамъ нѣкоторыхъ паломниковъ и туристов, Мертвое море при приближеніи къ нему даетъ о себѣ знать какими-то непріятными атмосферическими вліяніями; но намъ не пришлось этого наблюдать и быть можетъ потому, что приближаясь къ Мертвому морю, мы противъ воли лишены были всякой возможности дѣлать какія-бы то ни было наблюденія. Нашъ „Черный“, соскучившись, вѣроятно, ѣхать долгое время позади всѣхъ, надумалъ перегнать отставшую тройку, та не захотѣла уступить, и вотъ начался бѣшеный галопъ нашихъ экипажей по направленію къ близъ находившемуся морю. Ни крики, ни угрозы, ни брань, ни просьбы, — ничто не помогало. Бѣшенымъ галопомъ подлѣтили мы къ отлогому низкому берегу Мертваго моря и круто повернувъ, моментально остановились шагахъ въ 5 отъ его поверхности.

Мертвое море находится въ юго-восточной части Палестины и лежитъ на 184 саж. ниже уровня Средиземнаго моря, будучи сжато между двумя кряжами высокихъ горъ Аммонитскихъ и Моавитскихъ на востокѣ и іудейскихъ на западѣ. Имѣя эллиптическую весьма удлинненную фигуру, оно простирается отъ ССВ на ЮЮЗ на 71 версту въ длину, наибольшая же ширина его не превосходитъ $16\frac{1}{3}$ верстъ. На сѣверѣ къ морю примыкаетъ широкая долина Гордана, а на югѣ — широкая болотистая равнина Себка. Полуостровомъ Лизаномъ, относительно низкимъ и лишеннымъ всякой растительности, который узкою полоскою далеко выступаетъ въ море съ восточнаго берега, это послѣднее дѣлится на 2 неравныя части, изъ которыхъ сѣверная приблизительно вчетверо болѣе южной. Въ послѣдней глубина моря не велика — не превышаетъ $2\frac{1}{5}$ сажени, тогда какъ въ сѣверной части она достигаетъ до 164 сажени. — Въ Библии Мертвое море имѣетъ различныя названія: называется оно иногда — „восточнымъ моремъ“ въ противоположность Средиземному, западному, иногда „моремъ пустыни“

или „равнины“, по глубокой пустынной долине, въ которой находится; иногда же моремъ „соли“ или „соленымъ“, по обилію соли въ его водахъ. Соли дѣйствительно такъ много въ водахъ Мертваго моря, что солоностію своею она далеко превосходитъ солоность водъ Средиземнаго моря и океана; отсюда и плотность ея, по изслѣдованіямъ ученыхъ г.г. Виня и Лярте, на различной глубинѣ колеблется между 1160 и 1230 (тогда какъ плотность океана не превышаетъ 1027); иначе говоря, въ 4-хъ частяхъ воды Мертваго моря всегда одну часть составляютъ соли.—Въ прирѣзѣхъ насыщая воды Мертваго моря, соль обильно пропитываетъ собою и прилежающія къ нему окрестности. Берега его на далекое пространство сплошь покрыты сплывшимъ налетомъ и самое дно покрыто кристаллами соли и синимъ иломъ. Около же юго-западной оконечности моря вдоль берега возвышается весьма значительная сплошная залежь соли, извѣстная подъ именемъ горы Содомъ или горы Соли. У древнихъ писателей,—Павзанія, напр., Галіена, св. Иустина, Евсевія и др., Мертвое море называется его настоящимъ именемъ, т. е. «Мертвымъ», безъ сомнѣнія, по отсутствію въ его водахъ всякой органической жизни. Блаж. Іеронимъ,* напр., выражаясь о Мертвомъ („горчайшемъ“) морѣ, что въ немъ не можетъ существовать ничто живое, замѣчаетъ, „что рыбы, увлекаемыя въ это море теченіемъ Іордана, тотчасъ же погибають и всплывають на его поверхность“. Тоже говорятъ и новѣйшіе изслѣдователи Мертваго моря. Такъ, лейт. Линчъ, въ теченіи 22 дней бороздившій это море въ всѣхъ его направленіяхъ, въ своемъ официальномъ отчетѣ заявляетъ, что за все время его плаванія по Мертвому морю онъ не видѣлъ въ немъ ничего живаго и что по возвращеніи въ Америку, разсматривая въ самый сильный микроскопъ его воду, не открылъ въ немъ ни малѣйшаго слѣда живаго существа. Съ другой стороны г. Винъ (1865 г.) сообщаетъ, что рыбы и раковины притоковъ Мертваго моря умирають немедленно въ водѣ этого послѣдняго и всѣ усилія его найти живыхъ существъ въ самомъ морѣ остались безъ результата. „Въ извѣстномъ районѣ, говоритъ онъ, около устья, тамъ гдѣ солоность воды смягчена притоками, видны рыбы и раковины; онѣ умирають тотчасъ же, какъ только пересекають ихъ въ болѣе соленую воду“¹⁾.—Причина мертвенности или безжизненности Мертваго моря заключается, по словамъ ученыхъ и естествоиспытателей, въ громадномъ количествѣ соляныхъ частей, содержащихся его водами, въ ихъ чрезмѣрной солоности (г. Лярте). По свидѣтельству путешественника г. Коптева (1887 г.), опускавшаго ариометръ Боме въ воды этого моря, воды Мертваго моря содержатъ въ себѣ насыщенія соли 21⁰/о, а такъ какъ, по его замѣчанію, кристаллизація соли изъ солянаго раствора начинается при 25⁰/о, то оказывается, что недостаетъ всего 4⁰/о, чтобы все Мертвое море обратилось въ сплошную соленую

¹⁾ Сопровождавшій лейтен. Линча докторъ Андерсенъ наблюдалъ при впаденіи рѣкъ въ Мертвое море слѣдующее любопытное явленіе. Многія небольшія рыбки, по его словамъ, спускались иногда къ Мертвому морю, но за 3 или 4 фута отъ устья онѣ быстро новорачивали назадъ и если ихъ пугали, чтобы заставить войти въ Мертвое море, то онѣ выскакивали изъ воды.

массу¹⁾.—Селеній или какихъ либо постоянныхъ жилищъ у самаго моря не находится совсѣмъ и относительно вліянія Мертваго моря на здоровье людей, которые вынуждены бываютъ обитать у его береговъ или на его поверхности болѣе или менѣе продолжительное время, на основаніи наблюденій надъ здоровьемъ членовъ ученыхъ экспедицій, бывшихъ здѣсь въ половинѣ сего (XIX) столѣтія, можно сказать слѣдующее. Въ 1835 году Ирландецъ Костиганъ, пробывши на этомъ морѣ съ научною цѣлю 5 дней, заболѣлъ и вскорѣ умеръ; та же участь постигла и Молине въ 1847 году, плававшего по морю съ научною же цѣлю въ теченіи 3-хъ дней, равно какъ и доктора Даля изъ экспедиціи Линча. Самъ г. Линчъ въ своемъ отчетѣ вотъ что писалъ по этому поводу. Въ теченіи „двѣнадцати дней плаванія по Мертвому морю всѣ мы, за исключеніемъ одного, пользовались наилучшимъ здоровьемъ; но теперь появились симптомы, внушившіе мнѣ беспокойство. Всѣ мы стали похожи на страдающихъ водяною; худые пополнѣли, а полные стали толстяками; блѣдныя лица покрылись румянцами, а бывшіе румяными побагровѣли. Наконецъ, малѣйшая царапина переходила въ нагноеніе и по тѣлу многихъ изъ насъ показались небольшія пустулы. Всѣ сильно жаловались на боль, производимую ѣдкою морскою водою, когда она прикасалась къ обнаженнымъ частямъ“. Но причина смерти Костигана, Молине и Даля, равно какъ и болѣзнь членовъ экспедиціи Линча, нужно замѣтить, зависѣла главнымъ образомъ отъ неудачнаго выбора времени года для плаванія по водамъ Мертваго моря—конецъ апрѣля и сентябрь, когда здѣсь бываютъ изнурительныя жары,—а не въ ядовитости морской атмосферы. Герцогъ де-Люинъ со своими спутниками въ 1864 году провелъ на Мертвомъ морѣ 21 день и 21 ночь, не покидая лодки, и однако за все это время ни онъ, ни его спутники не чувствовали ни малѣйшаго разстройства здоровья и это потому, что находились здѣсь съ 15 марта и по 5-е апрѣля, т. е. до начала сильныхъ жаровъ. По словамъ Виня, спутника герцога, за все время пребыванія ихъ на морѣ температура ни разу не превышала 30° и достигала этой точки только 2 раза. Есть поэтому не мало людей, которые даже вѣрятъ въ цѣлебныя свойства водъ Мертваго моря. Докторъ Лярте, напр., путешествовавшій по Палестинѣ и Сиріи въ 1880—1882 г.г., предрекаетъ Мертвому морю, какъ бальнеологической станціи, громадную будущность.—Относительно происхожденія или образованія Мертваго моря категорическаго отвѣта мы не находимъ ни въ Библии, ни въ преданіяхъ восточныхъ народовъ, хотя Мертвое море въ его настоящемъ видѣ образовалось, по свидѣтельству Библии, въ историческія времена (Быт. XIV, 1—3). Научное же (гипотетическое) мнѣніе на этотъ счетъ въ настоящее время такое. Мертвое море существовало (будто-бы) еще во времена доисторическія, за много вѣковъ до появленія человѣка на землѣ, и существовало въ гораздо большихъ, чѣмъ нынѣ, размѣрахъ, покрывая своими водами большую часть

¹⁾ У Іосифа Флавія, Страбона, Діодора Сицилійскаго и др. Мертвое море носить еще названіе Асфальтоваго, такъ какъ въ немъ и по берегамъ его находится немало асфальта или горной смолы; а у сосѣднихъ арабовъ оно извѣстно подъ именемъ «Моря Лота» (Баръ-Эль-Луть).

долины Иордана и уади Араби. Ко времени же Авраама, подъ влияніемъ причинъ, которыя трудно опредѣлить, оно мало по малу сдвинулось съ мѣста и заключилось въ болѣе узкія границы, затѣмъ высохло или же пришло въ положеніе подземнаго озера. Бассейнъ, нынѣ имъ наполняемый, былъ тогда покрытъ мощнымъ растительнымъ слоемъ, оплодотворявшимся многочисленными каналами, проведенными изъ Иордана и другихъ притоковъ, впадающихъ нынѣ въ море, причемъ воды означенныхъ притоковъ могли расходоваться одновременно на ирригацію, испареніе и подземныя просачиванія. Когда небесный гнѣвъ, вызванный преступленіями нечестивыхъ городовъ, ниспровергъ Содомъ и Гоморру, то небесные огни, воспламенивъ многочисленные асфальтовые колодцы, разсѣянные по (Сиддимской) долинѣ, сообщили подпочвенному слою долины этой всеобщій пожаръ. Вслѣдствіе этого произошло пониженіе верхнихъ слоевъ и выступленіе вновь подземнаго моря, поглотившаго собою Иорданъ и другіе мѣстные притоки ¹⁾.—По хрящеватому берегу подошли мы къ Мертвому морю. Широкая поверхность его, слегка подернутая рябью, постепенно суживаясь, исчезала среди отвѣсныхъ голыхъ скалъ въ туманной дали; на берегу у нашихъ ногъ на аршинъ или 2 отъ воды по промытому мелкому хрящу пролегла бѣлая пѣнистая кайма осѣвшей соли; тутъ же лежала и одинокая золотистая рыбка, занесенная безъ сомнѣнія изъ Иордана и выброшенная моремъ, а подальше надъ берегомъ полуразвалившійся когда-то и кѣмъ-то поставленный изъ наплывнаго хвороста ^{*} навѣсъ довершалъ неприглядную картину. Кругомъ мертвая тишина; самый воздухъ какъ будто застылъ. Высокія темно-коричневые обнаженные скалы и горы на правомъ и лѣвомъ берегу, отсутствіе растительности и всего, что носитъ признакъ близкаго жилища, производили мертвую картину и море какъ нельзя больше оправдывало свое названіе, служа съ окружающею мѣстностію вѣчнымъ укоризненнымъ памятникомъ праведнаго гнѣва Божія, карающаго нечестіе.—Наши сотоварищи, нѣсколько раньше насъ прибывшіе, разсматривали уже какіе-то черные камешки, бывшіе на берегу. Кавасъ направился вдоль берега, чтобы спугнуть стаю гусей, замѣченныхъ имъ на поверхности моря, а мы съ недоумѣніемъ продолжали глядѣть въ его прозрачныя чистыя воды. Не вѣрилось какъ-то, глядя на нихъ, чтобы эти прозрачныя чистыя воды были какою-то особенною водою, подобной которымъ будто бы нѣтъ и на всемъ земномъ шарѣ.—Такъ какъ вода Мертваго моря, какъ мы знали изъ описаній, весьма ѣдкаго, соленого вкуса, чрезвычайно раздражительно дѣйствуетъ на слизистыя оболочки и царапины тѣла, а послѣ купанья оставляетъ противное маслянистое вещество, которое раздражаетъ кожу и нерѣдко производитъ сыпи и даже нарывы, то только 3 или 4 насъ рѣшились выкупаться въ водахъ этого моря, чтобы, такъ сказать, на своемъ тѣлѣ испытать ихъ необычайныя дѣйствія: къ этому насъ располагала и довольно высокая температура воды и ея цѣлебныя свойства для людей, страдающихъ ревматизмомъ.

¹⁾ Подробнѣе о Мертвомъ морѣ см. нашъ очеркъ «Иорданъ и Мертвое море», Петрозаводскъ 1900 г. стр. 8—15.

Купанье оказалось прекраснымъ, и въ немъ не приходилось раскаяваться ни теперь, ни послѣ. Съ удовольствіемъ пробыли мы въ морѣ минутъ 10, если не больше; отъ берега далеко, правда, не отходили, но и здѣсь могли убѣдиться въ томъ, что въ дѣйствительности вода Мертваго моря не такъ ядовита, какъ о ней пишутъ (быть можетъ, это зависѣло и отъ того, что мы находились неособенно далеко отъ впаденія Іордана въ Мертвое море); по крайней мѣрѣ, на наши организмы она не оказала никакого вреднаго или непріятно раздражающаго дѣйствія. Правда, по выходѣ изъ воды на тѣлѣ дѣйствительно ощущалась на короткое время непріятная маслянистая влага, но опять таки безъ всякихъ какихъ бы то ни было вредныхъ послѣдствій потомъ.—Мы были еще въ водѣ, когда послышался слабый выстрѣлъ изъ револьвера: съ моря поднялась небольшая стая черноватыхъ гусей, которые, не издавая крика, безъ шума пролетѣли почти надъ нами, направляясь къ Іордану. Туда же поторопился, не ожидая насъ, уѣхать и наши сотоварищи съ возвратившимся кавасомъ, и нашему экипажу пришлось снова догонять ихъ.—Дорога отсюда къ Іордану, гдѣ обыкновенно останавливаются паломники, идетъ на сѣверо-востокъ по низменному песчано-солончаковому грунту; направо залегъ почти сплошной невысокій кустарникъ сѣроватаго цвѣта; налѣво—сыпучіе пески, а прямо вдали виднѣлись причудливыя очертанія невысокихъ холмистыхъ уступовъ іорданской долины. Кругомъ полное отсутствіе жизни, и смотря на эту омертвѣлую мѣстность, намъ какъ-то невольно припоминались слова Библии, что послѣдующіе роды, сыны сыновъ, чужеземецъ изъ страны далекой, увидѣвъ поражены будутъ запустѣніемъ этихъ отверженныхъ мѣстъ, гдѣ одинъ жупель и соль, гдѣ почіетъ гнѣвъ Божій въ поученіе для неисполняющихъ предписаній закона Его (Втор. 29, 22—29).—

По мѣрѣ приближенія къ благословенной Богомъ рѣкѣ, мѣстность начинаетъ понемногу оживляться; правѣе яснѣе и яснѣе выступаетъ зеленѣющая полоса, кустарникъ дѣлается рослѣе и круто повернувъ мимо кѣмъ-то брошенныхъ потухшихъ костровъ, мы сразу же очутились на чудномъ тѣнистомъ берегу широкой рѣки. Дѣлая излучину, священный Іорданъ привѣтливо катилъ намъ на встрѣчу свои мутныя желто-бурыя воды; развѣсистые, густо-поросшіе красивые тамариски и олеандры съ густыми высокими тростниками на этомъ берегу, а на противоположномъ—переплетшіеся между собою стройные высокіе тополя и акации, обвитые ползучими растеніями, освѣняя воды, ласкали взоръ, разливая вокругъ пріятную прохладу. Легкій шелестъ листьевъ деревьевъ и тростника, бурливый говоръ водъ, бальзамическій аромат при свѣжести воздуха отрадно дѣйствовали на душу; а воспоминанія о священныхъ событіяхъ, происходившихъ когда-то здѣсь, умиляли и трогали сердце. Здѣсь нѣкогда при видѣ свящ. ковчега завѣта Господня, Іорданъ *возвратися вспять*—и народъ израильскій подъ предводительствомъ Іисуса Навина перешелъ чрезъ рѣку по сушѣ (Нав. 3, 16 и 27); здѣсь разступался Іорданъ, давая путь величайшимъ ветхозавѣтнымъ праведникамъ, пророкамъ Іліи и Елисею (IV Царств. 2, 4—15); здѣсь гласъ вопіющаго

въ пустынь—Предтеча Христовъ Іоаннъ взывалъ, обращаясь къ іудеямъ: „покайтесь, ибо приблизилось царство небесное“, и приходящихъ къ нему изъ Іудеи и Самаріи крестилъ крещеніемъ покаянія, да въ Грядущаго по немъ вѣруютъ: здѣсь Самъ Спаситель міра благоволилъ поклонить главу Свою подъ руку Предтечеву нашего ради спасенія, при чемъ Отецъ небесный свидѣлствовалъ о Немъ, какъ о Сынѣ Своемъ возлюбленномъ, а Духъ Св. въ видѣ голубя сошелъ изъ разверзшихся небесъ и почилъ на Немъ. Потому-то съ давнихъ поръ послѣдователи Христа больные и здоровые стекались и стекаются сюда, чтобы облекшись въ погребальный саванъ или безъ него, омыться во священныхъ водахъ Іордана.—Полный священныхъ воспоминаній прошелъ я мимо экипажей въ чашу тамарисковъ и въ уединеніи на берегу рѣки совершилъ малое освященіе воды; наполнилъ затѣмъ іорданскою водою принесенный пузырекъ и присоединился къ сотоварищамъ, уже купавшимся въ священныхъ водахъ. Въ чашѣ высокаго тростника, держась за вѣтви олеандра, спустился я съ обрывистаго песчано-глинистаго берега въ прохладныя воды и не выпуская вѣтви изъ рукъ (я стоялъ на корняхъ олеандра, не доставая дна), троекратно до двухъ разъ погрузился въ нихъ. Плавать подобно немногимъ другимъ я не рѣшался, да и не расположенъ былъ, и признаюсь не потому, чтобы быстрое теченіе ¹⁾ и глубина рѣки пугали меня, -- нѣтъ; но я считалъ для себя слишкомъ достаточнымъ и того одного, что Господь сподобилъ погрузиться въ тѣ воды, въ которыя за насъ и для насъ благоволилъ нѣкогда погрузиться и Самъ Воплотившійся Сынъ Божій Спаситель міра. Сознаюсь откровенно, что мнѣ слишкомъ не нравилась легкомысленность или вѣрнѣе забывчивость нашего „Чернаго“, который во время купанья дурачился, гоготалъ, кривлялся, и пугая нырялъ подъ другихъ. Всею свое время и мѣсто.—Наши сотоварищи снова торопливо уѣхали, не дождавшись нашего экипажа, спѣша до полуденной жары попасть въ Іерихонтъ; и пока нашъ „Черный“ убирается и готовитъ лошадей, съ открытой площадки берега, гдѣ обыкновенно располагаются паломники, а 6 января устанавливается походная церковь и совершается литургія, я продолжалъ смотрѣть на многоводный живописный Іорданъ.—Іорданъ—единственная рѣка Палестины, которая заслуживаетъ это названіе. Образуюсь въ верховьяхъ изъ сліянія трехъ рѣчекъ Гасбони, Дана и Баниаса, Іорданъ течетъ сначала чрезъ небольшое озеро Эльгули, называемое въ Библии водами Мерома (высоты),—по выходѣ изъ котораго протекаетъ по плодороднымъ нѣкогда долинамъ Галилеи, направляясь къ югу, и впадаетъ въ Тиверіадское или Генисаретское озеро, которое такъ часто упоминается въ Евангеліи. Выйдя отсюда, Іорданъ продолжаетъ свое теченіе къ югу по долинѣ Эль-Хоръ сначала ближе къ западнымъ, а потомъ къ восточнымъ возвышенностямъ, окаймляющимъ долину, и впадаетъ наконецъ въ Мертвое море, гдѣ и находитъ для себя могилу. Ширина рѣки на всемъ протяженіи не превышаетъ 70—80 шаговъ, а глубина—отъ 10 до 12 футовъ. Теченіе его чрезвычайно быстро, и бы-

¹⁾ Самый искусный пловецъ, по словамъ проф. А. Олесницкаго, выплываетъ на противоположный берегъ на 80 футовъ ниже вхожденія въ рѣку.

строта эта обуславливается сравнительно крутымъ скатомъ долины, по которой протекаетъ Иорданъ. Возвышаясь у верхняго истока Гасбени на 260 саж. надъ уровнемъ Средиземнаго моря, долина эта при устьѣ рѣки (у Мертваго моря) становится на 184 сажени ниже этого уровня, что на протяженіи 150 верстъ всего теченія Иордана составляютъ разность въ 444 саж., т. е. почти на цѣлую версту. Отъ быстроты теченія и воды Иордана мутны, желто-бураго цвѣта. Налитая въ стаканъ, вода Иордана даетъ небольшой иловатый осадокъ и становится совершенно прозрачною; несмотря на нѣкоторую солоноватость, она очень пріятна на вкусъ. Солоноватость воды Иордана и присутствіе въ ней желтоватаго ила зависятъ отъ свойствъ и состава грунта, по которому протекаетъ рѣка. По геологическимъ изслѣдованіямъ г. Лярте, въ весьма отдаленныя времена уровень Мертваго моря былъ гораздо выше настоящаго и бассейнъ его выдвигался далеко на сѣверъ, такъ что нынѣ Иорданъ, по его мнѣнію, протекаетъ на три четверти всего своего протяженія по бывшему морскому ложу, слѣдовательно, по образовавшемуся тысячелѣтіями толстому слою морскихъ отложений. Естественно, что Иорданъ, протекая, растворяетъ эти осадки, которые и примѣшиваются къ его водѣ. Отсюда, и вода Иордана, по своему химическому составу, не совсѣмъ похожа на составъ обыкновенной рѣчной воды. Анализъ ея показываетъ, что за исключеніемъ брома, она заключаетъ въ себѣ всѣ тѣ элементы, изъ какихъ состоитъ и вода Мертваго моря.—Берега Иордана на всемъ почти протяженіи осынены густо поросшими деревьями и кустарникомъ; растительность эта, однако, по словамъ проф. Олесницкаго, въ ея настоящемъ видѣ даетъ только слабое понятіе о томъ, вошедшемъ въ пословицу лѣсъ, которымъ гордилась древняя Палестина и въ которомъ тогда водилось множество львовъ и другихъ хищныхъ звѣрей...—Лошади, однако, готовы, и поднявшись на уступъ, мы быстро несемся по іерихонской дорогѣ, догоняя своихъ сотоварищей и оставляя въ сторонѣ красующіеся монастырь Іоанна Крестителя. Очень хотѣлось бы побывать въ этой св. обители, построенной, по преданію, надъ пещерою великаго пророка и предтечи Христова; но посѣщеніе ея не вошло въ маршрутъ гимназистовъ; они его миновали, миновали его съ стѣсненнымъ сердцемъ и мы. И снова предъ нами бугристая неприглядная мѣстность, пропитанная солью и селитрой и поросшая невысокимъ колючимъ кустарникомъ. Вотъ налѣво показалась чаша высокихъ кустовъ, скрывающая что-то похожее на зелень, а неподалеку отъ нея—какія-то руины съ явными слѣдами человѣческаго пребыванія; вотъ глубокое русло высохшаго потока съ богатой растительностію; нѣсколько смуглыхъ полунагихъ ребятъ выбѣгаютъ изъ ея чащи и, протянувъ руки, съ словами: „бакшишъ, бакшишъ“, бѣгутъ, не отставая, въ продолженіи нѣкотораго времени рядомъ съ нашимъ экипажемъ. Переброшенный чрезъ русло незатѣйливый деревянный мостъ полуразрушенъ и мы перѣѣзжаемъ русло, спустившись въ глубину его ложа. Показался наконецъ и зеленѣющей привѣтливый оазисъ древняго Іерихона; мы настигаемъ экипажи сотоварищей, которые

„Черный“ напрасно нѣсколько разъ пытается обогнать, поднимая густыя облака пыли. Богатый растительностію оазисъ разрастается все болѣе и болѣе и миновавъ молотившихъ что-то волами арабовъ, мы вскорѣ останавливаемся у красиваго двухэтажнаго каменнаго дома восточнаго типа, осѣненнаго купами финиковыхъ пальмъ, банановъ и кипарисовъ и съ пріятнымъ удивленіемъ читаемъ написанное по славянски на его стѣнѣ изреченіе Спасителя: „потшався слези, днесъ бо въ дому твоємъ подобаетъ Ми быти“. Мы—въ Іерихонѣ, предъ гостепріимнымъ кровомъ русскаго дома, построеннаго незабвеннымъ для Палестины и ея русскихъ паломниковъ, покойнымъ начальникомъ іерусалимской миссіи архимандритомъ Антониномъ.—Блаж. Іеронимъ слово Іерихонъ производитъ отъ еврейскаго корня, означающаго луну и запахъ, благоуханіе, потому ли, что первобытные хананеяне, населявшіе мѣстность, поклонялись лунѣ, или по великолѣпнымъ нѣкогда садамъ, бывшимъ здѣсь и распространявшимъ благоуханіе. Въ первый разъ городъ этотъ упоминается въ книгѣ Числъ (XXII, 1). Во Второзаконіи и книгѣ Паралипоменонъ онъ называется также *городомъ пальмъ* (XXXIV, 1 и 3; 2 Паралип. XXVIII, 15). Предварительно перехода чрезъ Іорданъ Іисусъ Навинъ послалъ двухъ соглядатаевъ, чтобы осмотрѣть страну и вызнать силы Іерихона. Въ это время городъ управлялся царемъ и былъ окруженъ крѣпкими стѣнами, ворота которыхъ запирались на ночь (Нав. II, 5). Домъ блудницы Рахавы, укрывшей израильскихъ соглядатаевъ, былъ прислоненъ къ городской стѣнѣ, какъ это должно заключать изъ 15 ст. II-ой главы книги І. Навина. Узнавъ объ отчаянномъ положеніи города, І. Навинъ двинулся на приступъ и послѣ шестидневной битвы стѣны Іерихона пали при трубныхъ звукахъ священниковъ и левитовъ (Нав. VI). Іисусъ срылъ городъ и предалъ проклятію того, кто его возобновитъ (VI, 28). Но городъ продолжалъ существовать и послѣ того, что въ связи съ послѣдующими событіями даетъ основаніе полагать, что проклятіе Іисуса относилось собственно къ его твердынямъ—крѣпостнымъ стѣнамъ, а не къ городу. Во времена судей подъ властью Моавитскаго царя Еглона Іерихонъ находился даже въ цвѣтущемъ состояніи (Суд. III, 12 и 13); такимъ же былъ онъ и тогда, когда Давидъ велѣлъ послать своимъ, обезчещеннымъ аммонитскимъ царемъ обрיתемъ бородъ, остаться въ Іерихонѣ, пока не отрутутъ ихъ бороды (2 Цар. X, 5; 1 Паралип., XIX, 5). Проклятіе Іисуса Навина въ первый разъ исполнилось въ царствованіе Ахава, когда „Ахиль Веониянинъ построилъ Іерихонъ“, т. е. возвелъ стѣны и городскія ворота (3 Цар. XVI, 34). Іерихонъ сдѣлался потомъ школою пророковъ, между которыми прославились Іилія и Елисей (4 Цар. II, 4, 14). По взятіи Іиліи живымъ на небо, ученикъ его Елисей нѣкоторое время пребывалъ въ этомъ городѣ и сдѣлалъ годною къ употребленію въ пищу воду протекавшаго тамъ источника (—19—22). Въ Іерихонѣ схваченъ былъ халдеями во время бѣгства царь Седекія, увезенъ въ Рибло и ослѣвленъ Навуходоносоромъ. Послѣ возвращенія израиль-
тинъ изъ плѣна вавилонскаго Іерихонъ сдѣлался замѣчательнымъ городомъ Іудеи послѣ

Іерусалима ¹⁾. Іонаѳанъ Макаввей его укрѣпилъ. Антоній отдалъ доходы съ его садовъ Клеопатрѣ. Иродъ I украсилъ его роскошными постройками и умеръ здѣсь, страдая отъ вратительною неизлечимою болѣзнію. Будучи увѣренъ, что смерть его возбудитъ большую радость подданныхъ, измученныхъ его жестокостями, онъ велѣлъ запереть въ гипподромѣ Іерихона, наиболѣе уважаемыхъ народомъ лицъ и просилъ сестру свою Саломею умертвить ихъ (заключенныхъ) въ моментъ его смерти; но Саломея не исполнила этого злодѣйскаго желанія тирана и велѣла выпустить заключенныхъ на свободу. Около Іерихона Спаситель исцѣлилъ слѣпца Вартимея, сидѣвшаго при пути (Мр. X, 46—52). Въ Іерихонѣ же малорослый мытарь Закхей, желая видѣть Спасителя, взлѣзъ на смоковницу (Лук. XIX, 1—5). Разрушенный во время осады Іерусалима Веспасіаномъ, Іерихонъ былъ вновь выстроенъ Адріаномъ. Въ немъ существовала затѣмъ епископія, подчиненная архіепископу Кесаріи Приморской. Въ 619 году Іерихонъ былъ разрушенъ Хозроемъ, а въ 637 Омаромъ ибн-эль-Хаттабомъ. Во время крестовыхъ походовъ іерихонскій епископъ былъ суффраганомъ іерусалимскаго патріарха и въ городѣ существовали три монастыря. Доходы съ іерихонскихъ садовъ были предоставляемы тогда въ пользу Гроба Господня. По уничтоженіи латинскаго королевства, Іерихонъ началъ постепенно клониться къ упадку; но тѣмъ не менѣе его роскошные сады, благодаря плодородію почвы, орошаемой источникомъ Елисея, по свидѣтельству паломниковъ, продолжали существовать довольно долго. Въ настоящее время на мѣстѣ древняго Іерихона находится жалкая бедунинская деревушка Эриха (искаженное слово Іерихонъ), которая еще сравнительно недавно состояла изъ 20—30 убогихъ жилищъ (грубыхъ лачугъ съ землянымъ потолокомъ, безъ оконъ) похожихъ скорѣе на хлѣва или логовища, чѣмъ на дома. Но въ концѣ этого вѣка, вслѣдъ за о. Антониномъ, здѣсь стали селиться нѣкоторые изъ жителей Іерусалима; греки устроили здѣсь православный небольшой, но очень красивый, храмъ, и Эриха съ своими садами съ того времени начинаютъ принимать видъ довольно красиваго селенія.

Русскій страннопримный домъ о. Антонина находится на самой окраинѣ селенія (со стороны Іордана) по сосѣдству съ двумя или тремя убогими лачугами. Построенъ онъ на мѣстѣ, гдѣ, по преданію, Господь нашъ І. Христосъ сказалъ многознаменательныя, отрадныя для грѣшниковъ, слова, обращаясь къ бывшему на деревѣ Закхею мытарю, желавшему Его видѣть: *потщався слѣзи: днесъ бо въ дому твоємъ подобаетъ Ми быти*. Домъ каменный, двухъ-этажный; входъ со двора. Наружная двойная лѣстница съ двухъ сторонъ ведетъ во второй этажъ, упираясь обоими концами въ открытую площадку предъ входною дверью. Большой залъ (въ 41 футъ длины и 18½ ширины), обставленный

¹⁾ Въ числѣ возвратившихся изъ вавилонскаго плѣна подъ предводительствомъ Зоровавеля было 345 человѣкъ, происходившихъ изъ Іерихона (1 Ездры, II, 34; 2 Ездры VII, 36); эти послѣдніе, возвратившись на родину, изъ опасенія подвергнуться послѣдствіямъ проклятія Навина, поселились, какъ полагаютъ ученые, нѣсколько южнѣе прежняго города.

во всю длину стѣнъ широкими диванами, дѣлать верхній этажъ на двѣ части; направо и налево отъ него посрединѣ идутъ корридоры, по обѣ стороны которыхъ расположены просторныя комнаты для прїѣзжихъ; всѣхъ комнатъ восемь, въ каждой—по двѣ кровати съ отличными тюфяками, подушками, чистымъ бѣльемъ и кисейными (отъ москитовъ) пологами надъ каждою кроватью. Въ сѣверномъ концѣ корридора приставная лѣстница ведетъ на террасу дома; по обѣ стороны ея—кладовыя и необходимыя мѣста. Въ нижнемъ этажѣ посрединѣ—обширная столовая для паломниковъ, а по обѣ стороны ея—два большихъ общихъ зала (по 37 ф. длиною и 18 шириною) и четыре отдѣльныхъ комнаты, изъ которыхъ въ угловой, обращенной на сѣверо-западъ, въ 1882 году, когда верхній этажъ дома не былъ еще отстроенъ, помѣщались Великіе Князья Сергій и Павелъ Александровичи. При домѣ имѣется значительный участокъ земли съ небольшимъ садомъ, въ которомъ однако очень мало деревьевъ (послѣднее объясняется недостаткомъ воды для орошенія, изъ за котораго возникаютъ постоянныя пререканія съ сосѣдями греками, мѣшающими чрезъ ихъ участокъ проводить воду сюда изъ источника Елисея). Завѣдывалъ домомъ, когда мы были, командированный миссіей инокъ, уроженецъ одной изъ центральныхъ губерній Россіи; ему помогаетъ пожилая русская же женщина... Широкими воротами прошли мы во дворъ дома, поднялись во 2-й этажъ, гдѣ и расположились было на отдыхъ на одномъ изъ просторныхъ дивановъ. Но въ комнатѣ было жарко и душно; это и побудило троицъ насъ вскорѣ же оставить душную комнату и помѣститься во дворѣ въ тѣни развѣсистыхъ густолиственныхъ рожковыхъ деревьевъ около такъ называемой „закхесовой“ ягодичины (смоковницы), листья которой только что распускались ¹⁾. Термометръ показывалъ 27 градусовъ (по R) въ тѣни, но на открытомъ воздухѣ жара нѣсколько умѣрилась легкимъ вѣяніемъ вѣтра. Въ ожиданіи самовара, я сталъ осматривать принадлежащій дому участокъ. Торная тропа скоро привела меня къ раскопкамъ, которыя начаты при о. Антонинѣ и продолжаются, въ настоящее время, инокомъ, только послѣднимъ, кажется, безъ всякой системы и руководства: въ углубленіи земли среди мусора ясно можно видѣть остатки какого-то древняго зданія съ колоннами и вѣнче всего, какъ говорятъ инокъ, древняго храма. Вблизи раскопокъ возвышается простой, но приличный памятникъ, на доскѣ котораго значится (въ переводѣ съ нѣмецкаго): „Докторъ Фридрихъ Мокъ, родился 29 сентября 1844 въ Бергцабернѣ-Пфальцѣ, въ Германіи; утонулъ въ Иорданѣ 13 декабря 1880. Экспедиція Рибекъ“. Вѣроятно, докторъ Мокъ, человекъ, какъ видно, въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ, понабѣявшись на свои силы, вздумалъ переплыть священную рѣку Иорданъ, пренебрегши его необыкновенной быстротой, и за то поплатился своею жизнію. Этотъ несчастный

¹⁾ Завѣдующій домомъ инокъ говорилъ намъ, что ягодичина эта—та самая, на которую нѣ когда взлѣзалъ Закхей, чтобы видѣть шедшаго мимо Господа; но вѣрить этому нѣтъ положительно никакихъ основаній. Само дерево не очень старо, а паломникъ начала ХІІ вѣка, игуменъ Даниль, прямо говоритъ, что въ его время въ Іерихонѣ былъ «*пень древа* того, на нь же бѣше взлѣзлъ, хотя видѣти Христа, Закхей», а дерева самаго, стало быть, уже не было

случай съ докторомъ Мокомъ да послужить всегдашнимъ предостереженіемъ и напоминаніемъ и всѣмъ неосторожнымъ и самонадѣяннымъ паломникамъ и туристамъ, отважно пытающимся переплыть священную рѣку! Иорданъ, имѣя громадное паденіе, шутить не любить и безъ сомнѣнія не одинъ смѣльчакъ, понадѣявшійся одолѣть его быстроту, поплатился жизнію за такую самонадѣянность. — Въ то время, когда я осматривалъ раскопки и памятникъ, у воротъ дома произошла трагикомическая сцена. Наши извозчики арабы случайно встрѣтили 2—3-хъ бедуиновъ, жителей Эрихи, которые когда-то кого-то изъ нихъ обидѣли (угнали или отняли лошадь). Началась перебранка, перешедшая было въ драку. Извозчиковъ, по распоряженію начальника деревни, арестовали: оставивъ одного при лошадахъ, прочихъ отправили въ арестный домъ, а намъ дали знать, что извозчики арестованы только на время нашего пребыванія въ Эрихъ и предъ отъѣздомъ будутъ все освобождены. — Часъ или два спустя послѣ чая, когда мы, изнывая отъ жары, въ тѣни тѣхъ же рожковыхъ деревьевъ коротали полуденное время, лѣниво бесѣдуя съ подошедшимъ кавасомъ Марко, во дворѣ неожиданно появился въ предшествіи каваса бимбаши, турецкій офицеръ, проживавшій въ Иерихонѣ по случаю сбора податей. Одѣтъ онъ былъ въ военный мундиръ; на головѣ—традиціонная феска. Подошедши къ намъ, бимбаши любезно раскланялся и сказалъ чрезъ каваса: „я узналъ, что пріѣхали русскіе военные; я самъ военный и люблю военныхъ и пришелъ познакомиться съ ними“. Мы объяснили ему, что пріѣхали не военные, а гимназисты—юноши съ ихъ воспитателемъ, но между нами, присутствующими здѣсь, есть дѣйствительно военный, русскій полковникъ (мы указали при этомъ на бывшего среди насъ отставнаго полковника изъ г. Кіева) и рады познакомиться съ нимъ. Бимбаши сѣлъ у стола и между нимъ и полковникомъ начался, при, посредствѣ каваса Марко (онъ былъ переводчикомъ) оживленный обмѣнъ мыслей. Бимбаши всячески хвалилъ свои военные порядки и войско и дѣлалъ всевозможныя усилія, чтобы доказать, что строй и порядки ихъ военные лучше, чѣмъ у русскихъ; но это ему не удавалось: нашъ подковникъ блистательно разбивалъ все его доводы и соображенія. Перешли затѣмъ къ гражданскому строю. Бимбаши и здѣсь хотѣлъ выставить все въ привлекательномъ свѣтѣ и снова потерпѣлъ неудачу. — Во время разговора къ намъ подошелъ гимназистъ съ ручнымъ фотографическимъ аппаратомъ. Замѣтивъ аппаратъ, бимбаши заявилъ, что онъ знаетъ что за приборъ въ рукахъ молодаго человѣка,—онъ самъ недавно снимался въ Иерусалимѣ, и что позволяетъ молодому человѣку снять съ него фотографію. Прощаясь, бимбаши усиленно просилъ побывать у него въ домѣ: онъ—одинъ, жены здѣсь нѣтъ, она осталась у отца въ Вейрутъ,—и потому очень радъ будетъ видѣть насъ у себя. При этомъ онъ обѣщалъ показать намъ мѣдный котель, недавно найденный при раскопкахъ древнихъ стѣнъ Иерихона. Мы обѣщались и онъ направился въ домъ къ гимназистамъ. — Приходъ бимбаши и его приглашеніе крайне удивили и озадачили насъ; мы терялись въ догадкахъ, стараясь отыскать истинную причину такого, какъ намъ ка-

залось, необычайнаго явленія и, разумѣется, не пришли ни къ какимъ положительнымъ результатамъ.—Въ 4 часа дня жара начала спадать; нашихъ извозчиковъ выпустили изъ каземата и взявши на память вѣтвей финиковаго дерева, мы тронулись по направленію къ Сорокодневной горѣ, намѣреваясь посѣтить источникъ Елисея. Н. К. съ двумя гимназистами и кавасомъ и насъ четверо предварительно заѣзжали съ отвѣтнымъ визитомъ къ бимбашу. Живетъ онъ въ 2-хъ этажномъ домѣ; узкій поперечный корридоръ дѣлитъ верхній этажъ на двѣ равныя половины, изъ которыхъ въ каждой по двѣ помѣстительныхъ комнаты; изъ нихъ двѣ угловыя (наискось) жилища—меблированы, третья служитъ складочнымъ мѣстомъ для жизненныхъ продуктовъ, а четвертая пустая. Въ нижнемъ этажѣ помѣщаются кладовыя.—Когда мы подъѣхали, бимбашъ былъ около дома. Онъ привѣтливо встрѣтилъ насъ и провелъ сначала въ кладовую, гдѣ находился мѣдный котелъ (котелъ этотъ, оговорюсь, не представлялъ изъ себя рѣдкостной находки), а затѣмъ—по наружной деревянной лѣстницѣ—наверхъ, гдѣ усадивъ на мягкую мебель (диваны), любезно угостилъ превосходнымъ лимонадомъ и свѣжимъ виноградомъ (въ іорданской долинѣ виноградъ созрѣваетъ ранѣе, чѣмъ въ Іерусалимѣ и его ближайшихъ окрестностяхъ). Гостепріимный хозяинъ не забылъ и отсутствовавшихъ нашихъ сотоварищей: по его распоряженію, двѣ большихъ корзины винограда посланы были съ нами и уѣхавшимъ впередъ гимназистамъ. Искренно поблагодаривъ за радушіе гостепріимнаго бимбаша, мы скоро были внѣ селенія и ѣхали мимо сада, принадлежащаго Императорскому Православному Палестинскому Обществу. Мѣсто подъ садомъ, именуемое въ документахъ *Хакуратъ Эль-Бирке*, занимаетъ пространство въ 17000 квадр. драа (драа равняется 87 квадр. сантиметрамъ); приобрѣтено оно Палестинскимъ Обществомъ у афонскаго монаха Іоасафа Плѣханова. Участокъ обнесенъ высокою оградой; внутри обильно снабженъ водою изъ источника Елисея и особенно замѣчателенъ великолѣпными бананами и виноградомъ. Кромѣ того, онъ представляетъ громадный интересъ для археологій. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ открыты на немъ остатки древнихъ зданій, водопроводныхъ каналовъ, колонны, роскошныя половыя мозаики превосходныхъ рисунковъ, множество древнихъ вещей и монетъ. Изъ-за ограды среди тропической растительности видны два домика и часовня, построенныя кажется еще Плѣхановымъ, который, какъ извѣстно, предлагалъ учредить здѣсь киновію.—Я предлагалъ было Н. К. посѣтить садъ, чтобы осмотрѣть его богатую растительность и производимыя тамъ раскопки, если не теперь, то на возвратномъ пути отъ источника, но тотъ почему-то не согласился и, миновавъ садъ, мы поѣхали открытымъ мѣстомъ. „Около Ерихона града, писалъ паломникъ начала XII вѣка, игуменъ Даниилъ,—земля добра и многоплодна, поле красно и равно, финицы стоятъ высоко, и всякая овощная древеся многоплодовитая; суть же и воды многы разведены подъ землею текутъ, по всей землѣ той“. Правда, по нерадѣнію арабовъ, финиковыя пальмы, теперь почти исчезли съ почвы іерихонской, но все прочее, о чемъ пишетъ игуменъ Даниилъ,

остается въ томъ же состояніи и до нынѣ. Окрестности Іерихона и нынѣ орошаются обильно, при помощи каналовъ, водою изъ источника Елисея, и почти до самыхъ горъ (іудейскихъ) покрыты богатою растительностію. Въ дикомъ видѣ растутъ здѣсь индиго, сахарный тростникъ, эль-хекне (растеніе, дающее красящее вещество); на каждомъ шагу встрѣчаются набкъ (дерево, покрытое острыми иглами и употребляемое для оградъ), седедь (дерево, имѣющее плоды красноватаго цвѣта величиною въ крупную горошину), іерихонская роза, закъумъ и под. — Чрезъ полчаса наши экипажи остановились у подножія высокаго холма около источника Елисея. —

Источникъ Елисея или Аннъ-эсъ-Султанъ, какъ называютъ его арабы, находится у самаго подножія холма и, по преданію, тотъ самый, горькія воды котораго св. пророкъ Елисей сдѣлалъ годными къ употребленію и пріятными на вкусъ, бросивъ въ нихъ горсть соли (3 Царств. II, 19 — 22). Онъ представляетъ собою очень продолговатый, облицованный камнемъ, четырехугольный водоемъ сажень 6 или 7 длины, около 3-хъ ширины и 2 аршина глубины. Чистая, очень прозрачная, ключевая вода его, въ которой тутъ и тамъ плаваютъ мелкія рыбки, довольно широкой обильной струей выходитъ изъ юговосточной его части и скатившись къ равнинѣ, скоро исчезаетъ среди зелени ея растеній, разбиваясь на множество мелкихъ ручейковъ. Въ той же юговосточной части водоема искусственное русло полноводной струей направляетъ воду источника къ плоской крышѣ близъ лежащей мельницы, гдѣ падая внутрь зданія, приводитъ въ движеніе, безъ сомнѣнія, незатѣйливый механизмъ мельницы. — Когда мы подошли къ источнику, многіе изъ гимназистовъ находились уже въ его прозрачныхъ водахъ; тутъ же, нѣсколько въ сторонѣ, купались и два бедуина, лошади которыхъ паслись неподалеку. Н. К. съ прибывшими присоединился къ купающимся, а я въ сопровожденіи каваса, лѣбоштыства, поднялся на холмъ, гдѣ пораженъ былъ внезапно открывшимся своеобразно прелестнымъ видомъ. Впереди, за глубокой ложиной съ очень скудною растительностію, высились суровыя мощныя громады іудейскихъ горъ, среди которыхъ особенно выдѣлялась своею высокоподнятой усѣченною вершиною, такъ называемая, Сорокодневная гора (Джебель-Карантель). Въ яркихъ лучахъ склонявшагося къ западу солнца, на красноватомъ фонѣ обрывистаго южнаго ската ея по срединѣ, лѣнясь какъ гнѣздо ласточки, серебрилась — бѣлѣла св. обитель, выщающая въ своихъ стѣнахъ пещеру, гдѣ, по преданію, Господь нашъ І. Христосъ постялся въ совершенномъ уединеніи 40 дней и 40 ночей, приготовляя Себя къ великому дѣлу вступленія въ открытое служеніе спасенію рода человѣческаго, — отчетливо видѣлись колоколенка обители и окна и двери въ отвѣсной ей стѣнѣ; а надъ ними съ плато вершины темнымъ контуромъ глядѣли руины, напоминая о мѣстѣ, гдѣ, по преданію, Божественнымъ Искупителемъ посрамленъ былъ диаволь — искушитель, показавшій Ему въ мгновеніе времени всѣ царства земныя и требовавшій неподобающаго себѣ божескаго поклоненія. Чудный видъ обители среди дикой угрюмой мѣстности и священные воспоминанія, связанныя съ ней, произвели на меня такое чарующее впечатлѣніе, что забывая о разстояніи, я

предложилъ кавасу идти туда немедленно, расчитывая очевидно чрезъ часть времени, т. е. къ отъѣзду гимназистовъ, вернуться обратно. Но я предлагать невыполнимое: кавасъ объяснилъ мнѣ, что до обители 6 верстъ; экипажной ѣзды туда нѣтъ и путь совершаютъ на ослахъ или пѣшкомъ, при чемъ подъемъ въ гору крайне труденъ и опасенъ, такъ какъ приходится нерѣдко взбираться очень узкой, неудобной тропой среди обрывистыхъ стремнинъ. — „Монастырь этотъ, продолжалъ сообщать кавасъ, указывая на обитель, — появился очень недавно, не болѣе 5 лѣтъ и построенъ греческими монахами, которые до этого жили, подвизаясь, въ неудобныхъ, плохо устроенныхъ помѣщеніяхъ тамъ же около пещеры, въ которой постился Христосъ. Въ этой послѣдней на мѣстѣ, гдѣ Спаситель молился за грѣшный родъ человѣческій, имѣется небольшой храмъ, который ведетъ свое начало съ очень отдаленныхъ временъ. Полагаютъ, что уже первые христіанскіе подвижники обратили эту пещеру (сорокодневнаго поста Христа Спасителя) въ храмъ Господень; но храмъ тотъ, какъ и всѣ христіанскіе храмы первыхъ вѣковъ Церкви Христовой, былъ безыскусственный и безъ украшеній, и первой благоукрасительницею его мѣстныя палестинскія преданія считаютъ св. равноапостольную Елену. Что же касается руинъ, которыя видны отсюда на вершинѣ горы, то это — тоже оставки древняго величественнаго храма, сооруженнаго впервые тою же св. равноапостольною Еленою“. — Внимая рассказъ каваса, я продолжалъ глядѣть на бывшія предо мною громады горъ съ ихъ непривѣтливими безжизненными обрывами и ущельями. Дѣйствительно, суровъ и дикъ, скажемъ словами одного путешественника, колоритъ этихъ мощныхъ громадъ, избранныхъ Спасителемъ для Своего сорокодневнаго поста и молитвы. Недаромъ еще въ древности гора сорокодневнаго поста, по народному вѣрованію, населена была злыми демонами. Духъ, увлекшій Спасителя на подвигъ самоискупенія и молитвы, не могъ бы найти по всей Палестинѣ другого болѣе аскетическаго мѣста. На границѣ великой пустыни, на вершинѣ среди голыхъ камней, нѣтъ ни травы, ни деревца; нѣтъ ничего, чтобы могло ободрить истомленное тѣло. Вѣтеръ верхнихъ слоевъ атмосферы, дождь и буря раздѣли каменистую грудь земли и сдѣлали безотраднѣйшую обстановку этого уединенія. А въ отдаленіи, внизу, развернулася жизнерадостная панорама и дразнитъ глазъ прелестью дивныхъ картинъ, тоскливо сжимая сердце. Съ востока сияетъ въ оправѣ золотистыхъ песковъ неподвижная гладь Мертваго моря, осѣеннаго туманными вершинами горъ Моавитскихъ. Въ потокахъ огнистаго свѣта уходитъ въ безпредѣльную даль широкое плоскогорье Цирей, а съ сѣвера серебрится далекій Ермонъ на поляхъ Галилеи. Съ вершины горы этой мысленнымъ окомъ Божественный Учитель могъ объять и скрытый отъ глазъ Назаретъ, гдѣ протекли Его дѣтскіе годы, и гордую столицу іудейскаго народа, готовившую Ему великій подвигъ искупленія. Только тамъ выше уровня житейской суеты и пошлости, въ безмолвіи величавой природы, отдыхалъ Онъ, изможденный страданіемъ. Только тамъ въ сторонѣ отъ людей почерпалъ Онъ въ общеніи съ Богомъ Отцемъ ту изумительную,

нравственную силу и мощь, которая здѣсь внизу расточилъ Онъ щедро людямъ-собратьямъ¹⁾... Спустившись къ источнику, мы осмотрѣли внутренность мельницы: въ тѣсноватомъ, тускло освѣщенномъ невысокомъ помѣщеніи мы увидѣли почти обычную обстановку: небольшой слегка колеблющейся ковшъ съ незначительнымъ количествомъ какого то зерна, небольшой быстро вращающийся жерновъ, изъ подъ котораго прерываея падала тонкой струею мука, суетившійся мельникъ арабъ да двѣ пожилыхъ женщины, апатично посматрѣвшія на насъ при входѣ. Когда затѣмъ мы были на крышѣ мельницы, со стороны Иерихона показалось нѣсколько всадниковъ бѣдуиновъ, которые во весь опоръ съ гикомъ и свистомъ неслись къ намъ, описывая круги по равнинѣ. Темные плащи ихъ развѣвались по вѣтру, а изъ-за плечъ торчали длинныя ружья. Эти отчаянные баши-бузуки, какъ извѣстно, только въ стѣнахъ караванъ-сага друзья „московъ“ и „франковъ“; на волѣ же они подвержены удивительнымъ метаморфозамъ: раздѣлая съ вами кровь и пищу, они не задумываясь оберутъ васъ же при незначительномъ перевѣсѣ силъ на просторѣ пустыни; раздѣнутъ до нага богомольца, угонять стадо у зазѣвавшагося пастушенка. Но насъ, разумѣется, не могли напугать 3 или 4 бедуина; къ тому же съ ними оказался и бимбаши. Оставивъ неподалеку лошадей, они взопли къ намъ на крышу и утѣвшись по восточному прямо на полу, начали о чемъ-то совѣщаться между собою. Но экипажи наши были уже готовы и, раскланившись съ бимбаши, мы чрезъ Иерихонъ направилась въ обратный путь.

Въ Иерихонѣ задержались теперь минутъ на пять, не болѣе—купили на дорогу винограду, который здѣсь, въ виду хорошаго урожая, оказался очень дешевымъ (коп. 3 за 2¹/₂ фунта). Миновавъ послѣ того красовавшійся въ зелени небольшой православный храмъ (греческій монастырь) и пересѣкнуи иссохшее ложе потока, мы скоро были у подножія іудейскихъ горъ. Только теперь стало очевиднымъ для насъ, какъ высоки эти горы и какъ крутъ подъемъ на нихъ. Извозчики потребовали, чтобы мы всѣ вышли изъ экипажей и поднялись въ гору ишikomъ, исключеніе сдѣлано было только для двухъ пилтрехъ. Пришлось покориться.—Чрезъ ¹/₄ часа экипажи остановились, скучившись, у дикаго неприступнаго ущелья, обратившаго наше вниманіе еще утромъ. Это ущелье Хозевы, гдѣ нашель для себя пріютъ монастырь св. Георгія Хозевита.—Хозева—библейское мѣсто: по словамъ А. Норова, оно—древній Хезивъ, гдѣ находился Гуда, когда разрѣшилась отъ бремени его жена (Быт. XXXVIII, 5); оно же, по переводу Когена, Емекъ Кесисъ (разодранная долина), составляло удѣлъ кольна Веніамина и перечислено одновременно съ Иерихономъ и Бетъ-Гоглой (Нав. XVIII, 21). По преданію, въ ущельѣ этомъ постился св. праведный Богоотецъ Іоакимъ, прося Господа о прекращеніи безплодія его и, на мѣстѣ его молитвенныхъ подвиговъ, въ ущельѣ этомъ впоследствии возникъ монастырь, основанный св. Іоанномъ Хозевитомъ и возобновленный сравнительно

¹⁾ Корженевскій, По востоку, стр. 236.

недавно стараніями іерусалимскаго патріарха Никодима. — Нашъ экипажъ прибылъ по обычаю съ запозданіемъ, а гимназисты по обычаю не стали насъ дожидать и въ ущелье пришлось намъ идти однимъ, безъ проводника. — Спустившись извилистой не особенно торной тропой саж. на 25 или 30, мы очутились подъ навѣсомъ пробитой скалы. Остатки костровъ свидѣтельствовали, что для невзыскательныхъ бедуиновъ — сыновъ пустыни и это почти открытое мѣсто служить хорошимъ убѣжищемъ отъ ночной росы и непогоды. Отсюда тропа идетъ влѣво. Зигзагомъ бѣжить она по краю обрыва, постепенно понижаясь ко дну гигантской пропасти, гдѣ пріютилась св. обитель. По первому впечатлѣнію, даже страшно рѣшиться на спускъ въ эту бездонную трещину горъ. Бока ея выступаютъ нависли надъ бездною и, кажется, вотъ-вотъ оторвутся сѣрые пласты и обрушатся внизъ на невидимое дно, гдѣ, слышно, бѣжить, реветъ горный потокъ, разметавъ запруду камней. Малѣйшая неосторожность, или невѣрный шагъ и.... можно полетѣть въ глубину, гдѣ едва ли отыщутся кости. Вдругъ... чу!... Въ невидимой обители, гдѣ-то тамъ впереди, дрогнулъ колоколь. Протяжные металлическіе звуки его разлились и побѣжали по ущелью, — то монахи св. обители, завидя гимназистовъ, привѣтствуютъ ихъ, и отрадѣе становится въ груди отъ сознанія близости человѣческаго жилья въ этихъ неприступныхъ, обнаженныхъ утесахъ. Два, три поворота и мы останавливаемся въ изумленіи. Предъ нами, на той сторонѣ таинственной пропасти, въ отвѣсѣ скалы, на подобіе гнѣзда ласточки, ютилась св. обитель, — видны окна, балкончики и небольшой куполь храма, — ниже ея сажень на 35, перекинутый аркадою мостъ, утопая въ зелени виноградныхъ лозъ, вѣлъ на эту сторону, которая по уступу скалы представляла пріятную зеленѣющую аллею изъ стройныхъ юныхъ кипарисовъ и фиговъ, а за аллеей у моста высилась башня, довершая представшій взору чудный ландшафтъ. Но едва мы опомнились отъ пріятнаго изумленія, любуясь трудами рукъ человѣческихъ (иноческихъ) среди дикой, обнаженной каменистой разсѣлины, какъ поражены были новымъ удивленіемъ. На одномъ изъ балкончиковъ (дальнемъ) появился послушникъ. Онъ ~~взвился~~ надъ перилами, послышался лязгъ желѣза и въ воздухъ повисло ведро, которое искусно лавируя и быстро скользя, пошло внизъ въ средину пропасти. Вотъ оно звякнуло уже на днѣ, какъ будто упало въ потокъ и чрезъ минуту снова появилось въ воздухѣ, медленно поднимаясь къ периламъ ¹⁾. — Ниже и ниже спускаемся мы узкой тропою. Вотъ и стройные кипарисы, вотъ и мостикъ, и перейдя его, мы останавливаемся на минуту, чтобы бросить снизу взоръ на св. обитель. «Въ убѣгающей лентѣ колоссальныхъ пластовъ сѣраго торнаго кряжа пигмей человѣкъ пробурывалъ подземные ходы. Онъ сложилъ на выступѣ скалы массивную стѣну, подконался въ темную глубину, источилъ плитнякъ и песчаникъ. На неприступной высотѣ затеплил онъ лампадку единому, вѣчному Богу,

¹⁾ Ведро устроено такъ, что ходитъ на туго натянутой толстой проволоки, проведенной подъ острымъ угломъ на дно ущелья къ потоку и зачерпнувъ воды, оно втягивается бычевою на высокій бадкожникъ (Корженевскій В. По востоку, стр. 238).

смѣло отрѣзалъ себя отъ земли и счастливъ своей замкнутой, сосредоточенною жизнію“. Извилистою тропой поднялись мы къ самому монастырю. У входа привѣтливо встрѣтилъ насъ инокъ и сопровождаемые имъ по лѣстницѣ поднялись въ храмъ обители во имя Рождества Пресв. Богородицы, гдѣ для предупредившихъ насъ приходомъ гимназистовъ уже служился молебенъ. — Храмъ небольшой, но помѣстительный; иконостасъ новый. У лѣваго клироса на стѣнѣ сохранилось древнее мозаическое изображеніе „явленія ангела св. Іоакиму“. По преданію, здѣсь праведный Іоакимъ получилъ вѣсть отъ небеснаго посланника, что молитва его услышана и жена его родить преблагословенную Дщерь. Помолвившись у св. престола и осмотрѣвъ изображеніе, мы прошли въ очень небольшой и убогій храмъ во имя св. Георгія; алтарь маленькій, св. престолъ приставленъ прямо къ стѣнѣ. Отсюда вышли на площадку предъ храмомъ, которая служитъ и пріемной и столовой для посѣтителей. Темнѣло. Бѣлые своды площадки озарены были теперь мерцающимъ пламенемъ 3—4-хъ свѣчей, отбрасывающихъ трепетныя тѣни. Видны деревянные столы, чисто вымытые, но безъ салфетокъ и скатертей. Высокій худой инокъ съ блѣднымъ лицомъ въ черномъ подрясникѣ предупредительно угощалъ подходившихъ ракіей (виномъ, по крѣпости своей неуступающимъ нашей водкѣ). Н. К. направился къ игумену внести вкладъ на поминаеніе, а я сталъ осматривать монастырскія помѣщенія. Внутренность монастыря, это — сплошной лабиринтъ корридорчиковъ, пробуравившихъ во всѣхъ направленіяхъ толщину плитняка и базальта, Узкія дверочки, темныя окна впадинами чернѣютъ въ нихъ справа и слѣва; трапезная небольшая, обстановка скудная. Замѣтно, монастырь небогатый и рѣдко посѣщается богомольцами. Братіи въ немъ 10 человекъ. Около трапезной есть лѣстница, которая ведетъ наверхъ; но время было позднее и я не рѣшился подняться туда. — Возвратившись въ столовую, я не засталъ уже въ ней гимназистовъ и предположивъ, что они ушли къ экипажамъ, направился туда. Гимназисты, какъ оказалось потомъ, ужинали въ то время въ монастырскомъ саду и мнѣ совершенно одному пришлось во мракѣ наступившей ночи идти надъ пропастью къ шоссе. Съ приходомъ гимназистовъ экипажи двинулись дальше по направленію къ Іерусалиму. Въ гостинницѣ „Добраго Самарянина“ сдѣлана была остановка, чтобы дать отдыхъ и себѣ, и лошадямъ. Дремавшая молодежь быстро расположилась по столамъ и скамейкамъ гостинницы и моментально заснула. Въ началѣ 1-го часа ихъ однако всѣхъ разбудили, чтобы продолжать путь. Во мракѣ ночи проѣхали мы снова Виаанію и Елеонскую гору и въ 4 часу утра были на Подворьѣ. И такъ, благодареніе Господу! путешествіе на Іорданъ пришлось совершить не въ 1½ сутокъ, какъ предполагалось, а ровно въ сутки; а это давало возможность встрѣтить и провести воскресенье не въ дорогѣ, а въ Іерусалимѣ.

VII. Дворъ Соломонова храма. Омарова мечеть и Эль-Акеа.

20 іюня. Разбудили въ 7 часовъ утра. Отстоявъ литургію въ соборномъ храмѣ миссіи и сходявъ ко гробу Господню, я вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ паломниковъ хотѣлъ было идти осматривать мечеть Омара, которая находится на мѣстѣ древняго Соломонова храма, но узнавъ отъ гимназистовъ, что и они пойдутъ туда сегодня послѣ обѣда, рѣшилъ идти вмѣстѣ съ этими послѣдними. — Доступъ въ мечеть Омара для христіанъ — паломниковъ и путешественниковъ, въ настоящее время, свободный; но еще очень и очень недавно онъ былъ строжайше воспрещенъ имъ. Входъ въ ограду ея охраняла тогда особая стража изъ нубійскихъ негровъ съ саблями наголо и европеецъ — христіанинъ лишь съ величайшимъ рискомъ могъ проникнуть въ это мусальманское святилище (по закону Магомета, христіанинъ, найденный въ оградѣ мечети, долженъ былъ или принять магометанство или же погибнуть). Но послѣ Крымской войны фанатизмъ турокъ значительно смягчился: въ мусульманскія мечети и мечеть Омара стали дозволять входить для осмотра и европейцамъ, сначала лицамъ царскихъ фамилій, а затѣмъ и всѣмъ прочимъ. Первый, переступившій открыто порогъ Омаровой мечети, былъ Великій Князь Константинъ Константиновичъ (въ 1859 году); за нимъ прослѣдовала туда его свита, а за свитой — и всѣ бывшіе тогда въ Іерусалимѣ русскіе паломники ¹⁾. Въ началѣ, правда, входъ обставленъ былъ формальностями, которыя очень затрудняли посѣщеніе мечети (требовался фирманъ на входъ), но съ теченіемъ времени формальности эти сократились до минимума. Въ настоящее время паломники, желающіе посѣтить мечеть Омара, заявляютъ о своемъ желаніи конторѣ Палестинскаго Общества; та чрезъ консула испрашиваетъ позволеніе у іерусалимскаго папы и въ назначенное время направляетъ ихъ туда въ сопровожденіи своихъ кавасовъ. — Мы вышли съ Подворья въ 3 часа дня съ кавасомъ Марко. Яффскими воротами вошли въ Іерусалимъ и чрезъ 20—30 минутъ ходьбы по узкимъ сводчатымъ улицамъ подошли, минуя турецкія казармы, къ огромнымъ воротамъ, которыми и вступили на открытую выровнянную площадь Омаровой мечети (Гарамъ-эшъ-Шерифъ), — площадь, которая съ незапамятныхъ временъ служила „дворомъ молитвы“ для цѣлаго ряда племенъ и народностей, прошедшихъ по священной

¹⁾ Вотъ какъ это случилось. Въ султанскомъ повелѣніи, данномъ Великому Князю, было сказано о впускѣ въ мечеть Его и Его свиты. Въ назначенный день бывшіе въ Іерусалимѣ русскіе паломники собрались толпой къ воротамъ мечети. Когда Великій Князь прибылъ и вошелъ съ ближайшею своею свитою, ворота за нимъ затворились. — Это зачѣмъ? спросилъ Великій Князь у сопровождавшихъ Его іерусалимскихъ властей. — «Ваше Высочество! сказано о впускѣ только Васъ и свиты Вашей». «Каждый русскій принадлежитъ къ свитѣ русскаго Великаго Князя, отвѣчалъ Великій Князь; отворите ворота». Ворота были открыты и русскіе паломники впервые изъ христіанъ толпой вступили на помостъ Святая Святыхъ (Чтенія о Св. Землѣ изд. И. П. П. О. XL, стр. 15 и 16).

землѣ и исчезнувшихъ въ туманахъ вѣчности. . . Еще въ младенческую эпоху человѣческой исторіи, когда слагалось и крѣпло зерно высшаго духовнаго сознанія, маленькій пастушескій народъ избралъ это мѣсто, холмъ Моріа, центромъ своего поклоненія Единому Вѣчному Богу. И съ тѣхъ поръ въ быстрой смѣнѣ вѣковъ, въ ряду промчавшихся тысячелѣтій, человѣкъ послѣдовательно слагалъ здѣсь свои алтари, начиная отъ временъ ветхозавѣтнаго Мелхиседека и кончая позднѣйшимъ Саладиномъ. Царь Соломонъ и Авраамъ возжигали здѣсь Богу молитвенный олимпъ; Святая Святыхъ Моисея осѣняла здѣсь шатромъ первобытную скалу. Здѣсь же на купленномъ Давидомъ, по указанію пророка Гада, у евусеянина Аравны или Орнана мѣстѣ построилъ Соломонъ свой знаменитый, блиставшій великолѣпіемъ, храмъ Іеговъ, существовавшій затѣмъ въ теченіи 4-хъ слишкомъ столѣтій. Здѣсь же на развалинахъ Соломонова храма, разрушеннаго Новоху-доносоромъ, возвратившійся изъ вавилонскаго плѣна Израиль, воздвигъ новый второй, который, претерпѣвая разныя превратности, съ небывалымъ великолѣпіемъ возсозданъ былъ Иродомъ Великимъ. Этотъ послѣдній, современный Спасителю, храмъ и былъ мѣстомъ многихъ событій, о которыхъ разсказывается въ Евангеліи. Отсюда Христосъ изгналъ торгующихъ жертвенными предметами; здѣсь похвалилъ Онъ бѣдную вдову, положившую двѣ лепты въ сокровещницу храма... Но и этотъ (второй) храмъ за нечестіе Израиля сокрушительный ударъ римскаго полководца (Тита) обратилъ въ развалины и на мѣстѣ исчезнувшихъ святынь еврейскаго народа, 50 лѣтъ спустя, императоръ Адріанъ воздвигъ языческое святилище Юпитору. Юстиніанъ — христіанскій императоръ — построилъ на мѣстѣ послѣдняго базилику во имя Богоматери. Но мусульманскія полчища, появившись изъ аравійской пустыни, скоро разрушили эту христіанскую святыню и на мѣстѣ древнихъ притворовъ Соломонова храма калифъ Абдъ-Эль-Меликъ-Ибнъ-Меруанъ воздвигъ изящное зданіе современной мечети, которая по странной случайности носить теперь названіе мечети Омара: — Площадь или дворъ мечети (бывшаго Соломонова храма) поразилъ насъ своею обширностію. Безъ преувеличенія можно сказать, что другой такой обширной площади не имѣетъ ни одинъ храмъ ни въ Европѣ ни въ Азіи: площадь занимаетъ пространство въ 17½ квадратныхъ десятинъ и равняется почти шестой части всего города Іерусалима. Справедливо по этому въ свое время замѣтилъ Талмудъ, что дворъ Соломонова храма никогда не бываетъ тѣсенъ, какъ бы много еврейскихъ паломниковъ ни было въ немъ ко дню Пасхи, Пятидесятницы и празднику Кушей. Срединя двора приподнята и представляетъ обширную 4-хъ угольную платформу, въ сажень вышиною, по срединѣ коей красиво высится величественное зданіе Омаровой мечети, которую мусульмане называютъ Эль-Куббетъ-эсъ-Сакрагъ (глава скалы); платформа выложена гладкими большими мраморными плитами и окружена небольшими съ низенькими куполами молельными по угламъ и пролетными арками по срединѣ. Лѣстницы въ 8—10 ступеней со всѣхъ сторонъ ведутъ на ея поверхность. — Сквозь пролѣтъ западной арки подни-

лись мы на платформу двора и направились къ мечети. Планъ ея очень простъ: на восьмиугольномъ зданіи лежитъ цилиндръ, поддерживающій граціозный куполь, увѣнчанный золоченымъ полумѣсяцемъ, рога котораго смотрятъ въ небо. Куполь покрытъ блестящимъ свинцомъ; цилиндръ, прорѣзанный цѣлымъ рядомъ квадратныхъ оконъ, облицованъ синими изразцами, исписанными изреченіями корана, въ видѣ затѣйливыхъ арабесокъ; нижняя (восьми-угольная) часть одѣта вверху блестящими черепицами и мраморными досками съ изящной рѣзбой, а внизу обложена бѣлымъ мраморомъ. Съ четырехъ главныхъ сторонъ внутрь зданія ведутъ двери съ стрѣльчатыми арками; надъ ними (кругомъ зданія) идутъ стрѣльчатые же окна. Противъ восточныхъ дверей, называемыхъ Давидовыми, находится сквозное зданіе, состоящее изъ колоннъ, поддерживающихъ двѣнадцатиглавый куполь. Это—Куббетъ-Эль-Бераресъ или мѣсто, гдѣ было Давидово судилище.—Здѣсь встрѣтили насъ 3 или 4 челоѣка софтовъ, которые предложили намъ бабуши. Мы охотно согласились и уже въ бабушахъ переступили порогъ мечети.—Внутренность мечети производитъ на первыхъ порахъ невыгодное впечатлѣніе. Двѣ восьмиугольныя концентрическія ограды, затѣныя собою изящные размѣры и богатство восточнаго убранства мусульманской святыни, окружаютъ центральную круглую часть зданія—скалу Эсъ-Сакграгъ, отъ которой мечеть и получила свое названіе. Скала эта составляетъ вершину горы Моріа,—и та самая, на которой Авраамъ возложилъ руки на единственнаго сына своего, готовый принести его въ жертву, по повелѣнію Іеговы, и которая при постройкѣ храма Соломономъ вошла въ его ограду. По вѣрованію магометанъ, со скалы этой Магометъ вознесся на небо, почему она и служитъ для нихъ предметомъ особаго благоговѣйнаго поклоненія. Поверхность скалы неровная и обнажена; съ сѣверной и западной стороны она обрѣзана подъ прямымъ угломъ и выровняна. Надъ ней подъ куполомъ растянута шелковая пелена, а кругомъ идетъ высокая темнобронзовая рѣшетка, покрытая яркими красками и позолотою.—Осмотрѣвъ сквозь сквозную рѣшетку темносѣрую массивную каменную глыбу, мы прошли къ ея юго-западному углу, гдѣ Марко показалъ намъ обломокъ скалы, такъ называемый „камень Магомета“; онъ охраняется рѣшеткой; на немъ стоитъ серебряный сосудъ съ двумя волосками изъ бороды пророка. Въ особомъ шкафу, неподалеку отсюда, хранится подлинный коранъ Магомета, его щитъ, мечъ Али и шелковое знамя Омара; но послѣднихъ намъ не показали. По ступенямъ спустились мы отсюда въ пещеру, находящуюся тутъ же подъ священной скалой, которую мусульмане считаютъ висящей на воздухѣ. Пещера эта не лишена и христіанскихъ воспоминаній. Она не особенно большая, стѣны выбѣлены известью. Бывшій здѣсь мулла, произнося: „Христосъ“, „Марія“, приглашалъ насъ положить нѣсколько денегъ около теплившейся свѣчки и, разумѣется, безплодно. Пользуясь его непониманіемъ русской рѣчи, нашъ Марко не преминулъ сообщить, указывая на подпиравшіе скалу чугунные столбы, что магометане безсовѣстно дугъ, когда увѣряютъ, что ска-

ла эта висить на воздухѣ.—Поднявшись изъ пещеры, мы тщательно стали осматривать внутренность мечети. Мягкій, розовый сумракъ стелется отовсюду. Какъ будто въ золотистомъ туманѣ сквозять колоннады высокой круглой галереи. Стрѣльчатые арки изъ темно-краснаго порфира и бѣлаго мрамора образуютъ мавританскій шатеръ, а надъ нимъ поднятъ сверкающій куполъ, чудно затканный изнутри яркой мозаикой всевозможныхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ. Безконечный рядъ оконъ прорѣзалъ темныя стѣны и сквозь ихъ прихотливый разноцвѣтный переплетъ мягко льются смягченные лучи на полъ, устланный циновками. Разбиваясь на тонкія свѣтотыни нити, лучи эти то сквозятъ вамъ рубиномъ, то, какъ опаль, отливаютъ всеми цвѣтами прихотливой радуги. Каждое окно чудо искусства, верхъ изящества и красоты, до которой только могла додуматься архитектура. Каждое цвѣтное стеклышко, вставленное въ тонкую, едва замѣтную оправу, примыкаетъ къ другому. Цвѣта подобраны удивительно гармонично, образуя своимъ узоромъ прихотливое сочетаніе какъ будто драгоценныхъ каменьевъ, блистающихъ самоцвѣтными гранями... Стѣны и потолки какъ будто обиты роскошными восточными коврами, то темнозелеными, то ярко багряными, то золотистыми, удивительно успокоивающими глаза мягкой, изящной композиціей рисунка... Росписныя рамы тончайшей мозаики чередуются съ прихотливымъ узоромъ одна въ другую вплетенныхъ строкъ изреченій корана...—Выйдя изъ мечети южными дверями, мы направились къ другой замѣчательной постройкѣ—мечети Эль-Акса.

Эль-Акса (отдаленная мечеть) примыкаетъ къ южной стѣнѣ двора Соломонова храма. Это—древняя базилика, построенная Константиномъ Великимъ и возобновленная Юстиніаномъ. Позже она называлась храмомъ Введенія Богоматери. Богослуженіе въ этомъ храмѣ открыто было во время осады Иерусалима арабами. Мусульмане пощадили его, обративъ въ мечеть, которая украшена была калифомъ Абдъ Эль-Меликомъ и исправлена Абу-Джафаръ Эль-Монсуромъ, а потомъ, послѣ землетрясенія, Эль-Магдіемъ. Крестоносцы обратили ее въ царскія палаты подъ названіемъ Соломонова дворца. Саладинъ возстановилъ въ ней мусульманское богослуженіе. Подъ мечетью имѣются два корридора, идущіе отъ сѣвера къ югу; длина ихъ приблизительно 150, а ширина 14—15 шаговъ. О происхожденіи корридоровъ этихъ существуютъ различныя мнѣнія. Одни приписываютъ постройку ихъ Юстиніану, предполагая, что корридоры имѣли значеніе подвального этажа для храма Введенія; а другіе думаютъ, что Юстиніанъ только реставрировалъ ихъ, такъ какъ характеръ постройки обличаетъ принадлежность ихъ къ эпохѣ гораздо древнѣйшей Юстиніана, по крайней мѣрѣ къ эпохѣ Ирода, если не ближайшихъ преемниковъ Соломона.—Въ мечети Эль-Акса, когда мы шли туда, совершалось богослуженіе, а въ подземные корридоры ея спускались уже предупредившіе насъ наши паломники—простолудины; это и заставило насъ задержаться на пути въ тѣни старыхъ кипарисовъ около водоема, который наполняется водою (путемъ искусственной подземной канализаціи) изъ такъ называемыхъ „прудовъ Соломона“, находящихся отсюда въ 15 верстахъ по Хевронскому шоссе. Эль-Акса красиво выступала предъ нами изъ зелени до-

ревъ своими готическими аркадами изящнаго фронтона. Надъ главною аркою входныхъ дверей—сплошное кружево мраморовъ самой художественной отдѣлки. Тонкія колонки красиво драпируютъ углы пилястръ. Зубчатою гранью сквозить балюстрада, опоясывающая крышу. Каменный фронтонъ съ четырехгранною крышею прорѣзываютъ три полукруглыхъ окна; а за нимъ потянулось зданіе самой мечети, только сзади осяенное неизбѣжнымъ высокимъ куполомъ.—Наши паломники, однако, скоро покинули подземные корридоры мечети, и мы спустились туда. Полъ корридоровъ постепенно понижается. Раздѣленные между собою въ началѣ стѣною, а потомъ аркадами, опирающимися на четырехугольные пилястры, корридоры эти въ южной оконечности сливаются въ одинъ. Въ пунктѣ слитія находится массивная монолитная колонна, въ три обхвата толщиною, и въ линію съ нею—двѣ полуколонны, прислоненныя къ стѣнамъ. Отсюда былъ нѣкогда выходъ за стѣны города. Признаки двухъ дверей, служившихъ для этой цѣли, можно замѣтить въ оконечности галлерей съ восточной и западной ея стороны.—Марко обращаетъ здѣсь наше вниманіе и на огромные камни въ правой стѣнѣ, уцѣлѣвшіе отъ глубокой древности, и на колонну изъ цѣльной скалы. Правѣ этой колонны, по его словамъ, было срѣтеніе Господа праведнымъ Сумеономъ, взявшимъ на руки Божественнаго Младенца и произнесшимъ: „Нынѣ отпускаеша раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему съ миромъ“...; а лѣвѣ,—гдѣ мы спускались по ступенькамъ—имѣло мѣсто введеніе праведными Іоакимомъ и Анною въ храмъ Богоотроковицы, Пресв. Дѣвы Маріи.—Возвратившись на поверхность, мы уже безъ задержки вошли въ мечеть. Шесть рядовъ круглыхъ колоннъ византійскаго стиля поддерживаютъ стрѣлчатые арки; надъ ними въ вышинѣ семи проходовъ идутъ въ два ряда узкія окна. Потолка нѣтъ; толстыя балки безконечными рядами налегаютъ на длинныя стѣны, грубо выбѣланныя известью. Мѣстами на нихъ видны незатѣйливыя арабески; но, вообще послѣ мечети Омара убранство Эль-Акса кажется убогимъ. Горнее мѣсто, разрушенное во время землетрясенія, замѣнено прямою стѣною, къ которой теперь прислонена каеэдра съ ал-кораномъ, украшенная изящными мраморными колонками. По правую ея сторону возвышается менберъ изъ рѣзнаго дерева, покрытый яркими красками съ позолотой. Возлѣ него на полу, на кускѣ грубаго камня—отпечатокъ ноги Спасителя. По словамъ Марко, кусокъ этотъ перенесенъ сюда съ горы Елеонской, гдѣ на мѣстѣ Вознесенія Господня остался отпечатокъ другой стопы Божественнаго Учителя. Около стопы горѣлъ свѣтильникъ. Стоявшій здѣсь турокъ просилъ у насъ бакшишъ, но Марко еще въ мечети Омара предупредилъ насъ не давать бакшиша ни тамъ, ни здѣсь; и просьба турка оставалась безрезультатной. За стѣной правѣ находятся нѣсколько колоннъ весьма красиваго мрамора; двѣ изъ нихъ называются „колоннами обличенія“. Близко поставленныя одна къ другой (не дальше $\frac{1}{4}$ аршина), онѣ обладаютъ, по увѣренію турокъ, чудесною силой отличать праведныхъ отъ злыхъ. Въ узкій пролетъ между ними легко будто бы пролѣзалъ каждый честный мусульманинъ, какой бы толщины онъ ни былъ, а порочный, не смотря на свою худобу, застрѣвалъ тотъ

часть же, какъ недостойный будущаго рая. Обѣ колонны отъ постоянныхъ опытовъ пролѣзанія поразительно вытерлись съ внутренней стороны и въ настоящее время пролетѣть между ними задѣланъ металлической рѣшеткой. Лѣвѣ каедрѣ съ ал-кораномъ находится молельня Омара. Здѣсь, въ боковыхъ помѣщеніяхъ, по объясненію Марко, жила нѣкогда Пресв. Дѣва Марія по введеніи Ея во храмъ, а рядомъ—мѣсто убійенія пророка Захаріи, отца Іоанна Предтечи.—Внимательно осмотрѣвъ мечеть, мы вышли восточными дверями; сняли здѣсь бауши, уплативъ по 5 коп. съ персоны, и направились къ юго-восточному углу двора Соломонова храма, чтобы видѣть подземную колоннаду, которую наши паломники простолюдины почему-то называютъ „конюшнями Соломона“. По крутой лѣстницѣ спустились мы въ небольшую комнату, гдѣ наше вниманіе обращено было на неглубокое каменное ложе, похожее на ясли; по увѣренію турокъ, это будто-бы ясли Спасителя, перенесенныя сюда изъ Виллема (поэтому, вѣроятно, и комнату эту турки называютъ „колыбелью Іисуса“). Надъ ложемъ горѣлъ свѣтильникъ, а около находился турокъ, который не преминулъ попросить у насъ бакшишъ. Отсюда мы спустились еще ниже и вошли въ подземелье. Предъ нами—ряды колоннъ и аркады сомкнувшихся надъ головою сводовъ, даль которыхъ терялась для глазъ въ совершенной темнотѣ. Древность тѣхъ и другихъ не подлежитъ сомнѣнію. Очевидно, своимъ происхожденіемъ они обязаны Соломону, мудрому устроителю Морія. Чтобы сравнять крутой спускъ къ Иосафатовой долиנѣ, приходилось воздвигать обширные своды на каменныхъ столбахъ, что расширяло поверхность холма, предназначавшагося служить фундаментомъ великому храму ¹⁾. Хорошо отшлифованные камни поражаютъ своимъ размѣромъ. Поистинѣ, это—циклопическія постройки.—Побродивъ въ разныхъ направленіяхъ среди колоннъ, мы прежнимъ ходомъ поднялись наверхъ. Какъ только прошли всѣ наши спутники чрезъ комнату съ каменнымъ ложемъ, бывший тутъ турокъ немедленно погасилъ свѣтильникъ. Очевидно, свѣтильникъ здѣсь, равно какъ и въ мечети Эль-Акса, зажигался ради христіанскихъ паломниковъ изъ-за бакшиша. Поймите послѣ того мусульманъ: то они советамъ не пускаютъ христіанъ въ свои мечети и караютъ смертію ослушниковъ, то дозволяютъ входъ, но обращаютъ это въ доходную статью... Предводимые кавасомъ Марко, мы идемъ теперь по обширному двору къ „Золотымъ“ воротамъ вдоль восточной стѣны. Каменный помостъ двора отъ небрежности поросъ здѣсь бурьяномъ, который затрудняетъ намъ движеніе; не хотѣлось бы видѣть подобнаго запустѣнія во дворѣ изящныхъ построекъ. По пути Марко останавливается около отверстія въ стѣнѣ, въ которомъ задѣланъ обломокъ колонны, называемаго „Окномъ судища“. На этой колоннѣ, по вѣрованію мусульманъ, возседѣлъ Магометъ въ день страш-

¹⁾ По изслѣдованіямъ Катервуда и Берклея, колонны, на которыхъ покоятся своды, составляютъ 15 параллельныхъ рядовъ, постепенно уменьшающихся въ высоту по мѣрѣ подъема почвы. Трудно точно опредѣлить пространство этихъ колоннадъ; но приблизительно онѣ занимаютъ метровъ 60 къ сѣверу, до 40 къ западу и 50 къ востоку. Большая часть ихъ завалена мусоромъ и перегорожена стѣнами повѣйшей кладки. Подъ ними, по свидѣтельству Тацита, должны находиться огромныя цистерны, снабжавшія Іерусалимъ водою во время осады.

наго суда, чтобы воздать каждому изъ мусульманъ по дѣламъ его. Немного далѣе на сѣверъ находятся и „Золотыя ворота“. Со стороны двора ворота эти представляютъ двойную арку, опирающуюся въ срединѣ на колонну, а двумя крайними концами—на два толстые пилястра. Входъ чрезъ ворота, какъ сказано было въ свое время, задѣланъ турками.—Продолжая путь въ томъ же направленіи, мы подошли къ сѣверной стѣнѣ двора, гдѣ, по указанію Марко, чрезъ отверстіе стѣны смотрѣли мѣсто евангельской Виѳезды. Чрезъ отверстіе видна однако только небольшая часть противоположной стороны широкаго рва, до половины засыпаннаго камнями и мусоромъ. (Латиняне приурочиваютъ Виѳезду къ цистернѣ, которая находится, чрезъ улицу отъ этого рва, въ принадлежащемъ имъ зданіи семинаріи).—Больше во дворѣ Соломонова храма осматривать было нечего. Гимназисты на возвратномъ пути занялись разсматриваніемъ по магазинамъ и покупкою сувенировъ, а мы, чувствуя крайнюю усталость, возвратились на подворье, предполагивъ съ двумя паломниками побывать на завтра за литургіей въ погребальной пещерѣ Богоматери, гдѣ богослуженіе начинается очень рано.

VIII. Геѳсиманская весть. Виѳанія. Сіонъ.

21 іюня. Проспалъ. Въмѣсто 4½ часовъ утра всталъ въ 6. Намѣренія посѣтить погребальную пещеру Богоматери однако не оставилъ. Не оставили этого намѣренія и мои вчерашніе единомысленники. Такъ какъ гимназисты предполагали сегодня отдохнуть до обѣда, то мы и рѣшили послѣ пещеры Богоматери посѣтить Виѳанію, которая отстоитъ отсюда верстъ на 5.—У Яффскихъ воротъ намъ не удалось нанять экипажа,—очень дорого запрашивали ямщики, и мы пошли пѣшкомъ чрезъ Іерусалимъ. Намъ нужно было выйти Геѳсиманскими воротами; но не зная, какъ слѣдуетъ, расположенія улицъ, мы сначала вышли къ воротамъ двора Омаровой мечети (двора Соломонова храма), затѣмъ къ воротамъ Иродовымъ, гдѣ насъ не пропустили, и наконецъ-то къ Дамасскимъ. Отсюда путь былъ хорошо извѣстенъ. Скоро стѣны Іерусалима остались вправо и, перейдя потокъ Кедронскій, мы подошли къ погребальной пещерѣ Богоматери. Входъ въ нее былъ открытъ и переступивши священный порогъ, мы благоговѣйно стали спускаться по широкой (не менѣе 2-хъ сажень) отлогой мраморной лѣстницѣ въ 48 ступеней. Въ половинѣ лѣстницы, въ нишѣ правой стѣны видны гробницы родителей Пресвятой Дѣвы, свв. праведныхъ Богоотецъ Іоакима и Анны; а двумя или тремя ступенями ниже, въ нишѣ лѣвой стѣны находится гробница праведнаго Іосифа, Обручника Пресв. Дѣвы, кости котораго, по преданію, перенесены сюда изъ Назарета. Пещера внутри очень обширная, съ полукруглыми сводами; высѣчена въ скалѣ; дневной свѣтъ проникаетъ въ нее только чрезъ открытыя входныя двери. Множество драгоценныхъ золотыхъ и серебряныхъ лампадъ, перепутанныхъ во всѣ стороны, разливали мягкій свѣтъ, тускло освѣщая внутренность пещеры и выступающую изъ за нихъ посрединѣ часовню Гроба Бо-

гоматери.—Гробъ или погребальное ложе Богоматери первоначально, подобно веѣмъ погребальнымъ пещерамъ евреевъ, высѣченъ былъ въ цѣльной скалѣ здѣсь, у подножія Елеона; но со времени торжества христіанства надъ язычествомъ, въ IV вѣкѣ, по повѣлію св. благовѣрной царицы Елены, часть скалы, въ которой покоилось тѣло Богоматери, отдѣлена была отъ остальной каменной массы, составлявшей мѣстность и изъ отдѣленной массы образовано было кубической формы зданіе, надъ которымъ тогда же устроена была первая церковь. О церкви этой упоминаетъ св. Іоаннъ Дамаскинъ, Арнульфъ въ VII и Виллибальдъ въ VIII в.; она была разрушена затѣмъ султаномъ египетскимъ Хакимомъ (что косвенно подтверждаетъ и нашъ паломникъ начала XII в., игуменъ Даниилъ, когда говоритъ, что „преже была ту (въ Геесиманіи) церковь создана верху надъ Гробомъ тѣмъ (т. е. Богоматери) во имя успенія Святыя Богородицы, а нынѣ же разорена есть отъ поганныхъ. Гробъ (же) Святыя Богородица, добавляетъ онъ, былъ предъ великимъ олтаремъ тоя церкви“ (Путешест. иг. Даниила, изд. археогр. комиссіи, СПб. 1864 г., стр. 45). Готфридъ Бульонскій возстановилъ храмъ, разрушенный Хакимомъ, и основалъ при немъ монастырь; но послѣдній былъ разоренъ въ 1187 году Саладиномъ, причемъ мусульмане, почитающіе Богоматерь (Ситти—Маріамъ), пощадили пещерную церковь, которая сохранилась до нашего времени въ томъ видѣ, въ какомъ была построена въ началѣ XII вѣка ¹⁾—По наружному виду своему, часовня гроба Богоматери мало походитъ на часовню Гроба Господня: она сравнительно меньшихъ размѣровъ, покрыта сверху старинной шелковой матеріей и представляетъ убогій видъ. Двѣ низкія двери (одна съ западной входной стороны, а другая—съ боковой сѣверной) ведутъ внутрь ея; около первой слѣва помѣщается престолъ, принадлежащій армянамъ.—Когда мы подходили къ часовнѣ, на престолѣ армянъ совершалась литургія, поэтому и въ часовню гроба Богоматери намъ пришлось войти боковою дверію. Склонивши въ глубокомъ благоговѣніи колѣна предъ погребальнымъ ложемъ Богородицы, мы вознесли здѣсь первыя свои смиренныя молитвы Царицѣ неба и земли, скорой Помощницѣ и Заступницѣ рода христіанскаго,—молитвы благодареній и славословія, что сподобила поклониться и облобызать мѣсто, гдѣ нѣкогда лежало Ея пречистое тѣло...—Часовня состоитъ изъ одного отдѣленія или комнаты и занимаетъ пространство не болѣе одной квадратной сажени. Въ восточной стѣнѣ ея, возвышаясь на 1 арш. съ четвертью надъ помостомъ, находится покрытое мраморной плитой углубленіе на подобіе рундука или, выражаясь словами

¹⁾ Вотъ что читаемъ мы, напр., объ этой пещерной церкви у игумена Даниила: «Гробъ (часовня гроба) Святыя Богородица, пишетъ онъ, въ удольнемъ мѣстѣ, пещера была велика въ камени иссѣчена,—дверци же имущи малы, якоже можетъ человекъ влѣсти въ ня; и есть въ пещерѣ той противу дверемъ яко лавица засѣчена въ томъ же камени пещерномъ, и на той лавици положено бысть тѣло Святыя Богородица, а оттолѣ взято бысть въ рай нетлѣнно сущее; и есть бо пещера та до сего дни, мужа възвышь, а въ ширину 4 лактей, всемо окачна (равносторонна), а около теремьцемъ одѣлано моромора драгаго, красно сдѣланъ». (См. цит. его Путеш. по св. Землѣ, стр. 44—45). Тоже въ общемъ наблюдается, какъ увидимъ ниже, и теперь.

игумена Данила, „лавицы“; это и есть погребальное ложе Богоматери. Оно почти такой же длины и ширины, какъ и погребальное ложе Спасителя и во время богослуженія служить престоломъ для православныхъ грековъ. (Кромѣ грековъ на гробъ Богоматери имѣютъ право совершать богослуженіе одни только армяне, а латиняне этого права не имѣютъ). Около 20 серебряныхъ подвѣшниковъ и лампадъ, висящихъ надъ свящ. гробомъ, освѣщаютъ довольно ярко внутренность часовни, которая не обложена, подобно часовни Гроба Господня, мраморомъ и сохраняетъ свой натуральный видъ. За часовней Гроба Богоматери на незначительномъ отъ нея разстояніи, посреди пещеры имѣется возвышеніе на подобіе престола, на которомъ утверждена икона Богоматери, писанная по преданію, св. евангелистомъ Лукою; влѣво находятся два открытые престола, изъ которыхъ одинъ принадлежитъ коптамъ, а другой сирійцамъ. Въ углубленіи пещеры, что противъ входной лѣстницы, — у восточной стѣны помѣщается гробница св. первомученика архидіакона Стефана. Отъ гробницы этого первомученика Христова, въ благоговѣйномъ размысленіи, мы направились къ выходу. — Ефесская церковь, какъ извѣстно, присвоила себѣ мѣсто погребенія Матери Спасителя; но свидѣтельства св. Діонисія ареопагита, ученика св. апостола Павла, Мелитона Сардійскаго и патріарха іерусалимскаго Ювеналія, которыя приводятся у историка Никифора Каллиста (см. его Hist. Eccl. с. 22), равно какъ и свидѣтельство св. Іоанна Дамаскина (de Assumpt. Orat. II), въ этомъ случаѣ должны имѣть значеніе непреложной истины. По этимъ свидѣтельствамъ, Пресв. Дѣва скончалась не въ Ефесѣ, а въ Іерусалимѣ, въ домѣ Іоанна Богослова на горѣ Сіонской, откуда пречистое тѣло Ея руками св. Апостоловъ и перенесено было торжественно въ Геосиманскую весъ, которую любила Пресвятая Дѣва особенно въ послѣдніе годы своей земной жизни и, по вознесеніи Божественнаго Сына Своего, часто посѣщала для молитвы и размысленія о тайнѣ искупленія рода человѣческаго, — и здѣсь погребена была въ пещерѣ. По особенному смотрѣнію Божію, при успеніи и погребеніи Ея не было св. апостола Ѳомы, который прибылъ въ Іерусалимъ — 3 днями позднѣе. Тронутые его огорченіемъ, Апостолы открыли погребальную пещеру Богоматери, чтобы онъ поклонился Ея пречистому тѣлу, и тутъ то обнаружилась предъ ними тайна славнаго вознесенія Богоматери къ престолу Ея Божественнаго Сына, — пречистаго тѣла Ея въ гробницѣ не оказалось. Прибавимъ къ этому, что императрица Пульхерія обращалась къ патріарху іерусалимскому Ювеналію (около 430 года) относительно гробницы Пресв. Богородицы, какъ несомнѣнно находящейся въ Іерусалимѣ. А все это въ связи съ древнѣйшими преданіями св. Земли свидѣствуетъ о несомнѣнной подлинности нынѣшней погребальной пещеры Богоматери. — Отъ священной пещеры этой по караванной Іорданской дорогѣ мы направились мимо Геосиманскаго сада въ Виванію. Впереди выступала гора Соблазна, названная такъ потому, что на ней нѣкогда воздвигнуты были Соломономъ идольскія капища Астартѣ и Молоху. Слѣва, закрывая горизонтъ, каменистыми уступами поднимался къ небу крутой скатъ Елеона съ немногими тутъ и тамъ ютившимися на немъ одинокими мас-

личными деревьями. Справа, постепенно понижаясь къ руслу Кедронскаго потока и открывая видъ на Іерусалимъ, разстлалась Іосафатова долина, сплошь хаотически покрытая надмогильными плитами. Въ Свящ. Писаніи долина эта называется *долиною благословенія*, потому что здѣсь, послѣ чудесной побѣды надъ моавитянами (около Энгадди), благочестивый царь іудейскій, Іосафатъ въ присутствіи народа принесъ благодаренія и благословенія Господу силъ (2 Пар. XX, 26—27).—Медленно идемъ мы, огибая гору, подъ начавшими жечь лучами южнаго солнца. Вотъ мы и у восточнаго склона этой горы, громада которой почти прямымъ отвѣсомъ висится въ небо, поднимаясь надъ нами футовъ на 300, и пересѣвши лощину по каменному мосту, мы уже торной тропею, сокращая путь, бодро поднимаемся на небольшую горную возвышенность, каменистая площадь которой носитъ слѣды обработки. Скоро изъ-за ея покатой поверхности стала показываться тутъ и тамъ зелень масличныхъ, фиговыхъ и рожковыхъ деревьевъ: лѣвѣ, на отлетѣ сиротливо выступилъ чей-то одинокій небольшой домъ; а вотъ и незатѣйливые садики виѳанскихъ обывателей и мы—въ Виѳаніи.—Виѳанія, по мнѣнію ученыхъ значить „домъ бѣдности“, и получила свое названіе вѣроятно отъ того, что находясь на краю іудейской пустыни, она населена была всегда бѣдняками попреимуществу. Селеніе занимаетъ сѣверовосточный склонъ небольшой горной возвышенности, отдѣленной отъ Елеонской горы глубокою лощиною, и отстоитъ отъ Іерусалима „на пятнадцать стадій“ (Іоан. XI, 18); историческое прошлое его неизвѣстно. Въ евангельскія времена здѣсь обитали праведный Лазарь съ сестрами Маріей и Марѳой; въ то время она едва-ли не была даже собственностію семейства Лазаря, такъ какъ у св. евангелиста Іоанна она названа „весью Маріи и Марѳы, сестры ея“ (XI гл. 1 ст.). Въ Виѳаніи Марія возлила миро на главу Спасителя и омыла имъ ноги Его (Мѳ. XXV, 6—9; Іоан. XII, 3). Въ Виѳаніи, въ семействѣ Лазаря, Господь провелъ не мало мирныхъ часовъ, особенно въ послѣдніе дни своей земной жизни. Окруженный глубокой и нѣжной заботой друзей и оберегаемый ихъ нѣжной любовью, Онъ отдыхалъ тутъ духомъ, измученный утомительными столкновеніями съ іерусалимскими книжниками и фарисеями, упорство, ханжество и мелочность которыхъ были столь прискорбны и возмутительны. Сюда удалился Онъ послѣ торжественнаго входа въ Іерусалимъ и *водворися ту* (Мѳ. XXI, 17). Въ настоящее время Виѳанія или Эль-Азаріехъ, какъ называютъ ее арабы по имени Лазаря, представляетъ довольно убогое селеніе; состоитъ оно изъ 30—40 убогихъ глиняныхъ лачугъ съ плоскими крышами и населена исключительно мусульманами—феллахами.—Очень короткимъ, узкимъ переулкомъ вошли мы въ Виѳанію. Убогія жилища поразили насъ своею плохой приспособленностію для жилья и крайней неряшливостію; людей почему-то не было видно.—Гдѣ пещера Лазаря? какъ пройти туда? у кого спросить?.. Вопросъ за вопросомъ начали возникать у насъ, а между тѣмъ никто изъ насъ не зналъ ни турецкаго, ни арабскаго языка,—и сознавая все болѣе и болѣе затруднительность своего положенія, мы готовы были уже усумниться въ успѣхъ своего предпри-

ятія. Но Господь не оставилъ насъ Своею милостію: когда подошли мы къ концу переулка, предъ нами впереди, не далѣе полуверсты отъ селенія, изъ-за ската горы показались, ярко блестя на солнцѣ, кресты монастырскаго храма, о существованіи котораго мы совсѣмъ не знали, и обрадованные видомъ ихъ, торопливо направились туда. Монастырь, оказался греческимъ; возникъ отъ не особенно давно (не болѣе 30 или 35 лѣтъ) и устроенъ греками на развалинахъ древняго христіанскаго храма, который въ свое время сооруженъ былъ на томъ мѣстѣ, гдѣ, по преданію, Марѳа, сестра Лазаря, встрѣтила Господа, шедшаго воскресить умершаго ея брата. Монастырь обнесенъ высокой оградой и кромѣ блатѣннаго храма имѣетъ въ своихъ стѣнахъ небольшую „метохію“, т. е. гостиницу для поклонниковъ. Ворота и калитка были однако заперты. Нашихъ звонковъ на востокѣ мы не встрѣчали,—ихъ съ удобствомъ замѣняютъ тамъ удары желѣзнаго молоточка о дверную скобу. И на наши удары, въ калиткѣ скоро появился прислужникъ грекъ, немного говорившій по-русски, котораго мы и попросили провести въ монастырскую церковь. Передъ входомъ въ эту послѣднюю вплоть до монастырскихъ воротъ разбита прелестная аллея изъ молодыхъ стройныхъ кипарисовъ. Церковь внутри очень помѣстительная, свѣтлая и благолѣпно украшена. Иконостасъ, замѣтно, новый (даръ какого то московскаго купца) и блеститъ позолотой; своимъ устройствомъ и живописью онъ не отличается отъ нашихъ. Около праваго клироса помѣщается икона, изображающая Спасителя сидящимъ на камнѣ съ стоящими предъ Нимъ Маріей и Марѳой; предъ иконою этой, на помостѣ подъ столикомъ, возвышается небольшой камень. Здѣсь, вѣроятно, по преданію, встрѣтили Господа Жизнодавца сестры умершаго Лазаря.—По выходѣ изъ храма насъ приглашали было зайти въ „метохію“, но мы торопились, а потому, отказавшись отъ любезнаго приглашенія и взявъ, съ согласія игумена, прислужника грека, весело направились къ Виваніи: мы шли теперь къ пещерѣ Лазаря съ мѣста встрѣчи Господа Марѳою и Марією, гдѣ когда-то, видя плачущими Марію и пришедшихъ съ нею іудеевъ, Онъ Самъ возскорбѣлъ и возмущенъ духомъ и сказалъ: „гдѣ положили его?“ и прослезился (Іоан. XI, 33—35),—и шли, безъ сомнѣнія тою самою дорогою, которою тогда благоволилъ шествовать въ сопровожденіи сестеръ Лазаря и сочувствовавшихъ имъ лицъ Самъ Господь нашъ І. Христосъ, чтобы воскресить четверодневнаго Лазаря, котораго Онъ любилъ.—Расположенная почти при концѣ ската возвышенности, Виванія видна съ этой стороны очень отчетливо и въ общемъ производитъ даже благопріятное впечатлѣніе. Разстояніе скрадываетъ недостатки и убожество строеній, а разбросанныя среди нихъ и по косогору деревья придаютъ даже нѣкоторую красоту.—Извилистымъ, невзрачнымъ переулкомъ селенія подошли мы къ мусульманской мечети, построенной на мѣстѣ древняго христіанскаго храма, и, миновавъ ее, тотчасъ-же остановились предъ входомъ въ свящ. пещеру. Наружный входъ ея ничѣмъ не закрытъ, и никто не стережетъ его. Пещера однако составляетъ собственность одного мусульманскаго семейства, живущаго въ убогой лачугѣ напротивъ, и безъ дозволенія его нашъ проводникъ не рѣшался въ нее спустить-

ся; къ тому же намъ необходимы были свѣчи, чтобы осмотрѣть ея темную внутренность. Проводникъ скрылся во дворѣ лачуги и скоро пришелъ съ неряшливо одѣтой, всклокоченной смуглой женщиной, вѣроятно женою хозяина пещеры, которая, молча подавъ намъ три миниатюрныхъ восковыхъ огарка, осталась дожидаться у входа. Проводникъ немедленно зажегъ свѣчи и со свѣтомъ въ рукахъ и вѣрою въ сердца мы стали спускаться по лѣстницѣ, произнося мысленно побѣдный гимнъ церкви: „Общее воскресеніе прежде Твоя страсти увѣряя, изъ мертвыхъ воздвигъ еси Лазаря, Христе Боже“... Лѣстница очень узкая и крутая, въ 26 ступеней; сначала она идетъ подъ искусственнымъ сводомъ и между двумя каменными стѣнами, а потомъ, чрезъ 5—6 ступеней, чрезъ просѣкъ въ натуральной известковой скалѣ, съ примѣсью кремня.—Сойдя съ послѣдней ступени, мы очутились въ небольшой, но довольно высокой комнатѣ со сводомъ, переброшеннымъ отъ правой руки къ лѣвой. Въ ней противъ входа въ углу изъ камней сложенъ обнаженный престолъ, на которомъ латиняне дважды въ году совершаютъ мессу. (Православные этого права не имѣютъ и поклонники ихъ могутъ здѣсь только вознести краткую молитву и прочитать поучительное Евангеліе о воскресеніи Лазаря). Не видно нигдѣ приличныхъ священному мѣсту украшеній, иконъ или лампадъ; почернѣвшая мраморная обшивка, соръ по угламъ и пыль производить удручающее впечатлѣніе. Это, однако, только преддверіе гробницы Лазаря. Изъ нея налѣво, лѣсенка о трехъ ступеняхъ ведетъ въ другую весьма малую (аршина 4 длины и аршина 2 ширины) и низкую комнату со сводомъ. Туда съ трудомъ можно пролѣзть подъ каменной плитой сквозь малую узкую дверь, обдѣланную большими тесанными камнями; это и есть гробъ праведнаго Лазаря, откуда на 4-й день по погребеніи онъ вызванъ былъ къ жизни всемогущими словами Господа: „Лазаре, гряди вонъ!“¹⁾—Помолвившись Жизнодавцу и Побѣдителю смерти на мѣстѣ славнаго воскресенія Лазаря, мы поднялись наверхъ, уплатили небольшой бакшишъ женщинѣ и проводнику греку и, отпустивъ послѣдняго, направились къ Іерусалиму по караванной дорогѣ, которая огибаетъ виоанскую возвышенность въ юговосточномъ направленіи. Небольшой поселокъ, который увидали мы скоро за оврагомъ налѣво, живо напомнилъ намъ о селеніи противъ древней Виосфагіи, откуда ученики Господа привели для Его шествія въ Іерусалимъ молодаго осла.—Отъ Виосфагіи, которая должна находиться около Елеонской горы (см. Марк. XI, 1 и сравн. Мѡ. XXI, 1), теперь нѣтъ и слѣда. Не осталось слѣда и отъ селенія, которое было противъ нея, гдѣ, на распутии двухъ дорогъ (изъ Виоаніи и Гинномской долины), полагаютъ, была тогда гостинница, въ которой содержались и предлагались усталымъ путникамъ лошади и ослы для вѣзда на Елеонскую гору и въ Іерусалимъ. И Господь нашъ І. Христосъ, пришедши въ Виосфагію къ горѣ Елеонской, послалъ въ то селеніе двухъ учениковъ за молодымъ осленкомъ, чтобы на немъ совершить шествіе въ Іеруса-

¹⁾ О подлинности погребальной пещеры Лазаря см. нашу ст. «Геосиманекая весь и Виоанія», 1901 г. стр. 6—7.

лимъ чрезъ вершину Елеонской горы, чрезъ которую, какъ и теперь, тогда пролегалъ туда кратчайшій путь.—Мы, однако, продолжали путь прежнею дорогою по подножію Елеона и около 10 час. утра были на Подворьѣ. Здѣсь къ немалому удивленію узнали, что гимназисты въ наше отсутствіе ушли осматривать кромѣ храма въ пещерѣ Богоматери Іосафатову долину, Силоамскую купель и Сіонъ. Поскорбѣвъ, что они ушли, не предупредивши насъ, мы рѣшили побывать во всѣхъ этихъ мѣстахъ сегодня же послѣ обѣда.

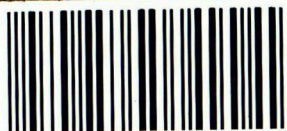
8431.

III

L

W m c.

100
0.10

2007097821